

ОКРЕСТ СЕВЕРЯНИНА

Игорь-Северянин в зеркале прессы.

**Специальное издание к 130-летию со дня
рождения поэта.**

Таллинн. 2017

Игорь-Бердянин

© 2013. Михаил Петров, составление, оформление, комментарии.
petrov@infonet.ee

РОССИЙСКИЙ ПЕРИОД

Колье принцессы. 1910

Некоторые мелочи из новостей, как это мы делаем иногда с научными новостями, гораздо более кстати переводить в нашу пестрядь. Например, как не привести стихотворение г. Игоря Северянина из его новой книжки «Колье принцессы»: «Он встретил у парка вчера амазонку под звуки бравурной раздольной мазурки». И признается: «Как кукольные формы у синей фигурки, нагледя восторгом, сказал я вдогонку». Такова уж сила поэтической наглости: «Она обернулась, она посмотрела, слегка улыбнулась, раздетая взором; хлыстом помахала лукавым узором, мне в сердце вонзила дремучие стрелы». Но магическая сила наглого заклинания этим не была еще исчерпана. Лошадь тоже захотела вонзить нечто в сердце поэта. Да и лошадь, кстати, принадлежала к женскому полу. Это определенно подчеркивает автор: «А рыжая лошадь под ней гарцовала, упрямо топталась на месте кобыла. И, право, не знаю — казалась-ли, было-ль — в угоду хозяйке меня... баловала».

Рецензия на сборник «Колье принцессы» в «Новом слове» № 8, 1910 года, в разделе Пестрядь» (в архиве Игоря Поступальского, ныне в архиве составителя). «Колье принцессы. 1-я тетрадь 3-го тома стихов. Брошюра двадцать седьмая». Спб, типография И.Флейтмана, 1910, весна; 24 с., 100 экз. Содержание: Увертюра. Реквием. Стансы. Лилии души. Маргаритки. Солнце всегда вдохновенно. Пасхальный гимн. Январь. Сонет. Зизи. Это было у моря. Амазонка. Амулеты. Арнольдсон. Призрак. Из Анри де Ренье. Тебе, моя красавица. Врубелю. Монолог. Рондолет. Русская. Рыцарь духа. Секстина.

Поступальский, Игорь Стефанович (1907-1989), поэт, переводчик, критик. Начал печататься около 1925 года, публиковал стихи и статьи в литературно-художественных сборниках «Красной панорамы». Среди поэтов относится к билингвам — писал стихи и по-русски и по-польски, в Польше его стихотворения изданы отдельной книгой «Wiersze» (1966). Был арестован в ночь с 26 на 27 октября 1936 года вместе с поэтом Владимиром Нарбутом по делу «об украинском националистическом центре в Москве». Арест совершен по доносу советского поэта Бориса Турганова. Поступальский отбывал наказание в одном лагере с Осипом Мандельштамом.

Игорь-Северянин. Электрические стихи.
СПБ. 1911. Ц. 50 к.

Произведения некоего Игоря-Северянина, упорно посылающего свои «стихи» в редакцию нашего журнала «для отзыва», заслуживают, наконец, того, чтобы мы отметили их. Это какое-то типичное для нашего разухабистого времени литературное озорство и шарлатанство. Иначе не определишь эти «стихотворения», посвященные почему-то «тринадцатой»... В них чувствуется одно неугасимое желание — удивить мир нелепостью смысла, содержания, формы. На кого, на какого читателя рассчитаны, например, хотя бы следующие строфы: «Струятся взоры... лукавят серьги... кострят (?) экстазы... струнят (?) глаза...» Отказываемся понимать и продолжать...

Рецензия из неустановленного источника в архиве Игоря Поступальского (ныне в архиве составителя) на «Электрические стихи. 4-я тетрадь 3-го тома стихов. Брошюра тридцатая». Спб, типография И.Флейтмана 1911, 24 с., 100 экз. Содержание: Хабанера Ш. Июльский полдень. Воздушная яхта. М-me Sans Gene. Пляска мая. Фиалка. В лимузине. Сонет: Ея любовь проснулась в девять лет. Сонет: По вечерам графинин фэзтон. Гурманка. Пленница. Марионетка проказ. Квадрат квадратов. В предгрозе. В парке плакала девочка. Грасильда. Verceuse. Июньевый набросок. Яблоня-сомнабула. Chansonnette. Тринадцатая. Вечером жасминовым. В шалез березовом. Интермеццо. Октава. Похоронная ирония. Пятицвет I. Импровизация. Озеровая баллада. Запад погас. Алтайский коктейль.

Игорь Северянин. Электрические стихи.
СПБ., 1910.

По обыкновению, поэт, издающий уже тридцатую брошюру своих стихов, чрезвычайно оригинален. В особенности полон оригинальными выражениями и странными словечками этот сборник: «Над ручейком хрусталит хрупь», «Сердце крылит к раздолью». «Она вошла в моторный лимузин, эскизя страсть в корректном кавалере». Княжна улыбкою «грезерки подарила графа невзначай» (грезерка — очевидно, мечтательница). И еще другое производное слово от греза: «грезово-мечтательное»; точно также поэт говорит «гундрово», «ветрово». Встречается нечто совсем непонятное: «Когда взвуалитса флюиоль, офлеря ручеек». Смелость и дерзость на редкость. Еще, например: «Какая ночь, и глушь, и тишь, и сонь, и лунь, и воль». Вместо глаза поэт говорит «глазы». Непонятно совсем, что такое «березозебранный», «фимьянная лилось». Вообще оригинальный, оригинальный певец. О себе он поет:

Точно воздух бездумен, точно мумия мыдр (мудр),
Кто прославлен орлами, ах, тому не до выдр.

Рецензия из «Нового слова», № 5, 1911.

Сравните рецензию на книгу стихов Константина Михайловича Фофанова из того источника (вырезка в архиве Игоря Поступьского):

К. М. Фофанов. После Голгофы.

СПБ., 1910.

Достоинства стиха Фофанова известны. Было время, когда Фофанов был единственным выдающимся поэтом в современной ему русской литературе; теперь он разделяет славу с другими поэтами. Можно назвать Фофанова родоначальником нынешнего яркого, звучного и легка в то же время как бы вывихнутого стиха. В восьмидесятых годах Фофанов уподоблялся Верлену.

Любопытно, что современные критики, вытаскивая на свет Божий самых маленьких поэтических козявок, совсем не говорят о Фофанове, и в то время как публика знает и любит Фофанова, критика как бы щеголяет незнакомством с этим крупным поэтом. Правда, у Фофанова, вдруг, среди поразительно красивых сочетаний и переливающихся радужными красками образов появляются не только, как мы уже выразились, вывихнутые стихи, но и лишённые вкуса.

Много лет назад мы отметили уже в одной статье, посвященной Фофанову, этот недостаток его, это дрожание какой-то мещанской струны на его небесной лире, и с тех пор Фофанов все же остался верен себе, и в стихотворениях его по-прежнему попадают строфы, которые приятно было бы выбросить. Но, с другой стороны, и те поэты, которые устаиваются такого внимания критики, тоже не всегда отличаются хорошим тоном.

Сергей Борисов

Игорь Северянин. Громокипящий кубок.

Книгоиздательство Гриф. Издание второе.

Какой талантливый, какой маленький, какой чуткий, какой дешёвый поэт! Неужели кто-нибудь действительно сопричислил его к «поэтам будущего», к футуристам? В нем все от нынешнего, немного примеси прошлого, и от будущего, конечно — ничего. Сейчас вышло второе издание стихов Игоря Северянина: дважды быть изданным в течение года — это для поэта, несомненно, широкий, публичный успех. Масса приняла его и не могла не принять: он для нее — весь ее, весь желанный, весь жданный, весь «свой».

Жена и мать! Коли себя иглою,
Проснись любить! Смелее в свой каприз!

Безгрешен грех — пожатие руки
Тому, кто даст и молодость, и негу...

Разве могут такие стихи не пленить, не восхитить толпового читателя, того уличного читателя, который слишком долгое время стоял под окном большой литературы и завистливо-пугливо глядел на пиры символистов, ницшеанцев, эстетов и мистиков и иных идейных аристократов недавней литературной поры? Разве не естественно ему броситься теперь безудержно и жадно на объедки с этих пиров, отпускаемые ему столь щедро молодым наследником — невольным «демократом», ибо ему и поистине нечего жалеть всех этих «объеденных» идей, доставшихся ему от предков. Ему для своих «вакхантов» не нужен — да и их обонянию не доступен, пожалуй — аромат дионисовского «эвоэ»; будет с них и «неги», и «смелее в свой каприз», и «грехи отважней», и «сомнения, мимо!», и «я презираю», и «я равнодушен» и тому подобным остатков со стола былых господских идей. Взамен изысканных... эстетических исканий и устремлений читатель улицы удовольствуется теперь и «эстетной», «помпезной» поэзией из передней барского импрессионизма.

Игорь Северянин — талантлив, и использовал это лучше других. Но чем рельефнее писатель в приемлемости своей для художественно-ничтожного вкуса, — тем выпуклее выдается дешевая временная стоимость его, тем открытее становится художественная «маленькость» его, тем закрытее для него доступ в будущее, тем менее он — футурист.

Вот почему до-грусти напрасно, то обстоятельство, что столь рано «гений Игорь Северянин своей победой упоен». На рынке мировых ценностей никакая дешевизна не бывает так болезненно-жалка, как «дешевая гениальность». И на арене мировой борьбы никакая победа не бывает так обидно-смешна, как победа малого над совсем ничтожным. Такие «гении» носят более частое имя: «любимцев райка». И от таких «побед» поэты истинные плачут по ночам, зарывшись в свои подушки.

Рецензия из «Новой жизни», № 1, 1914.

«Громокипящий кубок. Поэзы». Москва, «Гриф», второе издание, 1913 (26 августа), 135+6 с., тираж 500 экз., предисловие Федора Сологуба.

Илья Игнатов

Литературные отголоски

<...> У меня уже не остается места, чтобы заняться другими «акмеистами», нет места и для проникновения в творчество эго-футуристов. Но к одному из них к г. Игорю Северянину необходимо обратиться. О нем как о таланте говорит г. В. Брюсов, о нем (по-видимому, о нем) пишет несколько ободрительных слов Антон Крайний. «Эго», — как говорят, однако — у него и не ночевало.

Допустим; но у него несомненно есть движение, устремление, упование, всевозможные активные *ения*, которые он сам передает с несколько иной орфографией, называя себя «гением». «Я, гений Игорь Северянин»...

Не буду останавливаться на орфографических тонкостях... Книга стихотворений г. И. Северянина распадается на четыре части; о трёх последних говорить не приходится: почти все ценное и характерное заключается в первой части. По странной воле судьбы, здесь в этой части, вы находите то, о чем говорят теоретики-акмеисты, называющие своих сотоварищей по творчеству «гниенами». Здесь увлечение земным, молодая отзывчивость на все явления жизни, музыкальное отражение жизненных восторгов. «Я снова — я, я снова молод», — поет г. Северянин почти в каждом стихотворении; он не говорит, не пишет, а поет, форсируя голос.

Рифма его часто не слушается; он рифмует «лени» и «томленьи», «мумий» и «безумьи», «лес» с французской «berceuse» (!). Но часто эта неряшливость усиливает впечатление поспешности его полета куда-то; кажется, что поэт упоен своим движением и ему некогда останавливаться на таком пустяке как созвучия; представляется, что именно этой поспешностью и стремительностью объясняется его готовность сливать несколько слов в одно, делать из существительных глаголы и перепрыгивать препятствия, опрокидывая иногда даже смысл выражений.

Но прочитываете одно за другим десятки стихотворений и замечаете усталость; не сами испытываете ее, а открываете ее в авторе. То, что было лишь облегчением полета, становится целью; он хлопочет около слов, перекувыркивает их, подстегивает себя, начинает кричать все громче и громче, стараясь возбудить себя криком и заменить начинающее слабеть стремление и жизненный восторг внешностью увлечения.

И весь он со своим «ениальным» или; по его терминологии «гениальным» устремлением только дополняет впечатление, полученное от сопоставления теории акмеистов с их творчеством. Уставшее питается если не «злостью», то мрачными выводами сердце современных поэтов жаждет радости, отдыха, восторга перед земной красотой, перед «посюсторонним» миром. Это желание родит теорию, призывающую сосредоточить внимание на земном, но современному русскому поэту трудно стряхнуть с себя душевную «омраченность», и, проповедуя восторг, он поет печаль; стремясь прославить жизнь, — занимается только смертью. В виде исключения мелькнет действительное увлечение жизнью такого Игоря Северянина. Но оно не в состоянии бить постоянным ключом, и это — все-таки не Нарзан, и очень быстро источник, уже надо газировать, надо искусственно поддерживать его кипучесть.

Где условия для более прочного увлечения жизнью?

«Русские ведомости», № 80, 6 апреля 1913.

Игнатов, Илья Николаевич (1856-1921) — земский врач, русский писатель; с 1893 оставил практику, принял участие в «Русских Ведомостях» (помощник редактора); примыкал к публицистической школе русской критики.

Вадим Шершеневич

Игорь-Северянин. Златолира. Поэзы. Книга II. Кн-во «Гриф». М. 1914. 1 р.

Вторая книга Северянина огорчает. О ней не хочется говорить после воистину громоклещевого «Кубка».

Большую часть книги составляют стихотворения, написанные до «Кубка», и только в этом некоторое оправдание недостатков «Златолиры». Она скучна, пуста и пошловата. Конечно, все можно опозитивировать, но мы окончательно отказываемся принять стихи, в роде следующих:

Выправлять же ребёнка (?) — ты согласна со мною?
Это то же, что почки уничтожить весной. (стр. 26).

Встречаются перепевы первой книги. Поэза «Женская душа» целиком списана у Бальмонта. Даже основное качество северянинского стиха — певучесть — отсутствует. Нам хотелось бы отнести все дефекты за счёт времени, но — увь! — мы не вполне уверены, так как дат нет, а стихи заведомо позднее тех, что были в «Кубке», — малоутешительны.

Единственно хорошей новой для поэта и ценной показалась нам поэза «В духане над Курой».

Но все эти минусы не отнимают у нас надежд на полную реабилитацию Северянина третьей книгой. «Златолира», может быть, заставит поэта понять, что мало одного таланта, что нужна ещё работа и, главное, вдумчивая самокритика. Одними уверениями в своей гениальности уверениями рискованными, не проживёшь.

Газета «Новь», № 52, 15 марта 1914.

*Шершеневич Вадим Габриэлович (1893 – 1942) — поэт, переводчик, один из основателей и главных теоретиков **имажинизма**.*

Вечер Игоря-Северянина

Конечно, аудитория Политехнического музея.
Конечно, доклад.
Конечно пр...

Впрочем, прений не было.

Была декламация.

Одним словом, — был вечер поэзии Игоря-Северянина.

Налицо были четыре части: полное собрание сочинений Игоря-Северянина, доклад В.Ф.Ходасевича, декламация Игоря-Северянина и декламация остальных.

Четыре части, ничем друг с другом не связанные. Как будто в одних стакан налили шампанское, кофе, кислые щи и огуречный рассол.

Северянин не знает доклада Ходасевича, Ходасевич не знает что будет читать Северянин, остальные не знают ни Ходасевича, ни, что еще хуже, Северянина.

Общего духа, общей идеи не было и в помине, не было ничего, что дало бы хоть отдаленное понятие о поэзии Игоря-Северянина, не знающим этой поэзии.

В.Ф.Ходасевич отделался от Игоря-Северянина целым рядом общих мест. Еще более общими местами отделался он от футуризма вообще.

Читал он недолго и был награжден шумными аплодисментами публики, чем и закончилась первая часть «вечера поэзии».

Вторую часть открыла госпожа Селиванова.

Читала она недурно, но так, как будто Игорь-Северянин ничем не отличается от Фета, Надсона, Полонского. Стихотворения были выбраны малохарактерные для данного автора.

Госпожа Морская читала пародию на Игоря-Северянина. Читала с тонким юмором, выделяя улыбкой голоса неожиданные и непривычные слова. И благодарная публика весело смеялась.

Вслушиваясь в чтение г-жи Ильнарской, но не прислушиваясь к словам, можно было поручиться, что она читает Никитина. И хорошо читает. Хороший тон опытной бытовой актрисы. Но... причем тут Игорь-Северянин?..

Я нарочно приберег к концу г-жу Рындицу, как единственную, прочувствовавшую то новое, что дал Игорь-Северянин, и отрешившуюся поэтому от старой манеры декламации.

Северянина нельзя читать, как читают Некрасова, Надсона или Никитина. Надо найти новую манеру. И, если госпожа Рындица ее не нашла, то она, по крайней мере, искала ее. Она вдумчиво отнеслась как к выбору стихотворений, так и к исполнению их; каждое из трех прочитанных стихотворений было прочитано иначе, в зависимости не только от содержания, но и от ритма стиха.

Закончил «вечер поэзии» сам виновник торжества — Игорь-Северянин. Читает он совсем необычно. Вернее, не читает, а поет свои стихи речитативом. Каждый раз другой мотив. Сначала это кажется странным, но, когда привыкаешь — начинает ласкать ухо. И кажется, что такие стихи только так и надо читать. Только так и можно выделить то новое, то особенное, что в них есть. И публика, сначала улыбающаяся, принимала автора с каждым новым стихотворением все горячее и горячее, устроив, в конце концов Игорю-Северянину настоящую овацию.

У поэта.

Я нашел поэта в маленькой лекторской за эстрадой, где шел доклад о нем.

Игорь-Северянин — высокий, стройный, в черном сюртуке. Бритое лицо нерусского типа. Уверенные спокойные глаза хорошо связаны с сжатыми тонкими губами и римским носом.

Мы беседуем.

— Я эго-футурист. Я был им провозглашен в ноябре 1911 г., когда появилось издание моего пролога.

Слова льются четкие, отделенные друг от друга, точно при каждом из них нажимается невидимая педаль.

— Моя доктрина известна. Эго значит — «я». Футурист — «будущий». Эго-футуристом может быть каждый. Это очень просто, Но это надо суметь, так как для этого нужен большой труд. Каждый человек, который решил выдвинуться, должен упорно выдвигать себя, принося все в жертву этой цели.

С футуризмом я не имею ничего общего. Мое творчество пока единственно в своем роде. Многие подражают мне, но эго-футурист я один.

Что касается Маринетти и итало-французского футуризма, я не берусь ни судить о нем, ни связывать себя с ним, так как это вне моей компетенции.

Относительно же ваших московских кубо-футуристов я скажу, что это шарлатаны и совершенно бездарные люди.

Из всех моих подражателей наиболее приближается ко мне Дмитрий Крючков. Но он всё же не эго-футурист, а только модернист.

Из критиков, наиболее чутко улавливающих мое творчество, я назову интуитивного критика «Очарованного Странника» Виктора Ховина.

Как читать мои стихи, спрашиваете вы, и под какую музыку?

Под музыку Скрябина. Мои стихи под музыку Скрябина — здесь должен получиться удивительный диссонанс.

Когда я выхожу на эстраду, я не знаю заранее, что я буду читать, Видите, у меня здесь чья-то визитная карточка. Я только что нанес на, нее ряд заглавий моих стихов. Это мой репертуар, из которого я буду выбирать уже на эстраде...

В лекторскую ввалилась после оконченного доклада толпа поклонников.

Все такой же спокойный, чеканящий слова, изысканный в медлительных движениях и чуть надменный, Игорь-Северянин отошел к своим московским поклонникам.

«Московская газета», № 307, 31 марта 1914 года. Отчет и интервью без подписи.

Поэзовечер состоялся 30 марта 1914 года в Большой аудитории Политехнического музея. Реферат о футуризме Игоря-Северянина — прочел

В.Ф.Ходасевич. Чтецы во втором отделении: В.Ильнарская, Л.Селиванова, Л.Рындина, М.Морская, А.Коонен, А.Таиров. Автор выступал с чтением стихов в третьем отделении.

Д.Тальников

Недоразумение в стихах.

(Игорь Северянин. Златолира. Поэзы. Кн. 2-я).

I.

Если первая книга Иг. Северянина («Громокипящий Кубок») заключала в себе элементы, рождавшие вокруг книги споры и разговоры, то лежащая сейчас перед нами вторая книга «поэз» того же автора, под свойственным ему претенциозным заголовком, представляется нам во всех смыслах бесспорной, — бесспорной в глазах даже очень рьяных поклонников Игоря Северянина. Бесспорность «Златолиры» — в ее слишком очевидной бездарности.

В «Громокипящем Кубке» было нечто, что говорило неискушенному в поэзии читателю, если не о каких-либо определенных поэтических достоинствах автора, то об известной новизне его впечатлений, о каком-то остром нерве сочинительской фантазии, о новых образах и причудливых формах стихосложения. Вторая книга, именно потому, что она вторая и, так сказать, канонизирует известные технические приемы, обнаруживает перед читателем, уже привыкшим к способу выражения поэта, его методы творчества, и эта вторая книга с очевидностью показывает, что мы имеем дело не с оригинальностью, а с оригинальничанием по совершенно рассчитанному плану, с манерностью, с чисто рационалистической выдумкой, которая на сей раз уже не может скрыть своей истинной природы.

Перед нами вполне определенно отлитый штамп работы Иг. Северянина, и, как штамп, он больше не поражает своей новизной, и это именно позволяет непосредственному чувству разглядеть основную черту поэзии И. Северянина: за причудливой формой нет содержания, нет творческой интуиции, нет поэзии. Вы читаете набивший уже оскомину шаблон всех этих «поэз» второй книги под самыми разнообразными заголовками: «В Миррэлии», «Прощет Амазонии», «Гризель», «Симфониэтта», «Кокетта», «Промельк», «Лисодева», «Невыразимая поэза» — и они не вызывают в вас уже, как это было при чтении первой книги, даже раздражения: сейчас это уже не ново, — а просто пресно, бесконечно скучно...

В «Златолире» вы ясно начинаете видеть, если этого не видели раньше, те белые нитки, которыми поэт сшивает свои стихи, постигаете весь механизм этого своеобразного творчества. В чем сущность поэзии Иг. Северянина?

Иг. Северянин в своем искусстве исходит, прежде всего, не от внутреннего, не от поэтических настроений и образов, а от внешнего. Первое и главное в его поэзии — это остановить читателя, торопливо пробегающего мимо вороха современных стихов, сборников, задержать его внимание на себе чем-нибудь экстравагантным, бросающимся уже издала в глаза, — если нужно, то клоунским колпаком и бубенчиками. Удивить, поразить, и притом до

бесчувствия — такова задача этого искусства. Итак, форма прежде всего... Разве не из этого источника исходит столь ярко подчеркнутая страсть Иг. Северянина к новому словообразованию? Сейчас вас уже не поражают, — как это было прежде, — новые слова поэта: вы достаточно начитались их в «Сатириконе»:

Озвень, окольчивай, опетливый,
Мечта, бродягу-менестреля...

Многие стихи «Златолиры» читаются, как пародия — и не пародирует ли действительно втайне Иг. Северянин, кто это знает?

Чем вызвана эта вереница новых словообразований? Разве мысль, выраженная ими, не находить себе иных выражений на старом поэтическом языке, менее курьезных, менее рискованных, менее искусственных? «Отлетены лета», «офлерить экстазом», «озабветь», «олиллиенная лестница», сад «одебрен», «небо океанится», «пригубливаю щель свирели», грезы «шустрятся», «девно солнится березка», «ошедеврить, оперлить», «шмелит—пчелит виолончель», «извивно релсилась» и т. д.

«Меня отронит Марсельезия,
Как президентного царя!..»

Но ведь как можно это серьезно читать? ведь это одни глупости, рассчитанные на новизну, и как все это безвкусно, грубо-надуманно, сочинено!..

Просто сказать: в апреле — слишком обыденно. Дай-ка придумаю, говорит Иг. Северянин, и придумывает:

И молнии, как огнестрелие,
...И расцветают там в апрелие...

Не «весна», а «весень», «фиалчьи», «цветочье», «русалчьи». Где хочет, Иг. Северянин просто сокращает слова: «дамья кавалерия», «будь матью», «юню дерзкий, «съединия»; где хочет удлинит: «школьнических лет»... Автор не церемонится и с падежами, числами и пр. Если ему нужно, он пишет: «передает накидок (?) бархатный...»

Читая его стихи, не можешь отдаться основному впечатлению пьесы, а все словно ходишь по канату или спотыкаешься на каждом шагу о булыжники: «чей капот так фланелев», «журчно и блестко», «бочелучье», «лунодумный», «златошампанья» (совершенно по образцу образований болгарского языка — «сладколед» (мороженое) или наших «мокроступов»), «лоскощекий», «мильонолетие», «промельк», «предлѣнчные (?) прогулки», — «известница», «всемирница» (тот же староболгарский язык образует «бакальницу» — бакал[ейная]. лавка, «сладкарницу», «печатницу», «книжарницу» и др.). И в «Златолире» все те же переложения французских слов на русскую речь, в которых так изощрялся Иг. Северянин в своей первой книге, — ничем не оправдаваемые и безвкусные, портящее чистый русский язык барбаризмы: «фетэрка»,

«резервэрка», «эксцессер», «пес рондолит хвостик»... Где тут грань между словообразованием и пародией?

Эти попытки насаждения новых слов в русской речи делались у нас давно уже, но прекращались, как бесполезные: живая, органически-растущая речь живого языка отметала все это, развиваясь по собственным законам. Нужно быть очень наивным, чтобы, подобно Иг. Северянину, думать, что по щучьему велению какого-нибудь смелого новатора, язык, медленно складывающейся, медленно приспособляющейся к потребностям нового времени, может усвоить все искусственные приемы, какой-нибудь резвой головы. Язык есть творчество, народное коллективное творчество, он никогда не бывает рационалистичен, как и всякое подлинное творчество, и реформы, подобные «поэзам» Северянина, могут разве только обогатить копилку лингвистических курьезов и шаржей.

Иг.Северянин, подобно остальным футуристам, может быть, станет повторять то, что все они повторяют, в защиту своих новшеств: эти сокращенные словообразования являются выражением быстрого темпа современной городской жизни, экономики времени и психической энергии. Но какая же это экономика? Процесс мышления приемами Иг. Северянина только тормозится, затягивается, удлиняется, — я не говорю уже о процессе интуитивного восприятия поэтических образов, чувств и настроений! Ибо, прочитав, например, у Северянина:

Вздрожат, мне славу воззая!

или:

Юлят цветы, его гоньбы улики,
Божит земля, и все на ней божит...

Вы останавливаетесь и начинаете доискиваться корней и смысла непонятных для вас слов-загадок, словно вы не поэзы читаете, а ребусы разгадываете.

Вот, напр., такой образ:

Брожу я часто по цветочью,
И, как заплесневелое олово,
Луна мне изумрудит ночью;
В прелюд же месяца лилового
Душа влечется к средоточью.

Что означают последние строчки? Подумав, может быть вы и расшифруете эту абракадабру, но причем же тут экономия речи, если она достается за счет смысла? Существование телеграфного кода имеет свой *raison d'être* [фр.смысл существования], но причем же тут поэзия?

Что значит: «с душою пахотной?» «девушка, читающая Запад?»

И такова решительно вся «поэзия» Иг. Северянина.

II.

Приемы этой поэзии разгадать не трудно. Слишком белыми нитками сшита эта поэзия, чтобы оставаться загадочной, чтобы оставаться для читателя в области творческой тайны. Все здесь построено на готовой рассчитанной форме. Вам уже знакомы по предыдущей книге Иг. Северянина и все его прозаизмы, которыми он оригинальничает и сейчас, в «Златолире»: в саду — «периодическая зелень», «природу петь донельзя плоско», «солнце ласково играло в простодушной похвальбе»...

Вам знакомы — и теперь даже не раздражают, а просто скучны — и тяжеловесные эпитеты времен Тредьяковского: «златогорлый полдень», «среброгорлый май», «волна качалковая»...

Разве можно говорить о какой-либо музыкальности стиха, когда все здесь так шершаво, так тяжеловесно, не звучно, грубо?

И в рифме своей Иг. Северянин старается быть оригинальным, сногшибательным, оглушить читателя, и здесь все построено на ловком «антраша». Рифма не вытекает из органической потребности размеренной речи, а чисто случайное, чисто внешнее совпадение созвучий, т.е. версификаторство. «Остров — под мост ров», «лайка — полай-ка», «Балькис — возobleкись», «лазорие — Черноморие», «счастливица» — и какие-то «Дылицы» (мыза, где творил поэт), «оранг-утанг — мустанг», «перил — горилл», — «русалчьи — фиалчьи». Встречается и более любопытное: «галантом — прейскурантом», «мальчик-пай — баю-бай», «лес — геркулес (каша)», «олетено — Елизаветино», «дебаркадер — Редерер», «цветут — тоске капут»...

«У дачки бродит курочка
И рядом с ней петух..
Ликует шумно Шурочка
Среди веселых рюх (??).

Что это — поэзия или фабричная надпись на бумажке, в которую завертывается карамель для деревни? Курьезов у Иг. Северянина не оберешься, да и вся его поэзия вообще — какой-то сплошной курьез. Вот упражнение — скороговорка:

То было когда-то тогда,
То было тогда, чего нет...

Душа у Иг. Северянина «обезвопросенная», мальчик — «овалголовый, крупногладный», «сирень грузила в грезы разум», у бессонницы «слюнявый шип», «идет пастух, пыхтя в дуду», «приступила в седьмом ряду».

«Я внимал, в гипнозе упоенья, хлыстикам полившего дождя, — рассказывает Северянин, потом он дает «липе тумака», «развинтив клубок восторга»!!

Чеховский Соленый давно уже придумал латинский термин для подобной ахинеи: tschepucha...

«Июлил вечер, мечтая звезды высечь» — что и говорить? мечта, достойная поэтического вдохновения Иг. Северянина! «От желанья лопался костюм вуалевый» — физиологический образ, делающий честь наблюдательности поэта! И дальше все в таком роде?

Душа твоя, эоля,
Ажурит розофлер —
В объятых эксцессера
Снегурово истай...

или:

Этот алый крапат
На блузке лилиебатистой — весень...

Отрываясь же от земли, «блужок» и прочей мелочи, Игорь на аэроплане летит.

... с орлами каламбура,
Их ударяя по плечу...

Так блаженнейшей памяти Хлестаков похлопывал, бывало, по плечу другого орла: «что, брат, Пушкин?»

III.

Но что бы получилось, если бы Иг. Северянин не «каламбурил с орлами», не выделял восхитительных выкрутас и сальтомортал над русским языком и над поэзией? Его поэзия была бы самой ординарной и невидной, даже ниже ординара, — самой плоской, ничьего взора ничем не привлекающей. И Иг. Северянин это учитывает. Что и говорите: от хорошей жизни не полетишь!..

Отбросим вздорную шелуху его поэзии, о которой мы сейчас говорили, и что останется от этой поэзии? Вторая книга его стихов именно ясно показывает, что если бы не фокусы, не эта самая шелуха, выкрутасы, — поэт был бы просто безмерно скучен. Стихи «Златолиры» ясно обнаруживают всю слабость Иг. Северянина, как поэта: на одну книгу хватило кунштштюков, а во второй книге пришлось уже самого себя повторять — выше головы ведь не прыгнешь... И вот здесь, где пришлось все усилия возложить на поэтический талант, обнаружилось все поэтическое бессилие «гения, повсеградно оэкраченного»...

Много «поэз» «Златолиры» написано в простом стиле, не эгофутуристическом и не реформаторском, — простым языком, в простой манере, и вот что у Иг. Северянина получается при таком образе писания:

Льется дождь, златисто-кос,
Льется, как из лейки,
Я иду на сенокос
По густой аллейке.

Вот над речкою откос,—
Сяду на скамейки
Посмотреть на сотни кос,
Как стальные змейки.

Не из «Задушевного» ли это «слова» для младшего возраста?

Как слабы изобразительные средства Иг. Северянина, как бессилен его язык, лубочны образы. Вот образ, взятый прямо из кавалерийского письмовника: «Вздыхается страсть, точно струй занесенные сабли!» Или другой: «грудь — дыни», как в «Громокипящем кубке» были «грудь — дюшес».

Как вкусен кофе утром летним...
поет в стихах Иг. Северянин, рисуя дачную картинку:

...несется вскачь корова.
И милолица, и здорова
Девчонка деет антраша..

Эти антраша принужден «деять» и сам поэт, чтобы хоть чем-либо поразнообразить ту сплошную и притом вульгарную прозу, которую он преподносит своему читателю.

Все написанное Иг. Северяниным в старой манере до поразительности бездарно.

Я не лгал никогда никому,
Оттого я страдать обречен,
Оттого я людьми заклеимен
И не нужен я им потому, и т. д.

Или же это в стиле старых напыщенных од, как, напр., «На смерть Лермонтова».

И панихидой погребальной
Страна гудит, и люд печальный
Душевной горестью объят...

Или же в духе бальмонттовской пустой риторики:

Вдыхайте (!) солнце, живите солнцем, и т. д.

Здесь вы найдете и бездарные имитации народной песни:

Летом все же перебежься,
А зимой что есть?
По нужде идешь на место (!) —
То-то вот и есть...

Это, на языке Иг. Северянина, называется поэзией!.. Неужели подобно мольеровскому мещанину в дворянстве, Иг. Северянин и до сих пор не знает, что он говорит прозой и притом прескверной...

И выходит, что спасает опять таки одно благодетельное «антраша». «Вы вдруг заискритесь, как Мумм», — выкинет неожиданное коленце поэт. Сердце «кипит, как... Редерер»; «солнится Crème de Violettes», — читаете вы, и вспоминаются «гильзы Катька» или «коньяк Шустова», воспетые легким пером газетного «дяди Михея».

Лавры этого пииты, очевидно, не дают спать Иг. Северянину: перлы легкого, непринужденного стиха так и блистают на страницах его книги.

Запасшись всякой всячиной.
Садитесь Вы в купэ.

В этом жанре выдержана и целая поэма «Злата», совершенно напоминающая газетный фельетон из какой-либо «Тетюшской газеты». Вот в каком «бытовом» стиле, с оттенком юмора, написана эта поэма:

Мычат коровы в нашем переулке,
И дама общества — культура — далеко.

или:

А как приятен с водкой огурец...

Конечно, тут и обычные антраша:

Но я привык в общественном компоте
Свершать свой ультра-эксцентричный путь.

Содержание поэмы такое:

Она — божественна, она, Пахома дочь!..

Ну, а после того, как она отдалась поэту, — эта божественная дочь Пахома, — она покончила с собой:

Скончалась ночью, в три часа,
От хлороформа.

IV.

Таков Иг. Северянин, когда он перестает быть «ультра-эксцентричным» поэтом и вступает на путь простой обыкновенной музыки. Сам понимая отлично, что успех его только в «эксцентриках», Иг. Северянин недолго остается на лоне мычащих в переулке коров. Его привлекает более «общественный компот», выражаясь его пошлым языком, и этим, якобы общественным отношениям отдает он свое перо. В Иг. Северянине, как и в футуристах вообще, хотят видеть поэта современного города, культуры аэропланов,

автомобилей и ресторанов. Но разве поэзия города заключается в тех, чисто внешних, декоративных формах, которые отмечает на своей лире Иг. Северянин? Разве употребить какой-нибудь городской термин, написать, что вас

«...стремит к Бахчисараю
Заботливо автомобиль» —

значит, вскрыть психику города и его отношений? А Иг. Северянин дальше этого не идет. Он описывает авиатора, «фетэрку», ресторан, какой-нибудь «Crème de Violettes» и «Редерер», какого-нибудь «эксцессера».

Иг. Северянин пишет в рифмованных строчках даже об абортах. Что и говорить: самая современная и «городская», так сказать, тема. Эта «поэза» носит название «Благодатной поэзы»:

Ты набухла ребенком! ты — весенняя почка!
Отчего же боишься ты познать материнство?

и дает определенный и достаточно убедительный совет:

Плюй на все осужденья, как на подлое свинство!
Возликуй беспредельно, крещена благодатью...

(В скобках: какого сорта эта «благодать», мы можем узнать от Бальмонта:

Мы не по закону,
Мы по благодати,
Озарив икону,
Ляжем на кровати...—

Из книги «Зелёный Вертоград».

Рассуждения Иг. Северянина на тему об абортах сводятся к следующему:

Вытравлять же ребенка—ты согласна со мною?
Это то же, что почки уничтожить весною...

Вопросы семейные вообще интересуют Игоря. Вот он сообщает читателю о том что у него две жены —

«и у каждой дети —
Девочка и мальчик — оба от меня...

И о том еще, что мальчик от одной из жен (очевидно, от незаконной)

Матерью пристроен за три пятьдесят...

О том, что этот «пристроенный» мальчуган — плод несчастной любви, явствует из других поэм Иг. Северянина. Все моменты любви у Северянина сводятся к одному мотиву:

Ловите женщин, теряйте мысли..,

целуйте, а

к поцелуям финал причисли —
И будет счастье в удобном смысле...

Этот «ультра-эксцентричный» поэт в самых глубинах своих всегда остается очень расчетливым мещанином: даже в самых дерзающих «поэзах» своих он не может подняться выше «удобного» счастья — и к чему здесь, действительно, иметь какие-либо «мысли»?

Ловите женщин — теряйте мысли.

Вот проходит мимо поезд полным ходом, но поэт одно только замечает:

Чужая женщина в окно
Мне отдается и берет...

Все дело любви вообще чрезвычайно просто и вертится в рамках одного «финала».

Поджидая кого-то на своей мызе, Иг. Северянин предугадывает именно этот момент:

Ты отдашься мне на ландышах...
Будут ласки небывалые.

Это выйдет несколько удобнее, конечно, чем отдаться в окно поезда на полном ходу, — и, главное, поэтичнее, — так сказать на самом лоне природы. А та, которая должна «отдаться на ландышах» — «дитя простонародия», как это видно из другой «поэмы». Теперь дело ясное: взгляд смуглянки черноокой — какой-нибудь крестьянки или же «горничной Кати, ало-девчика»; только прежде это называлось просто клубничкой, а теперь — «поэзой» — «благодатной» или «невывразимой», а в результате — мальчуган, «пристроенный за 3 р. 50 к.».

Идеалы прозаического мещанства царят властно над виршами Иг. Северянина. Всякий влюбленный — поэт, говорил Л.Толстой. Иг. Северянин даже в любви прозаик. Его любовь не идет дальше «удобств», как мы видели, и отдельных кабинетов. Вот он воспевает свою даму, с которой ужинаете в одном из этих зланных мест, заказанную ею стерлядь, «из капорцев соус, и Рейнвейнского конус (?)».

... я желаю оперлить

Все, что связано с Вами, — даже, знаете, соус...

Поэзия соусов, так сказать... Ну, а затем — после стерляди и соуса

Мы любви не избегли...—

откровенно поясняет поэт.

А после «ей» почему-то стало «грустно». От чего бы? Кажется, все было «удобно»... Но опытный поэт, надо ему отдать справедливость, сразу догадался:

— Ах, извините,
Это можно поправить... Вы шепнули: «устрой-ка»?..
Хорошо, дорогая! для «заплаты есть нити»...

Как это понять? Что бы здесь ни было, но это что-то грязное. Господь с ним! Если прозаическое описание угарного развратного ужина в отдельном кабинете — есть поэзия города, то, конечно, в этой поэзии славное место принадлежит Иг. Северянину...

Но, конечно, главный герой «поэз» «Златолиры» — сам Иг. Северянин. О, он себя очень любит, этот молодой человек, и эта любовь, как и всякая, — удивительно слепа.

После соответствующих «самогимнов» его первой книги, читаются, правда, без особого удивления такие строчки «Златолиры»:

Мне отдалась сама Венера,—
И я всемирно знаменит.

«Mania grandiosa» давно уже вскружила голову этому «гению»:
Как плодоносны, как златотрубы
Снопы ржаные моих поэм!

воскликает в минуту одного из припадков своей болезни Иг. Северянин. Мы выше рассмотрели эти «плодоносные» поэмы, и эти карикатурные выходки больного самомнения возбуждают в нас сейчас только веселые улыбки: чем бы дитя ни тешилось...

В послании своему соратнику В.Брюсову, Иг. Северянин пишет:

Великого приветствует великий.

Свой стих он так определяет:

Мой стих серебряно-брильянтовый
Живителен, как кислород,

Совершенно в духе державинского, «как летом вкусный лимонад».

В конце концов, эта самовлюбленность ограниченности — самое противное в версификаторстве Иг.Северянина:

О, гениальный! О, талантливый!
Мне возгремит хвалу народ.

Болезнь ли это, действительно, или только симуляция и ломанье?
— неволено спрашивает себя читатель.

И как противно-манерны все эти жеманные «интимы», «ми-
рэллии», «карусельницы», все эти присюсюкивания:

Я — мальчик-пай,

или какой я

«наивный, юный и кокетливый»...

Знаем мы эту «наивность»!..

V.

На Игоре Северяnine нечего, в сущности, было бы останавливаться
подробно и серьезно. Какой же это поэт, в самом деле? Есть фигляры на пло-
щадях, «эксцентрики» в цирках, канатные плясуны. То же есть и в литературе.
Но причем же тут поэзия?

Книга Иг. Северянина лишена всякого поэтического содержания,
как мы уже сказали, это — самая настоящая проза и, притом, скверная.

Произошло крушенье,
И поездов движенье
Остановилось ровно на 18-ть часов,
Выскочив на площадку... и т. д. (Катастрофа).

— вот как рассказывает Иг.Северянин. Это «как» стоит «чего»!

Есть вещи, о которых говорить серьезно, значит быть несерьезным.
И если все-таки приходится останавливаться на Иг. Северяnine, то потому
лишь, что он всюду шумит, его читают, о нем всерьез толкуют критики, ему
устраивают овации (как недавно в Москве!) и о нем, захлебываясь, многие
говорят, как о «гении» — есть от чего действительно, возомнить о себе!

Я внимательно и беспристрастно старался процитировать всюду
самого Иг. Северянина, — в ущерб краткости моей заметки, — и только сделал
этот подробный обзор всем сокровищам его книги, я имею право сказать, что
это не поэт, а какое-то недоразумение, недоразумение в стихах. Поэзия —
совсем не в том, в чем думает найти ее Иг. Северянин. Какая же это поэзия:

Плюй на все осужденья, как на подлое свинство!

Или:

Вонзите штопор в упругость пробки —
И взоры женщин не будут робки!..

Игорь Северянин именно проделывает эту операцию над поэзией,
но подходит к поэзии со штопором — значит ли быть поэтом?

Успех Иг. Северянина — знамение нашего пестрого и безвкусного времени. И подобные поэты рассчитывают только на наивность и ограниченность публики.

Во всяком случае, что бы там ни было, молодой стихотворец обладает одним ценным — для самочувствия и здоровья (отнюдь не для поэзии) — качеством: он не знает проклятых сомнений — удела истинных поэтов.

И эта сытая самовлюбленность лишила его последних признаков самокритики, позволив ему выпустить в печать стихи, приличное место которым корзина у письменного стола поэта.

Там, где нет творческих сомнений — там, обычно, и нет самого творчества. Иг. Северянин — безнадежен не потому, что его «Златолира», — выражаясь его собственным языком, — «бездарь», но и потому, что эта «бездарь» — самовлюбленная, так сказать, «бездарь» без сомнений...

«Современный мир», 1914, № 6, с. 60-72.

«Златолира». Книга вторая. Москва, «Гриф», 1914 (15 марта), тираж 1885 экз.

Д.Тальников — критик Давид Лазаревич Шпитальников, 1882-1961.

Клавдия М-и

Шантеклер

Слышали ли вы великого поэта, кумира утонченных эстеток, эксцессерок и грезэрок?

«В фиолетовом трансе», «в лилово-изнеженном крепе» пили ли вы «гряз фиалок фиалковый фиал» и закусывали ли мороженым из сирени, которыми торгует с эстрады гений оптом и в розницу:

«Поешь деликатного, площадь, — придется товар по душе». Много потеряли, если не видели и не слышали. «Как некий государь», он выступает с соответствующей помпой. Плеяда «намагниченных принцесс» подготавливает толпу к появлению царя и бога, декламируя на все лады самые изысканные из его поэм.

Наконец, появляется он, гений Игорь Северянин, и начинает «популярить изыски».

Зачарованная и завороженная «дамья» толпа бросается на эстраду, засыпает поэта цветами, загораживает все входы и выходы.

Когда поэт скрывается за дверью, с трудом протискиваясь среди своих поклонниц, жаждущих, как счастья, его мимолетного взгляда, случайного прикосновения, в зале происходит нечто невообразимое. Закроешь глаза и начинает казаться, что попал в среду беснующихся обезьян.

И ведь имя-то какое удобное — Игорь!

Удивительно приспособлено для визга.

Стук, крики, аплодисменты — все покрывается пронзительным «И».

И-и-и-горь! И-и-и-горь!

Так же беснуется толпа «на Собинове».

Только визжит на букву «о».

И точно так же говорят, ведут себя обитательницы сумасшедших домов, когда появляется любимый доктор.

Не знаю, как велико чувство удовлетворения от таких оваций у дамских любимцев, но, кажется, они не раз с опаской поглядывают на дверь. Мало ли что может взбрести на ум дикарям, да еще в припадке умопомешательства! На всякий случай, не мешало бы ставить по углам пожарных с насосом, чтобы успеть в критическую минуту охладить экстаз. А то можно ожидать, что в один прекрасный поззовечер поклонницы таланта придут в такой неистовый восторг, что разнесут самого поэта по кусочкам — на память.

Но, с другой стороны, как не приходиться в экстаз при виде Игоря Северянина?

Было до него много поэтов. Были, говорят, и гениальные, и талантливые, и всякие, но такого не было.

Он поэт совсем особенный, специальный — «дамий» поэт. Вот как есть дамские портные и парикмахеры.

Женщину, правда, воспевали все поэты, но Северянин пришел исключительно в среду демимонденок и куртизанок, и утонченно-сладостно воспел «будуары, каретки, принцесс, субреток» и все принадлежности туалета (конечно, утонченного, от первойклассной портнихи).

«Эстет и ювелир», он чеканит стих за стихом в честь различных Зизи и Люси, «томящих взором колени франту» и «прицеляющих сердце зрачком».

«Я хочу ошедевить, я желаю оперлить

Все, что связано с вами, — даже, знаете, соус»

Надо же это чувствовать!

И дамы не остаются в долгу. Они несут своему певцу дань любви и поклонения.

Еще бы! Мало того, что Северянин воспевает даже «из капорцев и рейнвейнского конуса», он дает целую гамму самых утонченных переживаний в духе:

«Интродукция Гауптман, а финал Поль-де-Кок».

Давно ли, кажется, самым крайним дерзанием эстетки был крымский татарин, а вот поэт указал новые пути — есть, ведь, еще для остроты переживаний индейцы и эскимосы. Ликер, лорнет и эскимос! — Ну, разве ж это не оригинально и не обворожительно?

С какой экспрессией можно будет сказать какому-нибудь приевшемуся дэнди:

«Задуйте меня, зацарапайте,
Предпочтенье отдам дикарю!»

А как обогатил поэт язык! Сколько понаделал он новых слов исключительно для дамского употребления, — уму непостижимо. Думаете, так это легко, каждое слово эстетного обихода вверх ножками перевернуть?

Всю русскую грамматику на скорую руку перекроил. Говорят, она ему теперь по ночам грозным призраком является — почто погубил безвинную!

И все для них — утонченных и эстетных...

Ну, как же после этого не приходиться в экстаз при виде Игоря Северянина! И воспетые им принцессы и лесофеи пришли к нему со всех сторон «пикантным шагом», «отдались ему на ландышах» и громко запели хвалу в его честь.

И вот тут-то произошла трагедия.

Сгоряча поэт не разобрал, в чем дело, принял демимонденку за богиню и громкогласно провозгласил:

«Мне отдалась сама Венера,
И я всемирно знаменит!»

«Ку-ка-ре-ку» Шантеклера...

Тот тоже был центром вселенной — по его зову являлось солнце. И распутив яркий хвост, гордо царил он среди своих кур, взлетая иногда для пущей важности на забор. Любуйтесь, мол, моим дерзанием!

И куры млели от восторга.

Игорь Северянин, опьяненный своей победой, чуть не половину своих поэм посвящает самовосхвалению.

«Меня отронит Марсельезия,
Как президентного царя.
Париж и даже Полинезия
Вздвоят, мне славу воззая».

«Воззая!» — Подумайте!

«О, гениальный! О, талантливый!
Мне возгремит хвалу народ
И станет пить ликер гранатовый
За мой ликующий восход».

Известно, какой «народ» пьет гранатовые ликеры, восклицая с пафосом многочисленные «о». И пусть себе пьет на здоровее, — наше дело тут сторона.

И в высокой степени безразлично, проживет ли царь птичьего двора до самой смерти в счастливой уверенности, что «весь мир» заключен в

ограде птичника, или явится какая-нибудь фазаночка и вытянет его за пределы курятника на его собственную гибель.

Пусть себе гений Игорь Северянин «дает антраша», а «лесодевы и алодевчики» визжат от восторга. Какое до всего этого дело тому, кто не имеет великой чести принадлежать к лиге утонченных эстетов? Если такой тип попадет случайно на поэзовечер, он очень удивится, — зачем это поэт, вместо того, чтобы прочесть свои произведения по-человечески, не то их поет, не то говорит, а в результате ничего не поймешь.

В простоте душевной, пожалуй, мелькнет мысль, что тут кроется хитрость: за пением не разберусь, что поэзы никуда не годятся. Но мысль сейчас же скроется, устыдившись, — а столько народу, и аплодисменты, а овации?

Нет, тут что-нибудь да кроется. «Це дило треба разжуваты». Возьмет с этой целью такой несчастный человек «Громокипящий кубок» или «Златолиру», начнет читать, найдет то, чего никогда Северянин не читает перед толпой, — и пропало дело.

Нельзя уже больше относиться безразлично к Игорю Северянину. Равнодушие сменяется наслаждением и злобой.

Откройте книгу и прочтите:

«Весенний день горяч и золот —
Весь город солнцем ослеплен!
Я снова — я: я снова молод!
Я снова весел и влюблен!

.....

Шумите, вешние дубравы,
Расти трава, цветы сирень!
Виновных нет: все люди правы
В такой благословенный день!»

Да неужели это Шантеклер поет? Откуда ему знать аромат весенних дубрав и солнечную радость?

Нет, это не «ку-ка-ре-ку» Шантеклера. Это истинная, подлинная соловьиная песнь.

Перелистываете книгу — другая, третья... Как же это так? Как может в душе одного и того же человека наряду с Шантеклером уживается соловей? Настоящий живой соловей.

Боюсь сказать «курский» — слово очень скомпрометированное. Среди изысканно-ходульных поэм искрится и сверкает яркая и жизненная поэзия.

Но «ку-ка-ре-ку» Шантеклера каждую минуту заглушает соловьиные трели.

Правда, и Соловей в свою очередь немало неприятных минут доставляет Шантеклеру. Сколько изысканных поз испортил он ему!

Заберется вот этак Шантеклер на забор, распустит хвост и заорет благим матом:

«Я царь страны несуществующей (доля правды есть).
Страны, где имени мне нет...
Душой, созвучия колдующей,
Витаю я среди планет!»

Но мы не очень-то верим такому его непомерному величию, потому что слышали, как рыдал соловей:

«Я соберу тебе фиалок
И буду плакать об одном:
Не покидай меня! — **я жалок**
В своем величии больном».

И так на каждом шагу. За кривляньями в озерзамках и шалэ следует неожиданное признание:

«Вы помните над речкою шалэ,
Как я назвал трехкомнатную дачу».

Вот что делается в угоду ликерному народу! Дача уж не дача, а шалэ. И поэт тоже уже не поэт, а «оукленный для эффекта» «интуит с душой мимозовой».

Взять бы да встряхнуть его хорошенько, чтобы выскочила из него эта мимозовая душа! И освобожденный от изысканно-нелепых эффектов, ярко разгорелся бы истинный талант.

А вдруг это случится? Какой это будет удар для всех эксцессерок и грезэрок. Кто же будет тогда изобретать парфюмерные словечки и вкусно сплетничать с дамами в женоклубе? А ведь угрожающие признаки имеются. Во-первых, заметили ли вы, что Северянин на своих вечерах не желает больше читать свою знаменитую эго-поэзу «Я гений Игорь Северянин», как его об этом ни упрашивают готовые преклонить колени поклонницы. А год тому назад он проделывал это с большою готовностью.

Видно, стыд проснулся в человеке. Он сознается, что по природе взалкал, хотя не так давно заявлял, что «природу петь донельзя плоско».

«Иду туда, где вдохновитель
Моих исканий — говор хат»,

заканчивает он первую книгу стихов.

Положим, до хат-то ему дорога длинная, когда-то он ее пройдет (да и пройдет ли вообще), но все же на первых страницах второй книги звучат чудесные слова:

«Солнце всегда вдохновенно,
Солнце всегда горячо...
Вдыхайте солнце, живите солнцем
И солнцем сами блеснете вы».

А раньше этот же самый певец солнца имел достаточно, говоря мягко, смелости сказать:

«И позабывшемуся солнцу
Надменно плюну я в лицо».

Вопрос весь теперь в том, кто одержит победу в душе поэта Соловей или Шантеклер.

Игорь Северянин обращается к кому-то с вопросом:

«Как мог ты осудить меня, такой сердечный,
За то, что я поэт».

Да вот потому-то и судят, что поэт. Не был «бы поэтом — ломайся себе на здоровее. Ходят же вот такие творцы новых путей с размазанными физиономиями и деревянными ложками в петлицах. Никто их не упрекнет. Ходи себе, — мало ли... футуристов на свете! А тут ведь больно и обидно, что, быть может, истинное дарование приносится в жертву желанию «прогреть на всю Россию оскандаленным героем».

«В ненастный день взойдет, как солнце,
Моя вселенская душа!

заканчивает Северянин одну из поэм.

Опять-таки неизвестно, вселенская ли она, или несколько уже, но ненастный день пошли ему, Создатель.

Когда надоеет он всему этому эстетному обществу и потухнет блестящий фейерверк скандальной славы, тогда, быть может, встанет во весь рост истинный поэт.

И не раз тогда покраснеет Северянин за многие из своих теперешних поэм. Но тогда за старое никто поэта не упрекнет — за кем грехов не водилось!

«Женское дело», № 12, 1914.

Клавдия М-и — Бронислава Матвеевна Рунт, издатель журнала «Женское дело».

В фельетоне описано выступление Игоря-Северянина, 21 декабря 1914 года на Поэзкоконцерте в Политехническом музее. На концерте присутствовал Владимир Маяковский. См. также В.Ходасевич «Некрополь»:

«Одним из таких закрытых собраний литературной богемы, где за стаканом вина и филипповской сайкой с изюмом, происходило посвящение рыцарей и калифов на час, был небольшой, но шумный кружок, собиравшийся в Дежтарном переулке, в подвальной квартирке Брониславы Матвеевны Рунт. (...) Бронислава Матвеевна писала милые, лёгкие, как дуновение, и без всякого "надрывчика" рассказы, новеллы и так называемые "Письма женицин", на которые был тогда большой и нелепый спрос. (...)

Но так как одной добросовестностью жив не будешь, то не для души, а для денег, она, скрепя сердце, еще редактировала пустопорожний еженедельник "Женское дело", официальным редактором которого состоял Ив. Ив. Попов, сверкавший глазами, очками и, вероятно, какими-то неоцигутимыми, но несомненными добродетелями. Издательницей журнала тоже официально значилась "мамаша Крашенинникова", а за спиной ее стоял мамашин сын, великодушный, выхолненный присяжный поверенный Петр Иванович, адвокатурой не занимавшийся, и развивавший большую динамику в настоящем издательском подворье на Большой Дмитровке».

Александр Журин

Игорь Северянин. Ананасы в шампанском. Поэзы.

Изд. «Наши дни». Москва. 1915. Ц. 1 р. 35 к.

В третьей книге Игоря Северянина наберется не более двадцати стихотворений, написанных в течение 1913-15 г., а остальные стихи «давно минувших лет», как называет их автор, не попали в первые два сборника, вероятно, вследствие их очевидного несовершенства.

Если судите по этим немногим новым стихам о поэтическом развитии Игоря Северянина, то приходится сказать, что даже в сфере версификации, где он явил себя в двух первых книгах маэстро *par excellence* [*фр. истинным*], теперь он значительно отступил назад и изменил своей прежней певучести.

В последнем по времени и первом в книге стихотворении:

«Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и остро!» —

есть уже ошибка в метре, чего раньше у него не замечалось. Во втором стихе, чтобы выдержать размер, пришлось бы сделать ударение так: ...«искристо и остро!»

В его рондо не хватает четырех стихов, и неправильно чередуется refrain. Явно в угоду рифме он переделывает слово «царский» в «царий», так как, кроме звуковой, другой разницы между этими словами нет. Совсем не музыкальны с трудом произносимые эпитеты:

«неисчерпываемая вода, неотбрасываемо я приник, изндривающая струя».

Все новые стихи Игоря Северянина значительно слабее стихов «Громокипящего кубка». Они написаны с небрежной торопливостью, невыношены и недоделаны. В них, как и раньше, он берет слова в эмоциональном и звуковом значениях, пренебрегая их первым природным элементом — Разумом, Логосом. Даже ему самому «неясен туманный сон» его стихов.

Вопреки самовлюбленному заявлению Игоря Северянина о том, что он «одинок в своей задаче» в нем несомненна преемственная связь с Бенедиктовым, небольшим поэтом 30-х годов прошлого века, давно и по праву забытым.

У обоих, при одинаковом версификаторском таланте, восприятия и переживания сведены к блестящей банальной плоскости мещанства. Вольно или неволью, Игорь Северянин подражает Бенедиктову в подходе к темам, в вычурной и искусственной манере и даже созвучием женских имен.

Северянин воспевает «Медлэн» [*Мадлэну*], а Бенедиктов пел, как:

«Матильда спрыгнула в роскошном волнении

И кинулась бурно на мягкий диван...»

«Новая жизнь», № 2, 1915.

«Ананасы в шампанском. Поэзы». Москва, «Наши дни», 1915 (28 января), 121+5 с., тираж 2.400 экз.

Журин Александр Иванович — 1910-е годы, критик, поэт; неопубликованный сборник стихотворений Журина хранится в РГБ.

Ал.Ож.

Игорь Северянин. Ананасы в шампанском. Поэзы.

Изд. «Наши Дни». Москва. 1915. Ц. 1 р. 25 к.

Увертюра

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я в чем-то норвежском, весь я в чем-то испанском!
Вдохновляюсь порывно! и берусь за перо!

Стрекот аэропланов! беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! крылолет буеров!
Кто-то здесь зацелован! там кого-то побили!
Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грезофарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы — в Нагасаки! Из Нью-Йорка — на Марс!

Такой «увертюрой» начинает Игорь Северянин третью книгу своих стихотворений или по новому — «поэз». Игорь Северянин — в некотором роде большая знаменитость. Он вышел как будто бы из футуризма и до сих пор,

именует себя «эго-футуристом». Он обрел свою аудиторию в «Бродячей Собаке». Его благословил «сам» Ф.Сологуб, папаша молодых поэтов, снабдивший первую книгу его «поэз» своим предисловием, в котором, в гроб потускнения своей славы сходя, благословил своего поэтического птенца на оный путь, литературный путь, и нашел в его поэзии «нечаянную радость». Та часть нашей молодежи, которая падка на всякую литературную моду, нашла в Игоре Северяnine своего поэта, который «держит фасон».

Его заласкала толпа, состоящая из неврастеников и истериков, из неврастеничек и истеричек. Литературная галерка всегда ему шумно аплодировала.

Нужно сказать, что «нечаянная радость», выступившая с протекции г. Сологуба, обрадовала весьма мало серьезных критиков, благо за г. Сологубом не признано еще папской непогрешимости в раздаче патентов на таланты. В поэзии Игора Северянина, несомненно, были огни, блески истинного вдохновения, мгновенные переливы красоты, шалости юного пера, всегда привлекательные, интересные поиски новизны.

Но все эти положительные достоинства тонули в море претенциозности, дешевого позирования, словесной арлекинады и французско-нижегородской пошлости. Особенно пошлости. Прямо на редкость много было ее в ломающейся, притворно-приторной, какой-то конфетной поэзии г. Северянина. И эта пошлость оттенялась тем, что среди нее попадались чудесные оазисы, звучали искренние, теплые и глубокие ноты. Незабываемо звучала, например, его «Маленькая Элея»:

Она на пальчиках привстала
И подарила губы мне.
Я целовал ее устало
В сырой осенней тишине;
И слезы капали беззвучно
В сырой осенней тишине;
Гас день — и было скучно,
Как все, что только нес во сне!

А рядом с этой прелестью:

Оттого, что груди женские тут не груди, а дюшес.

Или:

Стоит вам повертеться,
И загрузится сердце.

Все же Игорь Северянин подавал тогда надежды... Кое-что он воспринимал чутко, когда писал:

Вокруг — талантливые трусы
Иль обнаглевшая бездарь,

когда после признаний:

Я гений — Игорь Северянин!

писал:

Я жалок в своем величии больном...

и обещал пойти новыми путями:

Не ученик и не учитель,
Великих друг, ничтожных брат,
Иду туда, где вдохновитель
Моих исканий говор хат...

потому что жизнь пред ним

...в траурном вуале

Стояла, руки скорбно опустив...

Увы! — все это оказалось пустоцветом. Теперь выходит уже третья книга «поэз» Игоря Северянина, но, к сожалению, не видно у поэта ни одного шага вперед. Остановился г. Северянин. И остался все в той же плоскости пошлости. Даже на заглавие третьей книги не хватило у него оригинальности. В «Громокипящем кубке» он пел:

Шампанское в лилии! Лилию в шампанское!

Теперь он и всю книгу озаглавил «Ананасы в шампанском». Творчество иссякло, а пошлость поэта-мещанина торжествует. Ибо какой же мещанин не мечтает о шампанском, как наивысшем доказательстве аристократизма.

Лилии-ли, ананасы-ли, все равно бриллианты Тэта никогда не будут сверкать настоящим блеском.

Все осталось по-прежнему. Манерность, вычурность, забавное иscanье новых слов, торопливое, необдуманное их производство, позировка и вечное французенье, которое, поистине, противно.

Да и какой француз Игорь Северянин? Он напоминает приказчика из Апраксина рынка, говорящего «мерсите вас» или писаря из штаба, вечером бегающего на курсы Берлица, дабы французским языком пленить соседку-модистку. Именно писарское что-то звучит в этом конфетном французенье, которое иногда забавно. Игорь Северянин искренно думает, например, что *chapelet* (четки) значить шляпа и воспевае шаплетку-фетроторт.

Естественно, конечно, что писарь может грезить только о графинях, которых продолжает воспевае Игорь Северянин с прежней своей изысканной любезностью Апраксина сорта.

Овеев желание грезовым парусом,
Сверкая устовым колье,
Графиня ударила всером страусовым
Опешенного шевалье...

Графиня с грацией стрекозовой
Кусала шоколад-кайэ.

Хохол мечтал, что, если бы он был царем, он целый день ел бы галушки. Игорь Северянин думает, что ежели графиня, то, конечно, она целыми днями питается шоколадом, да притом не Абрикосова, а непременно заграничным, Кайе.

Без автомобилей г. Северянин никак не может представить себе красивой женщины:

Она вошла в моторный лимузин,
Эскиза страсть в корректном кавалере...

Поэт совершенно напоминает собою того анекдотического репортера из фармацевтов, которому случайно пришлось заменить своего товарища, «великосветского» хроникера, пишущего в уличных газетах, отчеты о вечерах и балах аристократического общества. И новый «писатель» на другой день извещал читающую публику о том, что «у графини X состоялся блестящий вчер; любезная хозяйка встречала своих гостей в декольте á'gioginio; на ней был прелестный туалет: прозрачные чулки цвета gris de perle; в полночь гости были приглашены к ужину и ели горячий борщ а'la fourchette», и т.д.

И хотя Игорь Северянин насмешливо («рифмы слагаются в кукиши») поет о «проборчатых офраченных картавцах» или о «великосветских олухах в смокингах, в шик опроборенных» все же чувствуется некая зависть поэта к «тусклым вашим сиятельствам».

По-прежнему поэт творит новые словеса.

Июль блестяще осенокосен.
Ах! Он уходит. Держи! Держи!
Лежу на шелке зеленом пашен.
Вокруг блондинки — косички ржи.
О небо, небо! Твой путь воздушен!
О поле, поле! Ты — грезы верфь!
И бог мне равен и равен червь!

Впрочем, в другом стихотворении г. Северянин несколько смягчает скопище своих грез и вместо «верфи» их удовлетворяется «яхтой грез». Конечно, он творит эту «яхту грез», сидя у очаровательной женщины непременно в «лимонном будуаре», с чем неизменно рифмуется «лиловый пеньюар».

Ведь истинные аристократки всегда принимают визитеров только в пеньюарах. И непременно — лиловых. Это последний крик моды. Игорь Северянин хорошо это знает.

За то по писарски груб тот же поэт, когда, ему приходится говорить с простыми смертными.

Отвратительное впечатление производит его стихотворение «Шантажистка», в котором поэт обращается к брошенной им девушке, грозящей ему судом. В самых трактирных тонах поэт ругает девушку и заканчивает такими строками:

Зачем же вы мне угрожаете и обещаете отместки?
Зачем так нагло вы хватаетесь за правосудия набат?
Так не надейтесь же, сударыня, что я послушаюсь повестки
И денег дам на пропитание двоякосмысленных ребят:

Штабной писарь вежливее не отвечает. Правда, он сознает что
Царица Жизнь воспитана, как хамка!

Но для него это только игра слов, потому что и в поэзии можно быть хамом.

И тех блессток, которые пленяли прежде и питали надежду, почти совсем нет в третьей книге поэм. Две-три строчки разве

Я лежу в бессоннице холодноватыми вечерами.
Жутко мне, жутко, что сердце скорбью на веки вынется
Из своего гнездышка... разбитое стекло в раме

Красивый образ, но я нарочно пропустил начальную строку — вульгарной прозы. Судите сами:

В большом и уютном номере провинциальной гостиницы.

Это поэзия?!

А вот «Промельк», — почти безупречный поэтический каприз:

Голубые голуби на просторной палубе
А дождинки капали, — голуби их попили.
На просторной палубе голубые голуби
Все дождинки попили, а дождинки капали.

Если бы не диссонирующее определение палубы «просторной», этот «промельк» был бы красивым. К сожалению, это только «промельк».

Как читатель видит, мало надежд на г. Северянина остается при таких условиях. Поэт перепевает самого себя и еще глубже погружается в тину пошлости.

Художники! Бойтесь мещанок:

Они обездрят ваш дар...

Это верно. Но еще сильнее надо бояться внутренней пошлости, когда поэзия обращается в кощунство.

«Современный мир». № 3, 1915, с. 171-174.
«Ананасы в шампанском. Поэзы». Москва, «Наши дни», 1915 (28 января), 121+5 с., 2.400 экз.

Ал. Ож. — возможно, Ашешов, Николай Петрович (А. Ожигов; 1866-1923), литературный критик «Санкт-Петербургских ведомостей»).

Александр Журин

Игорь Северянин. «Victoria Regia», 4-я книга «поэз»

Изд. «Наши дни». Москва, 1915. Ц. 1р. 25.к.

«Серебряные трубы». Багрицкий, И.М. Бобович, Я.Галицкий, др.

Стихи. Дозв. Воен. Ценз. Склад изд.: Одесса, ул. Жуковского, д.4, кв.20. Ц.75 к.

Четвертая книга И.Северянина представляет убогое и скучное зрелище. Отсутствие в ней внутренней и внешней работы явилось, быть может, в результате факта, который автор отмечает с непринужденной развязностью Епиходова: «Мы избалованы вниманием, и наши ли, pardon, грехи, когда идут шестым изданием иных "ненужные стихи?!"» Из этого для г.Северянина ясен следующий вывод: «Мое бессмертье неизбежно, и я спокоен потому».

В другом месте он откровеннее поясняет свое «бессмертие»: «...примагничены к бессмертью цветолетью сердца углубные в медузовой алчбе». Эту неуклюжую, как булыжник, фразу можно понять так: Сердце алчное, как медуза, нуждается в плети (из цветов или цветной) для того, чтобы быть «примагниченным к бессмертью». Но какой плетью ни «примагничивай к бессмертью» сердце алчное и спокойное, как студенистая слизь медузы, — все равно, оно ни на какую лирику не способно.

Это подтверждает вся лживая, напыщенная, претенциозная книга грубых, банальных стихов. Новое в ней — это стихи по поводу войны и полемика с критиками. «Военные» стихи Северянина составляют, теперь уже надоевший, обычный ямбический «высморгк» вроде: «Германия, не забывайся!»... «Да здравствует Франция!», «Ура, Черногория!»... и т.д.

Полемика в стихах выразилась в ответе Валерию Брюсову на его «нападки на скудость тем, моих то тем!» Оказывается, что только «завистью» Брюсова к Северянину и можно «объяснить» эти «нападки», хотя даже сам «самоучка-интуит» сознается: «Мне непонятна Ваша зависть!» Еще бы! Валерию Брюсову есть чему позавидовать в Игоре Северянине.

Какой смердяковской душою нужно обладать, чтобы, после забавного комплимента: «...и только вы, Валерий Брюсов, как некий равный государь» и смехотворного: «великого приветствует великий», теперь говорить: «Вы поступаете бесславно. Валерий Яковлевич! Вы — завистник, выраженный

явно... Вы — бронзовый версификатор!» Затем, по лакейски предупредив: «Вас ненавидят много трусов», так лицемерно продолжать: «Но я люблю Вас.... Не Вы-ль приветили меня?.. Я Вам признателен всегда»..

И Вы, г. Северянин, не «смеетесь звонкими нотами», а просто пошло и бессильно ругаетесь: «Ах, посмотрите-ка, какая подлая в России критика!»

Не стоило бы обращать внимания на «сувениры» г. Северянина, если бы, к сожалению, у него не нашлось несколько верных последователей. Семь одесситов затрубили в свои «серебряные трубы» следующее:

Эдуард Багрицкий: «Там спит *глиняный* пастушок с надтреснутой свирелью»... «Я видал гускые порты!»... (Следует понимать, как порт, а не как принадлежность костюма). «!Онга вдыхает синий дым из жерла черной трубки»... И почему-то на «кружки с пивом»... «утром медные направит пушки подплывший к пристани сторожевой фрегат»? Пожалуй, в «кружки то с пивом» из пушек палить — излишняя жестокость.

Яков Галицкий изъясняется на самобытном одесском жаргоне:

«Она казалась среди шляпных картонок
Изяцней барышней с английской гравюры...
Ей объяснились в любви *уже* двое, —
Один из них был *даже* поэтом,
Но она им отвечала: «Любовь? Что это такое?»
И кокетливо смеялась при этом.
Влюбленных манило ее расцветшее тело,
Благоуханное, как цветочная корзина...»

Этот автор «сидит один, свернувшись ежиком» и «не знает, — придет ли к нему» какой-то «весь осыпанный звездами Вождь, чтоб пролить, как на тело, Данаи, сновидений искрящийся дождь». «Город» для него «погребальной погребальной склепа».

Илья Дальгонин: «Я тепло огни, тепло огни над сумеречной тинной». Петр Столицын рифмует: «затая — ея». Анатолий Филетов, «улав в болотный мох, посылает тихо зелено-черный вздох зеленым агатам, лягушкам» и какому-то «узорному Переплету». Он воспевает еще «виконта», который «моноклем на ленте лиловой лорнирует даль».

Наконец, Георгий Цагарели написал «рондо» по образцу «рондо» Северянина и поэтому значительно отступил от канона этой формы.

Эти забавные г.г. одесситы изобразили на обложке книги негров с опухшими ногами, изо всех сил дующих в трубы перед такими же распухшими негритянками. Весьма возможно, что в таком виде изображены авторы сборника, но тогда им следует, прежде чем претендовать на общественное внимание, научиться русской речи и избавиться от экзотической водянки и подражании Игорю Северянину.

«Новая жизнь». Июнь, 1915. с. 154-156.

ЭСТОНСКИЙ ПЕРИОД

Игорь Северянин. — Crème des Violettes.

Избранные поэмы. Эстонское издательство «Odamees», Eesti, Tartu, Promenad 7a, Цена 40 эст. Марок.

И по сей день находятся люди подчас серьезные и любящие поэзию, которые готовы за всякое отступление от привычного пути поэтического творчества, за новаторство, каково бы ни было его содержание и значение, немедленно обрушиться на автора и безапелляционно зачислить его в ряды или «нахальных молодых людей» или тех рельефно выделяющихся персонажей, которым от роду написано быть сумасшедшими.

При этом сваливаются в одну кучу как действительные, «примазавшиеся» к литературе и чудом нашедши падкого до «номеров» издателя крикуны, различные извергатели нечленораздельных звуков, которыми маскируется умственная убогость и бездарность немилосердная, и с другой стороны — те редкие избранники судьбы, которым Божьей милостью дано почувствовать красоту по иному, по новому и облечь ее в формы, до сего времени неизвестные и непонятные.

Игорь-Северянин, один из этих намеченных судьбою избранников, если угодно, не «футурист» в общепринятом значении этого слова. Бессмысленные слова, и фразы, вавилонской башней нагроможденные одно на другое, чем непонятнее, тем лучше, сомнительные и весьма туманные образы, несуществующих и не желающих преломляться в нашем сознании существ и мыслей, — все это И-С. не занимает. Его переживания не превышают уровня человеческого понимания и вполне воспринимаются нашими органами чувств.

Красота, изысканная красота, воплощенная в условиях достигшего высокой степени культуры века со всеми его автомобилями и аэропланами, шелками и атласами, представляет собою область его творчества. Изящное платье, сверкающие драгоценности, меха, блеск, огни приобретают у него характер незыблемой красоты, которой он поклоняется и для которой готов забыть красоту природную.

Существенную особенность представляет собою язык Северянина. «Кружевет розовеет лес»... «Бриллиантится роса»... «Вы такая эстетная»... «В шик опроборень»... Эти новые, слова, сами по себе чрезвычайно изысканные, — грациозные, красивые, подчас красивее заключающегося в них понятия, придают последнему особое изящество, которое не выразить другими словами.

И в наше тяжелое время книжка избранных поэтов делается какой то сказкой из тысячи одной ночи тончайших переживаний человеческого духа.

«Сегодня», Рига, № 1, 1919. Вклейка в «Записную книгу И.В.Лотарева. Eesti, Toila, 1920», Литературный музей в Тарту.

«Creme des Violettes». Избранные поэмы. «Odamees», 1919; 124 с., тираж 3.000 экз., обложка работы Аадо Ваббе (два варианта: с рисунком и без), библиография; список выступлений за пять сезонов с 1913 года, сведения о переводах на другие языки и композиторах.

Эд. М-р<Мюллер>

Открытое письмо Игорю Северянину

Глубокое и сердечное спасибо Вам, поэт, за поэзу о Эстонии, напечатанную в «Свободе России». Каждый эстонец, проживший много лет в России и нашедший там приют, но вынужденный теперь покинуть ее по смутам и волнениям, с особенной приятностью читает теперь Ваш милый стишок об Эстонии.

Жаль, что я не поэт, а то перевел бы его непременно на эстонский язык. Желая от души видеть побольше таких произведений — этим самым будет достигнута крепкая духовная связь между Эстонией и Россией.

О, милые Русские поэты, как вы нам, эстонцам — жившим в течение долгих лет на берегах Невы — чрезвычайно дороги. Разверните свои могучие мысли для создания крепкого духовного союза.

«Свобода России», 1919. Вклейка без даты в «Записную книгу И.В.Лотарева. Eesti, Toila, 1920», Литературный музей в Тарту.

«Поэза об Эстонии» опубликована в сборнике «Менестрель». Новейшие поэмы. Том XII. Берлин, изд. «Москва», 1921; 111 с., без оглавления, тираж 3.000 экз., обложка работы Ксении Богуславской:

Поэза об Эстонии

Как Феникс, возникший из пепла,
Возникла из смуты страна.
И если еще не окрепла,
Я верю, окрепнет она:

Такая она трудолюбка,
Что сможет остаться собой.
Она — голубая голубка,
И воздух она голубой.

Всегда я подвержен надежде
На этих утесах, поверь, —
В Эстляндской губернии прежде,
В республике Эсти теперь

Где некогда бился Калевич,
Там может ли доблесть уснуть?
О, сказочный принц-королевич
Вернется к любимой на грудь!

Давно корабли вдохновений
Качнул к побережью прилив:
Их вел из Поэзии гений
Со сладостным именем — Лийв.

Запомни: всегда вдохновенна
Мелодий ее бирюза.
У Ridala, Suits'a и Enno
Еще не закрылись глаза...

И вся ты подобна невесте,
И вся ты подобна мечте,
Эстония, милая Эсти,
Оазис в житейской тщете!

Тойла, 1919, ноябрь, 11.

В поэзе упомянуты эстонские поэты Якоб Лийв (1859-1938), Виллем Ридала (Грюнталь, 1885-1942), Эрнст Энно (1875-1934), Густав Суйтс (1883-1956).

Henrik Visnapuu

Igor Severjäänin

1.

Enam kui ükski teine venelane, on praeguse Vene suurim poeet Igor Severjäänin saanud meie maa laulikuks.

Nii mõnigi teine Vene noorem või vanem poeet on meie maal elades ning meie eluga kokku puutudes meie maast laulnud; nii lähedalle meile kui Severjäänin ei ole neist ükski tulnud.

Juba kaua aega oleme venelastega kõrvuti elanud, kuid kunni viimseni lõhestumiseni, mil meie Venemaa vastu isegi oma riigi piirid ülesseame, oleme jäänud üksteistele ikka võõraks. Oleme olnud kunni viimseteni päevadeni ikka Lääne kultuuri, pigemini Saksa kultuuri, mõjualused. Ainuit viimse aastakümne sees on meie kirjanduslik noorus võinud venelastelt nii mõndagi õppida.

Siiski, juba kaua aega on Vene suured poeetid meie maal pikemat või lühemat aega elanud ja meie maast laulnud.

Krimmi sõja ajal elas siin Puschkini järeltulijatest Foeth (Фет), kes meie maast mõned ilusad salmikud on kirjutanud, eriti Tallinnast. Enne Jaapani sõda elas Tallinnas noor Vene leitnant Slutshevski, kellelt rida ilusaid Tallinna värssse. Enne

suurt ilma sõda elasid siin suviti Th. Sologub, Brjussov, Balmont. Kõiki neid ergutas meie maa loomiselle.

Kõige kauem on aga Severjäänin meie kodumaal viibinud. Saab juba kolmteistkümmend aastat, mil Eestimaa talle lahkelt „idüllilist ulualust annab unistamiseks“, nagu ta ühes poesis laulab. Viimsed segased ajad on ta peaaegu alaliselt Toila mererannas elanud, Kesk-Virus.

Selle aja jooksul on ta meiega koos lootnud ja kannatanud, jälgides ja kaasa elades temale omase andumusega kogu meie vabaduse võitlust. Seepärast on tema värssides meie vabaduse võitlust vast palju paremini kajastatud, kui mõne meie oma poeedi lauludes, on ju Severjäänini reageerimus aja sündmustele eriti suur.

Enam kui keegi teine Vene poeet on seepärast Severjäänin meie maaga kokku kasvanud ja teda armastama hakanud, et ta õigusega võib laulda:

Эстония, страна моя вторая,
Что патриоты родиной зовут,
Мне принесла всё достоянье края...

Eesti on saanud talle teiseks kodumaaks põhjas, mille pääle ta ikka mõtleb.

Вдохнешь, что где-то родина вторая,
Которую Эстонией зовут...

Selle kodumaa hüüet, teda sõjariistadega kaitsta, kuuleb poeet, ol-gugi et
... за целость края
Жизнь требует мою страна вторая.

On loomulik, et maa, mille eest oma elu valmis ollakse andma, lähedane ja armas on ja et soov

Цвети же, край эстонский, прибалтийский

Цвети же, край, десятки, сотни лет

puhtast südamest tuleb.

Revolutsiooni algusest pääle asus Severjäänin lõpulikult Toilasse elama. Sest ajast saadik algaski meie ringkonna läbikäimine temaga, mille ta-gajärjeks on Severjäänini nelja raamatu ilmumine „Odamehe“ kirjastusel. Need on «Избранные поэзы», «Вервэна, Том XI», «Pühajõgi, эстляндския поэзы» ja «Valitud poeesid» Eesti keeles nende ridade autori tõlkes.

Pääle selle on Severjääninil nõu tõlkida valikut Eesti uuemast lüürikast.

Kõike seda silmas pidades ei ole vist palju, peatada pikemalt Severjäänini kui poeedi juures, kes uue verstepostina Vene praeguste poeetide hulgas seisab. Oma saatusega ja oma püüdmistega on ta meie praegusele kirjanduslikule ajale väga vastav.

Gori (Vello Agori) artikli joonistus.

Pühendame siin sellele enne nii palju teostatud ja mõnitatud egofuturistile, nüüd - selle uuele Puschkinile, kes Eestis omale teise kodumaa leidnud, mõned arvustavad ja tutvustavad read.

2.

Mõned eluloolised andmed.

Igor Vassiljevitch Schenschin – Lotarev (Severjäänin = Põhjalane, nii on tema kirjanduslik varjunimi) sündis 1887. aastal, lehekuu 4. p. Peterburis. Tema isa Vassili Petrovitsh oli staabi-kapten 1-sest raudtee bataljoonist. Tema ema oli kreisi mõisnikkude päamehe tütar Kurski kubermangust.

Hariduse sai Severjäänin Tsherpovetsi reaalkoolis.

Esimene luuletus ilmus 1905. a. kuukirjas «Досуг и дело».

1905.-1912. a. ilmus Severjääninil 35 2-24 leheküljelist poeeside broschüüri.

Alles 1913. aastal ilmus esimene suurem kogu luuletusi Th. So-logubi eessõnaga. Selle teose nimi oli «Громокипящий кубок», mis Severjääninile ülevenemaalise kuulsuse tõi.

See oli ajajärk, mil futurism Venemaal pinduma hakkas. Tekkisid mitmed futurismi koolid, nagu ego-futuristid (mina-futuristid, kes impressionistide järeletulijatena oma indiviidumi toonitasid) ja nõndanimetatud kubo - futuristid (kirjanduslik kubism).

Futurismi kodumaa on Itaalia, säält on voolu nimi pärit, kuid nähtus ise on üldilmline ja kirjandusliku ajaloo paratamatu vajadus. Kes futurismis ainult ajuga mõistetavat kooli näevad, need eksivad igatahes. Futurism on vool, on loodusliku jõuna läbimurdev kirjanduslik edasimineku ja saab oma kirjandusliku värvingu neist oludest, millest ta võrsus.

Nii on Vene futurism midagi muud kui Itaalia futurism, ja Sak-samaal kannab ta koguni isenimegi.

Futurismis jõuti enne sõda vaevalt üles seada mõned pääteesid, väljakujunenud vormi võtnud ei ole futurism veet kuskil. On alles kevadise vee voolu sarnane, mis tahab üle ujutada kirjanduslikud tasamaad. Ei ole jõutud koolini. Sõda ja revolutsioon katkestas vägivaldselt selle protsessi.

Futurism kasvas välja tühimusest sümbolismist, nagu sümbolism omal ajal realismi vihkamisest välja kasvas.

Pääle tühimuse aitas muidu suurel määral futurismi tekkimisele kaasa see asjaolu, et sümbolism kõigi teooriate pääle vaatamata ikkagi jäi laiendatud allegooriaks. Kogu maailm elu ja eluline tegevus oli veel ainult niipalju tähtis, kui palju see peegeldas kauge tagailma nägematuid elamisi.

Seeläbi jäi sümbolistideile võõraks maailm ja selle tuhande-kordne tuikamine ja nad külmasid ära lumistele kõrgustele taeva ja maa vahele. Kirjandus võõrus ära elust kõige suuremal määral.

Selle vastu kõlas kõige päält futuristide dissonantslik hüüd.

T a g a s i e l l u !

Seda täiendasid kubo-futuristid nõudega kunsti - kirjanduse tänapäevsusest. „Pühendame oma loomise kõik omaaegsusele“, kirjutasid nad «Las Puschkin laulis loodusest, kraavidest, meie elame täna, seepärast laulame linnast».

Kolmandaks teesiseks Vene futurismis oli Marinetti kiiruse ilu. See tees kuulutas maailma uut rütmi ja nõudis seda ka kirjanduselt. See põhilause oli sihitud sümbolismi tardumuse vastu, selle põhilause kirjandusse viimise hoog ja kirk oli tulnud kõige suuremast tühimusest sümbolismist, impression-ismist, realismist ja kõigest vanast. Seepärast kuulutati sõda autoriteetidele ja kõigele, mis uue elu rütmi teostamist takistas, kuulutati muuseumid surnuae-dadeks. Surnuaiad võivad olla ilusad, aga elavate asukohaks nad ei kõlba.

Need kolm põhilause, mis Vene futurism omaks on võtnud, on ka Severjäänini filosoofilis - kirjanduslikuks usutunnistuseks. Kõige enam eraldub aga teiste teeside hulgast tees: Elagu Elu! See ongi pea ainsam Severjäänini formel, mis võib tema lüürikas abstraherida.

Kiiruse ilu, mille Marinetti ülendas, ilmub Severjäänini juures uue elurütmina, mis toob elule lähemale. Omaaegsuse printsiip tõi Severjäänini uute sõnakujude loomiselle, rahvalikkude sõnade kirjandusse vastuvõtmiselle ja, üldse, kirjakeele lähendamiselle elavalle keelele. See ongi kõige suuremaks pilkamiseks ja sõimamiseks põhjust annud, kuid peame meeles, selle printsiibi järele lõi Puschkin uue ajajärgu Vene kirjanduses.

Kunni «Громокипящий кубок» ilmumiseni loeti Severjäänini eriskummaliseks poeediks, kelle uuendused keele ja luule vormi alal ajalehe-meestele ainult lõbusaks följetooni aineks olid. Ainult mõned tuntud poeedid nagu Fofaanof, Brjussov ja Sologub olid noore anderikka poeedile oma häätahtliku tähelepanu kinkinud ja nende hoolitsusel läkski Severjääninil korda üldist tunnustamist leida.

Oma suure anni tõttu tõusis Severjäänin ruttu egofuturistide et-teotsa, kelle hulka kuulusid, veel Ivan Ignatjev, R. Ivnev ja K. Olimpov (K. Fofanof).

Kes aga Severjääninis puhast marinettilist futuristi näeb, see eksib tuntavasti. Severjäänini toodangus on palju luuletusi, mil futurismiga miski-sugust tegemist ei ole. Pääle nooruse tulepurskamise ja kõmistamise kirjutab Severjäänin praegu üsna lihtsaid ja südamlikke värse, nii lihtsaid, et tihti raske on vahet teha, kus luule lõpeb ja kus kõige halvem vemmälvärss algab, nagu «Врвѣна s» ja «Эстляндские поэзы'des».

Aga Severjäänini nime ümber püsis kaua suur lärm. Selle ajajärgu lauludes on tihti raske vahet teha, mis tõsise intuitsiooni aetuna, või mis lärmi tegemiseks kirjutatud, et teravamalt vahet teha vana ja uue vahel. See on nagu puhas reklaam uuele kaubale, mis Severjäänin teeb. See ei ole vastik, on pigemini sümpaatlik, mis Severjäänin oma voolu tutvustamiseks ja vana tal-lamiseks teeb. See on koguni ilus mäng, see on suur jumalik shest ääretus tuimuses ja unises kirjanduses, kus nii vähe õhku ja valgust.

Meid ei irriteeri sugugi, kui Severjäänin deklameerib:

Я гений — Игорь Северянин
Своей победой упоен,
Я повсегрдно оэкраен.
Я повсесердно утвержден.

Päris tõsisena kõlab aga uus Severjäänini tunnistus «Громокипящий кубок'is»;

Для нас Державиным стал Пушкин —
Нам надо новых голосов

See on tarvilik julgus ja jultumus uue loomisel ja vastse kuulutamisel. Ilma iseteadvuseta ei ole isikut, päälegi veel uut isikut. Maha autoriteet! See ei tähenda sugugi seda, et autoriteet seepärast halb on, vaid autoriteet taki-stab uue sündimist

3.

Vaatleme nüüd lähemalt Severjäänini poeedianni iseärldusi.

«Iga andeline poeet toob enesega kaasa alati midagi uut,» ütleb praeguse aja Vene parem arvustaja-poeet V. Brjussov ühes kirjutuses Severjäänini kohta, «muidu ei olegi poeet poeet.»

«Kui tekib poeet, hing saab liigutatud», kirjutab teine vanem parem poeet Sologub Severjäänini esimese poeeside kogu «Громокипящий кубок» eessõnas.

Neil mõlemil on Severjäänini suhtes õigus. Ei ole võimalik Severjäänini poeese tumma südamega lugeda. Hing saab osatatud, midagi hakkab südames liikuma. Esteetiline maitsemine saab küllastatud. Süda hakkab kär-memalt tuksuma, hingata on kergem. On õhku ja avarust. Jääb suhu tahe ja mõrkjas maik. On midagi uut, mis meeli vangistab.

See on uus katse, uus evangeelium elule, see on hüüe elulisele tant-sule.

Elagu Elu ! All kuljuste päikse
Kiiresti, rahvas, oma polonees!

Maha sümbolismi rammestav uni silmist, säragu päike, kärugu elu, voolaku jälle soolakat mereõhku! Olgu lust hingata seda! Mürisegu jälle üm-berringi uue elu julm ja jõhker rütm ! Elagu Elu ! Vana kõdunenud ilm on vaja äraandmiseks valmis panna. Elada on julgus, elada on häbematus — roosieleegiline aialeitsak on vaja tappa jämeda rahega! Seeparast elagu julm jõh-ker, häbematu, ilus ja õnnelik elu!

See ongi, mis on uut Severjäänini poeesides. See uus sisu järeldab uue vormi, mis Severjaani juures väga varjundrikas.

Nii on see Severjäänini paremais poeeses, kuid tal on ka palju halbu. Ses suhtes on ta sarnane meie Jaan Oksale, kes ka üht moodi halba ja hääd välj-laavastab.

Severjäänin on sündinud poeet. Ta oskab edasi anda, mis ta tunneb ja näeb. Oma elu sündmusei elab ta teravalt läbi. Ta on elav inimene, kes valu tunneb ja rõõmu igatseb, nagu poeesides «Это все для ребенка» või «Злате». Toome esimesest mõned read näituseks:

До весны мы в разлуке.
Повидаться не можем.

Повидаться нельзя нам.
Разве только случайно.
Разве только в театре.
Разве только в концерте.
Да и то бессловесно.
Да и то беспоклонно.

Niisuguseid sügavalt lüürlisi luuletusi leidub Severjaaninil palju. Iseäranis on tema juures elujaatav lürism vastusena elu eitavale elegismile. See on vahel meeletu joovastus päiksest, tuulest, lõhnust, värvest ja lihtsalt sellest, et ta elab.

Asjata on tuua näitusena paari rida, kui ei taha ära kirjutada kogu rida pare-maid värssse. Poeti peab lugema ja maitsma. Kõnelda näitustega on karkude pääl käimine.

Pääle selle leidub Severjaaninil veel sarkasmi ja irooniat. Paiguti muutub see pehmeks humooriks. Severjäänin ütleb ise:

Я — лирик, но я — ироник.

Iroonia on Severjääninil koguni tugevam külg. Sääl, kus ta ironi-seerib, on ta alati värsked ja huvitavad. Ilusad on seesugustena «Женонклуб» ja «Диссона», millest viimsest mõned read näitusena toome.

Ваше сиятельство к тридцатилетнему — модному — возрасту
Тело имеете универсальное... как барельеф
Душу душистую, тщательно скрытую в шелковом шелесте,
Очень удобную для проституток и для королев...

Sarkastilisis lauludes kaotab aga Severjäänin tihti sündsuse piirid ja laulud muutuvad lihtsaks sõimamiseks, nagu «Сувенир критике» ja teistes.

4.

Severjaanini IX. köite «Интродукция» nimelises sissejuhatavas poesis ütleb poiet esimeses ja viimises salmis enese üle nähtavasti järele mõeldes nõnda:

Я — соловей: я без тенденций
И без особой глубины...
Но будь то старцы иль младенцы,-
Поймут меня, певца весны.

Я — соловей, и, кроме песен,
Нет пользы от меня иной.
Я так бессмысленно чудесен,
Что Смысл склонился предо мной!

Õöpik on loodusliku anni sümbol. Õöpikuks on ristunud Sever-jäänin oma IX. köite. Severjäänin on suur looduslik and, suur talent. Kuid Severjaanin on jälle kord poeet, kelle saatus seda näitab, et looduslik talent veel kõik ei ole. On tarvis veel midagi muud. Ja see «miski muu» puudub Sever-jääninil.

See on kõige päält esteetilise- valikumeele puudus, see on kriitilise tunde puudumine, see on lõpuks maitse küsimus. See on Severjäänini juures tasumatu puudus. Ei saa muidu kuidagi seletada, et Severjäänini toodangus nii palju jumalikult halbu salmikuid on. Talent on sügavik, millest puhastamata ärts välja heidetakse, enesekriitika esteetiline maitse on see sulatisahi, kus ärts puhtaks rauaks välja lahutatakse. Kellel kriitiline meel puudub, sel puudub palju. Ja Severjäänin on üks sarnastest. Võib julgesti öelda, et 1/3 kogu ta värs-sidest, kui mitte pool, ei oleks lugijate kätte jõudnud, kui autoril suurem ene-sekriitika oleks olnud.

Isearanis torkab kriitilise meele puudus silma poeeside kogus «Свя-тая река» («Pühajõgi,» Эстляндские поэзы), mille viimne osa Eestile on pühendatud.

Enesekriitikata loomine on aga sõitmine peru hobusega, on sõud-mine tüürita.

Teiseks paheks Severjäänini juures on tõeigatseva suure mõistuse puudumine. Severjääninil puudub iseäralik sügavus, nagu ta isegi tsiteeritud ridades tunnistab. Suured meistrid Goethe ja Puschkin on aga omaaja mõtteil-mast kõigiti kõrgemal seisnud. Ka suured töömehed on nad olnud.

Severjäänin sellega palju kiidelda ei saa. Ta tunnistab ise ühes eessõnas, et ta omi värsse parandada ei taha ega ei saa. ja millest see tuleb? On se voores? Ei! puudub lihtsalt enesekriitika, mille tagajärjel nii palju halbu laule. Meie kodumaal nii halvasti luuletada ei lubata.

Kui sügav Severjäänini langus ka ei oleks, siiski ei puudu kuskil teatav puschkinlik nõtkus ja kergus, suur jutustav soravus. Tundub kohati, nagu loeks Eugen Oneegini kergejalgseid ridu.

See kergus on juba tingitud suurtest rütmivarandustest, mis Sever-jaanin omab. Futuristid koos Severjääniniga kuulutasid vormi tähtsamaks kui sisu.

„Sisu on juhus ja põhjus, et vormi luua,“ kirjutab tuntud Vene futur-ist V. Scherschenevitsh. Vorm on kõik, sest vorm on see, mis kirjanduses areneb ja muutub.

Selle järeie hakati suuremat rõhku panema vormi pääle. Juba süm-bolistid, kes vormi ja sisu üheväärtuslikkudeks olid kuulutanud, ise aga õnnetu süm-booli jahil sisusse ära uppusid, olid vahet tegema õppinud meetri ja rütmi vahel; see on värsijalgade ja rütmi elava hinge vahel.

Futuristid hakkasid tarvitama dissonants ja assonans riime. Tekkisid eesriimid ja kokku pandud riimid, nagu Severjaanini juures: «акварель сам — рельсам» jne.

Severjäänin on kõik endised võidud omas prosoodias tarvitanud. Ta keel on äärmiselt rütmirikas, ehitud käsuurega ja igasuguste riimega. Ta salm on paenduv, varjandrikas, igakülgne.

Mis aga Severjäänini teise omaaegsete hulgast välja eraldab, see on ta keeleline uussünnitus, ta neologism. Näis, nagu oleks Vene keel lõpulikult valmis; aga oli tarvis Severjääninil sündida, et näidata, et see oletus mitte õige ei ole.

Ma ei hakka siin arutama, kui hästi Severjäänini uussünnitused on õn- nestanud, juhni huvitatute tähelepaneku keeleteaduse professori Brandti ar-tikli pääle raamatus «Критика о творчестве И.Северянина», milles ollakse võrdlemisi hääs arvamises Severjaanini neologismest ja vormisünnitustis.

Tahan siin ainult selle sarnasuse pääle tähelepanu juhtida, mis meie keeleeuenduse ja Severjäänini vormiuuenduste vahel silma puutub. See on esiteks tung kõlavusele ja tung lühidusele. Sarnane aga teiseks selle mõnituse ja sõimu pool- est, mis sellele tegevusele siin ja säääl on osaks saanud.

Aga läheneme lõpule.

Igor Severjäänin — Vene futurismi teeside kandja. Kutse elu juure. Hüüe: elagu elu! Uus elu rütm, uus elu julgus, uus värskendav tuuletõmme süm- bolistlikus padrikus, jõhkruks esteetide roosieleegia aedades.

Igor Severjäänin — suur looduslik and, ilma suurema enesekriiti-kata ja koguni puuduliku esteetilise valiku tundeta.

Igor Severjäänin — suur looduslik talent, ilma suurema igatsuseta tõemõistmiselle jõuda.

See on pääjoontes Igor Severjäänin.

*Рецензия в «Odatees»,
Юрьев-Дерпт, № 2, 1 мая 1919.*

*Henrik Vиснапу (Henrik
Visnapuu; 1890–1951), — эстонский
поэт и драматург, близкий друг Игоря-
Северянина.*

*Игорь-Северянин перевел на
русский язык две книги стихов Вис-
напуу: «Atooges. Том XIII». Перевод с
эстонского Игоря-Северянина. Москва,
1922, 78 с., 2.000 экз., фронтиспис
работы Аадо Ваббе; «Полевая фиал-
ка». Перевод с эстонского и издание
Игоря-Северянина. Том XXX. Нарва,
1939, 22 с., без указания тиража. Вис-
напуу посвящены стихотворения:
«Рондо Генрику Виснапу», 1919-1921;
«Виснапу»,. 1933.*

*Виснапуу переводил стихи
Игоря-Северянина на эстонский язык.
Его жена Хильда Францдорф (ей по-
священо стихотворение «Внезапная
горлом кровь», 1928) дружила с женой
Игоря-Северянина Фелиссой.*

Театр.
Поэзо-вечер.

Третий раз раздаются в Эстонии изысканные строфы Игоря Северянина, в третий раз поэт читает свои стихотворения перед ревельской публикой, и снова звучат бодрые слова, дышащие любовью к жизни и к солнцу.

Из двадцати стоявших в программе, поэт, почти половина уже известна по прежним сборникам и поэзовечерам, но, тем не менее, сегодня (25 сент.) и в них звучала какая-то новая нотка, — я говорю «нотка», почти в буквальном смысле слова, так как в манере чтения поэта произошло какое-то изменение. Его обычное, совершенно своеобразное, пение почти исчезло, и, быть может, от этого и сама мысль и форма, ее выражающая, приобрели некую четкость, кованость.

Я надеюсь вернуться в специальной статье к подробному разбору последних поэт Северянина. Пока отмечу большой и «сознательный» (со стороны публики) успех, который он сегодня имел.

Г-жа Аманда Ребанэ произвела превосходное впечатление благодаря очень хорошему голосу приятного тембра (ее меццо-сопрано временами переходит в контральто), а также на редкость благородной манере пения. В ее исполнении много вкуса и художественного чутья. Делает честь артистке серьезный выбор исполненных ею вещей («Я все еще его люблю» Даргомыжского, «Весенняя вода» Рахманинова, и ария и песня из «Кармен»).

Заслуживает большой, похвалы совершенствующийся с каждым разом г. Глебов. Прекрасно прозвучали романс Врангеля «Ты мое утро» и ария из «Демона» и «Фауста».

Танцы г-жи Филаретовой очень колоритны и пластичны. В них чувствуется огонь и живость молодости.

«Свободное слово», Ревель, 25 сентября 1920. Вклейка в «Записную книгу И.В.Лотарева. Eesti, Toila, 1920», Литературный музей в Тарту.

Описан III-й Поэзоконцерт с участием примадонны Петроградской музыкальной драмы Аманды Ребанэ в Ревеле в Русском театре.

Иван Наживин

Конец

«Мы» и «они» весной 1927 года.
Фельетон-предвидение И.Ф.Наживина.

I.

Нет, я решительно больше не могу!..

И газета — какие они все стали серые, убогие, разоренные! — выпала из рук и тяжелое раздумье в весенних сумерках придавило душу...

Освобожденный народ польский перестреливается с освобожденным народом украинским, и освобожденный украинский народ остервенело, по мере сил своих — истребляет освобожденный народ еврейский и освобожденный народ румынский, вторгается в пределы освобожденного народа венгерского, и освобожденный народ русский со злобой невероятной истребляет всюду самого себя, и над миллионами обезумевшими ордами этими, реет злоеущее как кровь знамя, символ — будто бы! — братства народов!.. А те, что не вовлечены еще в этот адский кавардак, стоят во всеоружии, хищно затаившись, готовые каждую минуту броситься за добычей в кровавую пучину... И размашисто хохочет довольный Сатана, хитрый царь окровавленной вселенной...

И чернью тучи отчаяния охватывают меня и с омертвевшей в ужасе и отвращении души — я проваливаюсь в какую-то мертвенно-холодную бездну...

II.

Вижу я что-то с детства родное и в тоже время страшно новое: знакомый изгиб реки, разрушенные мосты, бессильно повисшие с каменных быков, на той стороне бесконечное черное пожарище, а на этой, на зазеленевшем уже холме развалины... да, это он, когда-то прекрасный московский Кремль! Вот сбитая до половины колокольня Ивана Великого, вот изуродованный дворец, зияющий жутко-черными пробоинами, вот обгоревшие стены древних соборов, остатки зубчатых стен и башен; вдали — разрушенный храм Христа Спасителя... В воздухе ласка весны и едва уловимый приторный запах трупов — точно это разлагается мертвый город.

А над рекой, вокруг развалин, пестрым, многоголосым морем разлилась огромная толпа, плосколицая, скуластая, узкоглазая; тут маленькие, живые, чистые японцы, невозмутимые китайцы, сибирские инородцы в меховых малахаях, башкиры и калмыки на маленьких, юрких, взлохмаченных лошадах; огромные, тяжелые верблюды, как корабли, вереницами тянутся по этому взбаламученному морю. Под стенами Тайницкой башни стоят юрты, и несется оттуда унылая, вся в причудливых завитках, дикая музыка азиатов, какие-то истерично взвизгивающие дуды и глухо ухающий барабань...

Оглядел я себя и еще более смутился: на мне грязные, вонючие лохмотья, израненные ноги босы и грязны, и все тело нестерпимо ноет от крайней усталости и истощения. И рядом у подножия целой горы дров, сидит на земле, читая какую-то серенькую газетку... Да ведь это Игорь С., мой друг, когда-то блестящий поэт, мир женшин, а теперь истомленный, весь седой босик на которого жутко смотреть! И вокруг него, в позах крайней усталости и отчаяния, большая толпа таких же оборванцев, диких волосатых среди которых я с ужасом узнаю моих близких друзей, моих противников, людей, когда-то стоявших на верхах культуры, когда-то славных, а в сторонке, пьяный, толстый, пестрый как павлин, азиат обнимает за талию молодую женщину, угасшую и покорную — да это она, златокудрая волшебница, которой так еще недавно, кажется, в блеске театральных огней поклонялась восторженная толпа, засыпая жизненный путь ее цветами и золотом...

— Устали? — Тусклым, мертвым голосом спросил меня И.С. — Не хотите ли?

И он протянул мне свою серенькую, дешевую газетку.

III.

«Киев. — Последний мятеж рабов можно считать ликвидированным. Киев — груда развалин. Красный Днепр беспрерывно катит белые тела казенных и черные обгоревшие головешки бесчисленных пожарниц.

Брюссель. — Головные отряды наши быстро подходят к берегам океана. Жалкие остатки европейских войск тысячами сдаются в плен. Подводный флот наш железным кольцом сжимает обезумевшую от голода Англию. Всюду над столицами покоренных белых варваров гордо реют наши золотые знамена.

Милан. — Наместником итальянским назначен Сунь-янь-Чанг. Все белокожее население поголовно привлечено к общественным работам: на площади св. Петра в Рим из остатков разрушенных храмов возводится колоссальная пагода, здание, какого не видал еще мир.

Каир. — Сегодня прошли последние 632 транспорта с китайскими корпусами, предназначенными для десанта по северному побережью Африки. Оцепление черного континента закончено. Вожди племен являются с выражением покорности. Население восторженно приветствует своих избавителей от белолицых варваров...»

У меня затуманилось в голове.

— Я... ничего... не понимаю... — едва выговорил я.

С. опять тускло посмотрел на меня.

— Я... я все это время скрывался в лесах... — сказал я тяжело, с усилием вспоминая бесконечные дни, месяцы трущобной, звериной жизни. — Я... ничего не знаю...

И вдруг точно осияло мою душу страшным светом: а где же семья моя? Да, ведь у меня была семья... И я не мог вспомнить, где же она, и чувствовал, как холод ужаса и безумия шевелит волосы на моей голове. И точно сквозь туман слышал тусклые слова, тяжелые, давящие, как горы.

IV.

— Да, я действительно, не видал вас с тех пор, как мы, опаленные и оглушенные, бежали из погибавшей в огне и крови Москвы... Вы можете считать себя счастливым, если вы это страшное время пробыли в лесах и ничего не видали. И сколько времени длился этот нечеловеческий кошмар — год, десять, сто лет?

— Я... я ничего... не знаю... — повторил я, весь охваченный бесплодной мукой: я хотел вспомнить, но не мог.

— И пылали, и рушились в кровавом безумии города по лицу старой России, — продолжал он бледно и безучастно, — и страшные моря крови стыли под солнцем, и изнемогали народы, и хотели остановиться и не могли, распаленные злобой. И гибло все: остановились фабрики, заводы, копи, и зарастали пашни волчим и тернием, и миллионы безработных за бумажные деньги, на которых уже нельзя было ничего купить, продавали свои руки поли-

тиканам-аферистам и те снова и снова бросали их в бой за свои химеры, и гибли они миллионами, и умирающие, разбитые железные дороги из последних сил перевозили с одного места в другое только расстрелянные, ржавые пушки, последние снаряды и последних солдат, одичавших и страшных. Немногие уцелевшие храмы опустели — голод не пускал в них ни женщин, ни детей, ни стариков; в опустевших университетах и музеях гнездились воронье, библиотеки расхищались бедняками на топливо, и оборвалась вечная сказка искусства.

И вот, когда в неслыханных междоусобиях и бедствиях наша старая Россия обессилела окончательно, голодная, холодная, больная, нищая, из-за хребта Урала вдруг выглянуло страшное лицо желтого человека, бесконечные миллионы этих бойцов, суровых, жестоких, довольных малым.

Одумавшиеся разом европейцы — смута шла, да всей Европе — попробовали было соединиться, организовать самооборону, но было уже поздно: топлива не было, не было, сырья, заводы стояли, все было изношено и ни у кого не было сил...

И опьяненная легкими успехами, быстро поднялась вся Азия.

Напрасно перепуганная Америка пыталась остановить этот новый всемирный потоп — с этими сотнями миллионов людей ничего не могла она сделать.

Из телеграмм вы видели, что завоевание Старого Света заканчивается, а вчера в газете обсуждался вопрос о том, чтобы, соединив и отремонтировав разбитые флоты старых великих держав, обрушиться с армадой этой на Америку.

Еще немного и молодой император монголов будет владыкою мира и новый Атилла этот, вооруженный всеми усовершенствованиями от подводные лодки до беспроводного телефона будет непобедим, ибо некому побеждать его...

А мы... мы... потеряли все... мы только рабы, у которых нет ни своего угла ни семьи, ни чести, ни завтрашнего дня.

Все, что мы любили, чем была жива наша жизнь, погибло.

Тысячи и тысячи из нас покончили с собой сами, миллионы погибли в бессмысленных боях междоусобиц, миллионы гибнуть в этой каторжной непосильной работе. И зачем живем мы, оставшиеся, я не знаю...

Он говорил, а по крутому откосу щетинилась веселая зеленая травка, горели, как золотые звездочки, одуванчики, и ласточки щебетали над солнечной рекой, и облака, тихие ладьи под белыми парусами неслись по воздушному океану в безвестные дали, — что для природы наше черное горе и гибель царств и народов?

Громкие, властные, дикие звуки медных труб и барабанов вдруг остро взрезали смутную тишину умершего города и, как стальная змея вытянулась по набережной, тесня толпу под откосы, бесконечные, грязные полки, над которыми реяли желтые знамена с четким изображением Черного Дракона.

И было в них что-то гипнотизирующее, подавляющее бесконечно...

И, полный тоски, полный муки — у меня была, несомненно была семья... я полез, сам не зная, зачем, по откосу вверх...

Вот милые головки моих деток, вот жена, я помню их, я вижу их, душа нестерпимо болит по ним... И я не мог, не мог, не мог, вспомнить, где и как потерял я их!..

— Куда лезешь? Не знаешь, сейчас работа? — на исковерканном русском крикнул мне китаец с глазами рыси — Назад, скотина!..

И длинный бич, звонко щелкнув, горячо обжег мои плечи...

Ничего не видя, я уныло снова спустился к реке и не знал, что делать. На тотчас же откуда-то взялись азиаты с медными бляхами на груди и, щелкая бичами и что-то крича, стали поднимать истомленных людей на работу.

И все — старики, хрупкие девушки, дети, с покорными лицами поднялись и с носилками шли на барки за дровами...

— Ну, давайте... — сказал мой друг.

И израненными руками мы тяжело взялись за носилки...

И минуты сливались в часы, и пот слепил глаза, и голод мучил, и подгибались ноги, и страшно обжигали плечи, и спины, и ноги, и лица длинные бичи невозмутимых азиатов.

И вдруг один из рабов метнулся к реке и, ни минуты не колеблясь, бросился в воду. Но никто не пошевелился — ни господ, ни товарищи несчастного, рабы.

V.

Красное солнце жутко садилось среди черных остовов мертвого города, и смеркалось, и от реки повеяло сыростью, и трупный запах стал слышнее, и в сумерках, усиленно щелкая бичами, нас сбили в кучу и, едва волоча ноги, мы поднялись на набережную.

И из кучи мусора на мостовой я вытащил засаленный лоскут старой газеты — может быть, достану табаку, покурю — и, разглаживая его, прочел машинально: «...среди бурных оваций Мария Спиридонова заявила, что до весны уже недалеко, а весной на земле воцарится рай». Что-то знакомое, смешное и страшное почудилось мне в этих странных словах...

С Красной площади вдоль развесной стены спускалась огромная толпа оборванных рабов с котомками за плечами: среди нее местами скрипели обозы с убогим скарбом, так же щелкали над покорно склоненными головами бичи азиатов.

И слышался душу надрывающий плач детей... И видно было, что перед мучениками — далекий, далекий путь...

И с краю толпы спотыкаясь от усталости под тяжестью убогого сундучка, шла седая исхудалая женщина; она вела за руку девочку лет четырех, а черноголовый, худенький мальчик держался сзади за ее лохмотья.

Она изнемогала, она отставала... И взвился черной змеей бич и, щелкнув, опустился, но зверь промахнулся и хлестнул по лицу маленькую девочку.

Она зарыдала, и точно ножом резануло меня по душе, — я узнал:

— Они!

Да, но почему их только трое?!

Я бросился к ним, но удар плети по ногам сбил меня на камни, и железная рука схватила меня за шиворот.

Я бился, я кусался, рычал, визжал, но меня не пускали.

И сквозь слезы, кровь и пыль, я видел их — они уходили в тяжелых сумерках в безвестную даль...

Я собрал все свои силы, рванулся и — проснулся.

Тяжелые сумерки. На полу смятый убогий серый газетный лист... В душе тоска, боль, на глазах слезы, а впереди — ночь...

«Русь», Ревель, 1920. Вклейка без указания даты в «Записную книгу И.В.Лотарева. Eesti, Toila, 1920».

Наживин, Иван Федорович (1874-1940) — в юности считался писателем-народником, близким к Л.Толстому; в Гражданскую войну на стороне белых, сотрудник ОСВАГА. С 1920 года в эмиграции. ; с 1926 года хлопочет через консула в Париже о разрешении вернуться на родину, в 1934 году обращается напрямую к Сталину, но просьба не удовлетворена; умер в Брюсселе. Наживин положил начало публичной критике Игоря-Северянина в прессе, опубликовав отзыв Льва Толстого о стихотворении «Хабанера. II»:

«Чем занимаются!.. Чем занимаются!.. Это литература! Вокруг виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них — упругость пробки!» (Из жизни Льва Толстого. «Сфинкс», Москва, 1911, с. 88-89).

Ник. Негорев

Ветер с моря

Когда лет двадцать назад я приехал в Киев, меня с первых же шагов в этом, тогда еще мне незнакомом городе стал преследовать один вездесущий образ.

Образ щеголеватого одетого господина средних лет, стилизованного под Габриэля д'Аннунцио, в необычайно высоком галстуке, с надменным выражением глаз и претенциозной заносчивостью девы.

Он преследовал меня в витринах фотографических ателье, в книжных лавках, в эстампных магазинах — и даже в табачных.

И когда я зашел в одну из последних, чтобы купить папирос, предупредительный хозяин, уловив мой взгляд, с тоскою устремленный на русского двойника д'Аннунцио, поспешно пояснил:

«Это наш Киевский поэт, знаменитый Дмитрий Ратгауз. Он на днях получил письмо из Ясной Поляны, в котором его стихи очень хвалит Толстой. Это так его ободрило, что теперь он станет писать много и особенно хорошо».

В Киевской табачной лавочке, я впервые постиг, насколько сладкою является местная известность провинциальных литературных кумиров.

Впоследствии я убедился, что почти каждый русский город имел своего писателя-фаворита. Так, Одесса носила на руках А.М.Федорова, Ялта гордилась С.Я. Елпатьевским, мелкие пункты довольствовались более скромными именами.

Некоторые из них перерастали свою провинциальную известность и выплывали на глубокую воду столичной литературности, другие же удовлетворялись утешением цитероновского афоризма о радости первенства в деревне.

Но и уходившие на большую литературную работу навсегда сохраняли теплоту благодарного чувства к тем уголкам России, где они получили первое признание своего дарования.

«Страна, где мы вкусили впервые сладость», если не бытия, то, во всяком случае, творческих вдохновений, всегда особенно дорога нашей душе.

Прославленный Игорь Северянин, по-видимому, питает такое чувство к Эстии: им проникнуты его эстляндские поэмы «Pühajõgi» недавно вышедшие в свет в издании «Одамеес».

Игорь Северянин давно уже пользуется всероссийским признанием, но любовь к нему в Эстии, много раз воспетой в его поэзах, носит особенно сердечный, интимный характер.

Уже этого одного обстоятельства было бы достаточно для того, чтобы поговорить подробно об эстляндских поэзах Игоря Северянина.

Но есть еще и другое, не меньшее основание. С его стихами связано для нас милое прошлое лихорадочно жившего крупного городского центра. И в то же время в его стихах веет бодрящий ветер с моря.

Два разных полюса наблюдаются в творчестве Игоря Северянина: изощренность столичного жителя и восторженность мечтательного друга природы.

И недаром так любит Игорь Северянин гостеприимную Эстию. В ней чувствуется ему примиряющий синтез городского и сельского начала.

Ведь и вправду. Разве не врывается властно стихийное веяние природы в немногочисленные городские центры Эстии и не заслонить его ни зеркальными витринами магазинов, ни кричащими огнями кинематографов? И люди, — не пришельцы, а местные люди, — разве они не остаются всегда и неизменно людьми земли? <Самоназвание эстонцев — *maarahvas*, т.е. люди земли. Прим. публикатора.>

И на фоне эстонской природы слагаются у Игоря Северянина «Поэмы о тщете». В вихре столичной жизни сердцу не слышать зова вечности и его охватывает жуткое чувство безнадежности.

Все тщетно. Явно обесцелено.
Ни в чем забвенья не найти.
Страдать до смерти кем-то велено,
И к смерти все ведут пути!..

Наоборот, отрекаясь от прошлого и принимая к истокам вечно юной природы и воскресшей на ее груди новой любви, поэт испытывает вдохновенный подъем.

В былом — ошибка. В былом — ненужность.
В былом — уродство. Позор — в былом.
В грядущем — чувства ее жемчужность,
А в настоящем — лишь перелом.

Ах, отчего-то арфеет ветер,
Далеет берег, поет залив!..
Ах, отчего-то и жить на свете
Я страстно жажду, глаза раскрыв!..

Это внутренне столь характерная («Поэза раскрытых глаз») в сопоставлении с «Поэзой о тщете» намечает путь поэзии Игоря Северянина, быть может, не вполне ясно им самим сознаваемый. Именно, путь к великим представителям космического начала в русской поэзии к — Тютчеву и Баратынскому.

О близости своей к первому он и сам упоминает, но только однажды, — в поэме «Избегнувшие Петрограда, говоря, что с оставлением городской суеты в его «душе властнеет Тютчев». Родственность настроений со вторым он выдает в прелестной «Поэме майских дней» и по фактуре стиха, и пафосом напоминающей стихотворение Баратынского: «Весна, весна... Как воздух чист, как ясен небосклон».

Душа природы вскрывается до дна в минуты ее пробуждения. Вот почему еще среди снегов сердце поэта полно предчувствиями весны. И эти предчувствия он провидит во всем его окружающем:

Ночами снежно-голубыми
Мечтает палевый Февраль,
Твердя Весны святое имя,
О соловье, влекущем вдаль...

Его проникновенной душе ясно, как близка эта радость:

Осядет снег — седые кудри
Смахнет бессмертная сосна.
Я слышу дрожь в февральском утре:
О, это вздрогнула весна!

И когда от предчувствий и чаяний прихода переходит к осуществлению, опьяненный поэт полон весенней любовью:

Я не могу не радоваться маю
И не воспеть его я не могу,

говорит он, и его влечет весеннее счастье в далекие просторы.

Который раз все в тот же, всё в зеленый,
В весенний шелк закуталась земля?
Который раз, в мечту свою влюбленный,
Я уйду в зовущие поля?

Здесь, в неоглядности весенних далей совершается таинство экстаза, экстаза молодости и воскресения.

Я молод! Отдайся мне, солнце!
Отдайся, вся зелень! вся синь!
Отдайся отдачей святынь
Пчелиной душе аполлонца!
Сквози голубая коронца
Над ликом любимой! Аминь.

Весна выявляет возрождение в ликующую радость природы, другая стихия — море — проникнуто тайною и титанической мощью. В нем Игорь Северянин находит родственные себе черты и <...>диво спрашивает обращаясь к морю:

И не в тебе ли мой прообраз,—
Моя загадная душа,—

И дальше зовет его влиться

... в душу всюю синью:
Она душе моей близка!

Всматриваясь в эту синь и вдыхая полною грудью морской воздух, поэт забывает пустоту всех стремлений, которыми живет город, и снова и снова готов отречься от них перед лицом вечности, разлитой в морской стихии:

Как поверю я в город? Как поверю я в войны?
Как поверю в театры? Как поверю в толпу?—
Если плещется море бирюзово-спокойно
И луна намечает золотую тропу?

Но особенно внятно душе Игоря Северянина Балтийское море, которое он созерцает с берегов любимой им Эсти. Здесь в Тойле он пишет свою «Эстляндскую поэму», которую можно было бы назвать гимном северному морю: оно чарует поэта, готового долгими часами следить за его своеобразной жизнью.

Я весь день, и весь вечер просижу на террасе, созерцая то море,
То особое море, нет которому равных во вселенной нигде.

Именно загадочная изменчивость его пробуждает отзывные отклики в творчестве Игоря Северянина и он наделяет его калейдоскопическою пестротой определений и эпитетов.

Это море — снегурка. Это море — трилистник. Это — вишен цветенье.
Это — призрак бесчертный. Эрик принц светлокий. Это море — Лилит.
Ежецветно. Капризно. Несказанно-больное. Всё — порыв. Все — мгновенье.
Все влеченье и зовы. Венценосная Сканда. Умоляя — велит.

Оттого-то и дом мой — над отвесным обрывом у любимого моря.
Миновало предгрозые. Я дышу полной грудью. Отдыхаю. Живу.
О, сказанья про Ингрид! О, Норвегии берег! О, эстляндские зори!
Лишь в Эстляндии светлой мне дано вас увидеть наяву! наяву!

Свою любовь с эстонской природы, от переживаний связанных с нею, Игорь Северянин переносит на всю Эстонию вообще. Он преклоняется перед соединением в ней трудового начала и культурности («Ах, есть ли край?»), радуется плодородию эстонской почвы («Край благословенный»), выражает свою горячую признательность представителям сосредоточенного и мужественного эстонского народа («Нарва», «Почтальон») и, наконец, приветствует мудрость ее государственной свободы и республиканское строительство ее вождей («Привет Эстонии»).

Я закрываю маленькую книжку эстляндских поэт Игоря Северянина и мне кажется, что я только что дышал полною грудью — освежающим ветром с моря. Ветер с моря — в переломных переживаниях давно оставленной нами почти уже забытой столичной лихорадочной жизни. Ветер с моря — в творческом проникновении в великие таинства природы. Ветер с моря — в сознании того, что есть возможность забыться от гнета дум о будущем и от горечи политического изгнания — в певучих сказках роднящего нас с прошлым поэта.

«Свобода России», № 57, 11 марта 1920.

Иорданский, Николай Иванович (Ник. Негорев; 1876 – 1928) — публицист, журналист.

Песни усталости

Пиши, поэт! Слагай для милой девы
Симфонии сердечные свои!
Переливай в гремящие напевы
Несчастный жар страдальческой любви!
Чтоб выразить отчаянные муки,
Чтоб весь твой огонь в словах твоих изник, —
Изобретай неслыханные звуки,
Выдумывай неведомый язык!

Таков завет, оставленный поэту одним из популярнейших писателей 1830-х годов Бенедиктовым, которого наш современник Федор Сологуб не без основания считал предшественником русских модернистов.

По словам Айхенвальда, Бенедиктов — любовник слова, и в истории русской словесности он должен быть упомянут именно в этом своем качестве, в этой своей привязанности к музыке русской речи.

Если я говорю здесь о Бенедиктове, то лишь потому, что он живо интересуется меня, как предшественник популярнейшего лирика наших дней Игоря Северянина.

В литературной судьбе обоих поэтов заметно очень много общего.

В свое время русская критика в лице Белинского, с глубокою несправедливостью обрушилась на юную музу Бенедиктова, проглядев многие ее серьезные достоинства.

Игорь Северянин в начале своей литературной деятельности также немало потрепал от строгости присяжных зоилов, питающих у нас органическую антипатию ко всему непривычному. Слепой их ригоризм дал поэту повод в озорном, но основательном «Сувенире критике» сказать раздраженно и метко: «Ах, поглядите-ка! Ах, посмотрите-ка, какая глупая в России критика!»

Если вспомнить те свистки и ту ожесточенную брань, которыми сопровождалось выступление на литературное поприще таких разнородных талантов, какими являются Чехов, Горький, Брюсов и Бальмонт, то едва ли с уст сорвется слово осуждения Игорю Северянину за его полемическую выходку, быть может, и сильно окрашенную личным чувством.

Есть, впрочем, и другая сторона роднящая Игоря Северянина с Бенедиктовым. Именно — стремление к баюкающей массе радужно-красочной сказке.

Потребность в ней была особенно остра, когда Бенедиктов выходил на литературную дорогу. Как серая солдатская мишень, гнетущее висело над обезволенными русскими душами хмурое небо Николаевского царствования — и стала ненавистной им строгая простота прекрасного Пушкинского творчества.

«Пушкин исписался» — говорила толпа и раскупала нарасхват желтенькую книжку стихотворений Бенедиктова.

На ее страницах ласкали слух и радовали воображение певучие названия звезд, роскошные женщины, романтический экзотизм и пряная эротика — все то, что было так необходимо для «грезерки» 1830-х годов.

Не этим же самым берет за живое современную толпу Игорь Северянин?

Есть у него показательное в смысле самооценки стихотворение — «Интродукция к т. IX Поэз» — «Я соловей» — пишет о себе Игорь Северянин. «Я без тенденций и без особой глубины... Но, будь то старцы или младенцы, поймут меня — певца весны. Я — соловей, — я — сероптичка, — но песня радужна моя. Есть у меня одна привычка: влечь всех в нездешние края»...

Вот этим-то свойством, своеобразной способностью уводить читателя в нездешний мир грез, — Игорь Северянин особенно ценен для современности.

Ценен для современности, но, конечно, не для вечности, которой не нужны «грезерки» с изощренными цветочными ликерами, на «ананасы в шампанском», ни «стрекот аэропланов», ни беги автомобилей», ни «крылолет бурэров», ни вообще тяжелая и тем самым тленная артиллерия творчества Игоря Северянина.

Но ведь все эти атрибуты буржуазно-кутильного бытия отошли теперь в область преданий «Режь ананасы и рябчика жуй, день твой последний приходит, буржуй»...

И ананасы и рябки давным-давно переварены в желудках «буржуев», которые в наши дни на принудительных работах, в очередях и в общественных столовых, утратили даже самое воспоминание о тонкостях былой Северянинской гастрономии.

Что же «допингурует» в творчестве Игоря Северянина, стоящего вне мира излюбленных им образов.

Он сам сознает грустную свою опустошенность и красочно выявляет ее в «Элегии изгнания», помещенной на страницах нового сборника поэз 1918-19 г.г. «Вервэна», изданного Дерптской фирмой «Одамес».

«В моем добровольном изгнании
Мне трудно представить, что где-то
Есть мир, где живут и мечтают,
Хохочут и звонко поют.
Да полно! Не только ль мечтанье —
Соблазны культурного света?
Не всюду ли жизнь проживают,
Как я в заточении тут?

И разве осталась культура,
Изыски ее и выборы,
Утонченные ароматы
Симфоний, стихов и идей?
И разве полеты Амура
Ткут в воздухе те же узоры?

И разве мимозы не смяты
Стопой озверелых людей?

Вот год я живу, как растенье,
Спасаясь от ужасов яви,
Недавние переживанья
Считая несбыточным сном.

Печально мое заточенье,
В котором грущу я по славе,
По нежному очарованью
В таком еще близком быллом...»

Отсутствие питающей поэта среды с одной стороны, а с другой пережитые им «ужасы яви» наложили печать глубокого утомления на новый сборник Игоря Северянина «Вервэна» и вошедшие в него поэзы мы по справедливости можем назвать песнями усталости.

В «Интродукции» к этой книге он отражает эту трещину своего поэтического бытия.

Вервэна, устрицы и море,
Порабощенный песней Демон —
Вот книги настоящей тема,
Чаруйной книги о Святом Аморе.

Она, печалаящая ваши грёзы,
Утонченные и больные,
Приобретает то льняные,
То вдруг стальные струнные наркозы.

Всмотритесь пристальнее в эти строки:
В них — обретенная утрата.
И если дух дегенерата
В них веет, помните: всему есть сроки.

Я бы сказал, что этот «дух дегенерата», разумея под ним чувство усталости от жизни, сказывается не только в содержании, но и в самой фактуре, даже во внешней форме большинства новейших стихотворений Игоря Северянина.

В них вообще редки теперь прежние настроения, которыми было живо сердце поэта. Но подчас все-таки и здесь прокрадывается — то грациозное веяние детской сказочности («Газелла IV»), то опьяняющее влечение женского начала («Морефея»), то певучая лирика любящего сердца («Рондо XX»).

Но параллельно с этими отзвуками «славного былого» проступает в последнем сборнике Игоря Северянина и нечто новое, доселе в нем не бывшее. Именно, чрезмерное увлечение формальной стороной творчества.

Целые стихотворения Игорь Северянин строит на звуковых эффектах. Так, есть у него поэза «Лунные блики», где каждое слово содержит в себе букву «л», и параллельное ему стихотворение «Чары Лючинь», основанное на широком использовании звука «ч». И в том, и в другом имеются удачные частности (например, «Лень разветвлений клёна, вылинявшего ало. Палевые поляны, полные сладких сил» или «Чернела, чавкая чумазой нечистью, ночь бесконечная»). Но они не искупают искусственной претенциозности целого.

То же самое можно найти в многочисленных секстинах, газзллах, сонетах, лё и прочих версификаторских ухищрениях, интересных главным образом с точки зрения стихотворческой техники.

Но совершенно неожиданным в Игоре Северянине представляется его новое тяготение — к старине. «Пассеизм», столь осуждаемый футуристами, овладевает вниманием поэта. Правда, он трактует старину без того благоговения, с которым к ней относится М.Кузмин или Б.Садовский. Но все же в прошлом он находит темы для многих своих стихотворений, подчас, впрочем, сурово осуждая это минувшее.

Вот, например «Сонет ХХІХ», посвященный характеристике 18-го века.

Век грации, утонченный век-стебель!
Ланкрэ, Ла-Туш, Бушэ, Грээз и Ватто!
Андрэ Шарль Бульль — поэт, не твой ли мебель?
И ты, Бергон, не ты ль певец манто?

Век мушек-«поцелуев», вздохов гребель,
Духов и комплиментов,— но зато
Виконт бранится дома, как фельдфебель,
А виконтесса, как — не знаю!— кто...

Двуликий век Раттье и Фрагонара —
Изящества и грубого кошмара! —
Ты мне напомнил «эти» времена:

Не та же ли культурность показная,
Которую, определенно зная,
Спасти не могут наши имена?

Отрицательное отношение к современности, выраженное здесь в сопоставлении ее с 18-ым столетием, безотносительно выражено поэтом в презрительно-резком стихотворении «Крашенные».

Сегодня «красные», а завтра «белые» —
Ах, не материи! ах, не цветы! —
Людишки гнусные и озверелые,
Мне надоевшие до тошноты.

Сегодня пошлые и завтра пошлые,
Сегодня жулики и завтра те ж,
Они, бывалые, пройдохи дошлые,
Вам спровоцируют любой мятеж.

Идеи вздорные, мечты напрасные,
Что в «их» теориях — путь к Божеству.
Сегодня «белые», а завтра «красные» —
Они бесцветные по существу.

Казалось бы, при таком уничтожающем взгляде на ценность настоящего поэт, заклеив его «стихом облитым горечью и злостью», должен был бы отойти в область презрительного игнорирования повседневного и окружающего.

Но здесь проявляется странная непоследовательность Игоря Северянина. Преувеличенное внимание — для поэта, стоящего на горных высотах искусства — он уделяет Ленину («По справедливости»), Керенскому («Самарский адвокат» и «Александр IV») и даже Распутину («Поэза упадка»).

Непонятно, зачем понадобилось автору проникновенного «Громокипящего кубка» вступать в невыгодную конкуренцию с Демьяном Бедным, Не лучше ли, с его точки зрения, было — сотворить благо и отойти от зла.

Несмотря на большое количество тленного в сборнике «Вервэна», все же в нем по временам слышатся подлинные «шорохи интуиции», которые заставляют нас сказать в заключение: «Жив великий Пан»...

Он будет жив в Игоре Северяnine, если почаще будет он уходить от суеты современности, разменивающей души на мелкую монету, в столь близкое ему царство Солнца и Любви, — если не забудет он великого завета поэта-философа Владимира Соловьева:

Смерть и Время царят на земле, —
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

«Свобода России», № 110, 19 мая 1920 года.

Шаршун, Сергей Иванович, (1888-1975) — прозаик, поэт, живописец, график, был близок к М.Ларионову, Н.Гончаровой, А.Крученых.

Поэзо-вечер

Он все тот же Игорь Северянин, повсесердно озкраненный гений, повсесердно увержденный соловей. Тот же характерный аскетический профиль, та же огромная, словно высохшая фигура, и этот безразличный взгляд, и этот детонирующий, менее всего напевный голос. Как будто не постарел он с того времени, как стоял такой же монументальный, на эстраде неудобного зала петербургской городской думы, в доме под несуразно выцветшей каланчой. Он стоял, твердо вытянувшись, и холодно смотрел в глаза многоокой толпе восторженных девиц и студентов или просто скучающих фланеров, забредших сюда, чтобы посмеяться.

Это было тогда в большой моде — посещать вечера поэтов и исходить желчью, сравнивая свысока век нынешний и век минувший. А те, другие, восторженные, ловили каждое слово, требовали повторения, и ещё, и ещё. И летели в толпу ананасные поэты элегантного петербургского декаданса. Поэты Северянина, Изабеллы Гриневской, Николая Оцупа, Якова Година. Все они сидели тут же, молодые поэты, возбужденные, раскрасневшиеся, за зеленым столом, и смотрели на них со старых стен петербургские городские головы из золоченых рам.

Теперь Северянин выступает один, без молодого окружения, и вид у него может быть несколько менее независимый. Он даже кланяется публике, рижской публике, которая пришла его послушать. Кланяется и читает про тех же королей из ажурной пены, про те ананасы в шампанском. Про ананасы, которые все еще свежи и про королей, претендующих на вечную молодость, несмотря на то, что страна, «где четверть века центрит Надсон», не только от Надсона, но и от Северянина улетела и корчится теперь под пьяные песни Есенина и Маяковского.

И потому грустно. Хорошие стихи, из них несколько, что, безусловно, останутся навсегда. Живой русский поэт, правда, запутавшийся в красоте напрасной. А движения нет...

А все же слушаешь с удовольствием, хотя припев мешает. Монотонный припев, от которого, видимо, страдает сам Северянин, когда читает лучшие свои стихи. Припев, как бы конфузаясь, исчезает, и тогда слова звучат более непосредственно. Невольно вспоминаешь стихи Северянина в исполнении Гзовской. Те же стихи и как будто совсем другие, неожиданно одевшиеся мясом, налившиеся кровью.

А впрочем, это всегда так. Плохо читают и Бальмонт и Ахматова, а Блока прямо тягостно было слушать. В этом отношении Северянин, безусловно, интереснее.

«Сегодня», Рига, после 23 марта 1921. Вклейка в «Записную книгу И.В.Лотарева. Eestî, Toila, 1920». Описан поэзовечер в зале Ремесленного общества.

К.Ригин — возм. Эляшов, Михаил Евгеньевич (Старый студент; 1900-1941), адвокат, литературный критик, публицист, в 1941 году председатель «юденрата» в Рижском гетто.

*Рисунок из газеты «Свободное слово».
Ревель, 25 сентября 1920.*

Концерт — «Villa Mon Repos»
Первая гастроль Игоря Северянина.

На концертной эстраде «Villa Mon Repos» впервые выступил Игорь Северянин.

...Даже для царей поэзии нет, особенно в наши демократические дни «революционного периода» искусства...

Поэт был таки поднят «народом на щит» — публика отдала ему должное. При совершенно смолкнувшем зале Северянин прочел ряд поэз преимущественно из сборника «Громокопящий кубок», как известно, наиболее интересного. Как воспоминание далеких петербургских времен, безвозвратно канувших в лету, прозвучали напевные строки «Письма голубого», «Ананасов в шампанском», «В желтой гостиной серого клена» и многого другого, что поэт неустанно читает, отвечая на не смолкавшие вызовы публики. Кажется так в «Mon Repos» не принимали еще никого. <...>

~~~~~

«Последние известия», Ревель. Вклейка в «Записную книгу И.В.Лотарева. Eesti, Toila, 1920» без указания даты.

Первое выступление Ревеле в ресторане «Villa mon Repos», состоялось 1 сентября 1921 года.

А.Панин

Вечер Игоря Северянина

Еще недавно футурист, литературный баловник Игорю Северянину был известен не только потому, что он пишет, сколько по тем статьям, что писали о нем. Статьям то резким, то ироническим, то просто фельетонным. Еще бы: весь совсем недавно Игорь Северянин заявлял к ужасу солидных обозревателей и блюстителей литературных нравов:

— Я гений Игорь Северянин,
Своей победой упоен,
Я повсеградно объэкранен,
Я повсесердно вознесен.

Но это была молодость. Самолюбивая, кипучая молодость, которой претили установленные литературные правила-догмы и брюзжанье газетных псов на все молодое, хотелось им кинуть вызов, помещая на обложках стихов: автор носит воротнички № такой-то, а принимает поклонников тогда-то.

Но искусства литературной молодости прошли. Не многие, так как Игорь Северянин сумели отказаться от вольных и невольных ошибок поэтической незрелости и сразу найти верный тон.

Теперь Северянина можно считать одним из лучших молодых лириков. Правда и теперь есть какие-то нарочитости в его стихах, есть еще кое-какие не рожденные, а сделанные фразы, но и это, чувствуется, отпадает с каждым днем.

Его стихи хороши тем, что в них много настоящей музыки — музыки не только слов, а и настроений. Его устремления ко всему внешне-изящному и внутренне-переливчатому — резкий протест против застывшей формы русского стиха и примитивности поэтических образов классиков.

Читает свои стихи Игорь Северянин великолепно и его речитатив без музыки это и есть то правильное «скандирование» которое признавала древняя поэзия...

Ковна приняла молодого поэта тепло. Театр был полон, и публика с удовольствием слушала и самого автора и прекрасную передатчицу его стихов г-жу Балкис Савскую. Красивый и певучий голосок и милая интимная манера предавать нюансы наивных строчек только подчеркивали нежность и певучесть некоторых строф.

Музыкальная часть поэзо-концерта была обставлена очень недурно. Г. Брауер хороший музыкант и еще лучший техник. Особенно хороша мягкость игры его в тех местах, где пианино перестает быть инструментом и служит так сказать рупором душевных переживаний композитора.

Г. Ульману предстоит, безусловно блестящая карьера хорошего оперного певца. У него хорошо поставленный голос, дикция не заставляет желать лучшего, а умелое исполнение такой трудной для не поставленного голоса вещи как «На старом кургане» заставляет думать, что г. Ульман не новичок на сцене.

В общем весь вечер оставил очень хорошее впечатление. Чувствуется не «халтура» наскоро собранной проезжей группы, а милая интимная программа, чего так давно были лишены ковенчане.

«Эхо», Ковна, после 11 апреля 1921 года. Вклейка в «Записную книгу И.В.Лотарева. Eesti, Toila, 1920» без указания даты.

Поэзоконцерт в Городском театре при участии Марии Волнянской (Балкис Савская), Аркадия Бухова, артиста итальянской оперы С.Ульмана и Алекс. Брауэра (рояле). Стихотворение процитировано неточно: «Я, гений Игорь-Северянин, Своей победой упоен, Я повсеградно озкранен, Я повсесердно утвержден».

Д.В.

Игорь Северянин. Менестрель.

Новейшие поэты.

Том XII. Изд-во «Москва». Берлин. 1922. Стр. 111.

Шумевший в свое время и давно забытый сейчас в России, Игорь Северянин уже не первый год пожинает лавры в эмиграции. И уже подлинно — каков поп, таков и приход — здесь он нашел истинный дух своей поэзии.

В этой маленькой русской колонии,
Здесь спасающей от беззакония
Свои бранные дух и тела,
Интересы такие мизерные,
Чувства подленькие и лицемерные,
Ищут все лишь еды и тепла.

Так характеризует поэт эмигрантскую толпу. И даже дает ей наставления: можно, мол, устраивать «вечера музыкально-поэзо-во-кальные», «и, пожалуй, плясать до утра».

А что его самого держит в этой среде? В чем собственно «беззаконие», от которого он укрывается. Да помилуйте!

Правительство, лишившее субсидий
Писателя, вошедшего в нужду,
Себя являет в непристойном виде
И вызывает в нем к себе вражду.

Вот что рассорило его с Россией и заставляет его на тысячи ладов перепевать худшие из своих старых строк на берегах Балтики. И здесь он окончательно погряз в неумном, безнадежно пошлом, безвкусном и не имеющем ни малейшего отношения к поэзии смаковании великих человеческих благ: грезоторт, пьяновишни, «пирожное каштанов тертых» (последнее непременно «на яхтенной корме»), «мятно-са-харная клетка», «царская красноголовка», «графин кристальной водки», «икра в фарфоре», наконец «партер, души, шелка, меха, лорнет».

А затем на тысячу ладов вирши о различии между любовью, страстью, похотью, безлюбовьем, и т.д., и т.д. И беда не в том, что порнографическая откровенность превышает все доселе достигнутые поэзией пределы, гораздо хуже то, что за вычетом ее не остается ничего. И такова вся книга — вычесь пошлость, порнографию, беспардонную болтовню — и останется пустота. Не заполняют ее и трудные поэтические формы (секстины, рондо, лэ, газеллы и др.), которыми щеголяет погрязший в болоте талантливый поэт.

«Россия», № 4, 1922
«Менестрель. Новейшая поэзия». Том XII. Берлин, изд. «Москва», 1921, 111 с., без оглавления, тираж 3.000 экз., обложка работы Ксении Богуславской

Владимир Шатров

Поэзо-вечер

В воскресенье 7-го октября с.г. в помещении Русского Общественного Собрания состоялся поэзо-вечер Игоря Северянина с участием Ариадны Изумрудной.

Автор прочитал до тридцати поэм, из которых можно упомянуть такие известные во всероссийском масштабе шедевры, как: «Розовеет кружевеет утром лес». «Весенний день горяч и золот», «Долой политику» и другие.

Своеобразная дикция г. И.Северянина, его певучий, тонко выразительный голос, изысканно филигранные стихи, в передаче поэта невольно ласкавшие и обострявшие настроенный слух публики зала, — все это создало шумный успех автору поэм, которого по окончании каждого номера программы приветствовали бурными и восторженными хлопками, да так, что в ушах звело.

По окончании состоялись танцы под управлением г.Кириленко.

«Нарвский листок», № 65, вторник 9 октября 1923.

А.В. <Анна Воробьева>

Поэзоконцерты Игоря Северянина

16 и 19 октября состоялось два Поэзоконцерта Игоря Северянина, приехавшего из Эстонии.

С присущей ему одному оригинальной манерой читки автор пропел ряд своих поэм, вошедших в его сборники «Громокипящий кубок», «Виктория Регия» и др.

Давно знакомые широкой публике произведения Северянина, предоставляют собою интересное сочетание подлинного таланта, блестящего яркостью и свежестью, со смелым новаторством в словотворчестве и рифме с безвкусной надуманностью а подчас даже пошловатостью.

По программе было видно, что автор приемлет все, что вылилось из под его пера во всем разнообразии капризов его творчества. Так же, как и раньше, Игоре Северянин имел большой успех, его чтение захватывало аудиторию, но ее малочисленность говорила за то, что жестокая школа последних лет жизни

увела русскую молодежь от увлечения поэзотворчеством, живущим «острым и мгновенным», к другим вопросам и другим ценностями.

«Новая русская жизнь», Гельсингфорс, после 19 октября 1923 года. Вклейка без выходных данных в «Записную книгу И.В.Лотарева. Eesti, Toila, 1920».

17-18-19 октября 1923 года в Гельсингфорсе (Хельсинки) в зале Русского купеческого общества состоялась Поэзочечера Игоря Северянина при участии Ариадны Изумрудной (Фелиссы Лотаревой, «Ariadna» — название парохода на линии Таллинн-Гельсингфорс).

Анна Воробьева (А.В., Северянка, Королева) — близкая знакомая поэта, после революции жила в Кераве (Финляндия). Ей посвящена поэза-миньонет «Это было у моря», и другие..

Игорь Северянин

На днях в Варшаву приехал Игорь Северянин. Первое свое выступление он делает, перед варшавской публикой, в среду.

Наш известный поэт родился 4 мая 1887 г. в Петербурге.

Дебютировал он еще совсем юношей, 1 февр. 1905 г., поместив свое стихотворение в журнале «Досуг и Дело».

С 1913 г. он начал разъезжать по всей России привлекая к себе всеобщее внимание своими необычными, по тогдашним временам, стихами, а также необычной, певучей формой их чтения.

Первым, из поэтов старшего поколения, приветствовал его Фофанов, затем Сологуб и, наконец, Брюсов. Последний, в 1911 году, поместил в журнале «Русская Мысль» (ред. П.Б.Струве) сочувственную статью о брошюре Северянина «Электрические стихи».

Надо заметить, что до 1913 года, Северянин выпустил 35 брошюр со своими стихами. Каждая издавалась в количестве 100 экз., и в продажу, насколько помнится, не поступала.

Широкая публика познакомилась с поэтом впервые в 1913 г., когда вышел сборник его стихов под заглавием «Громокипящий кубок».

С 1819 года поэт поселился со своей семьей в Эстонии, на берегу Финского залива, где и живет поныне.

За эти изгнания поэт выпустил 9 книг.

Три романа в стихах: «Падучая стремнина», «Роса оранжевого часа», «Колокола собора чувств»

Сборники стихов: «Вервэна», «Менестрель», «Соловей», «Фея Eiole», «Pühajõgi».

Кроме того им написаны, но еще не напечатаны: 1) «Литавры солнца», 2) «Взор неизмеримый».

В Варшаву поэт прибыл из Берлина, откуда заезжал в Цоппоты, где пользовался большим успехом. После турнэ по Польше поэт намеревается ехать в Румынию, затем в Париж, а оттуда обратно, в Эстонию.

Ниже мы помещаем два неизданных стихотворения Игоря Северянина: «Купанье звезд» и «Триолет», а также, в виде примера, старое его стихотворение «Это было у моря», столь характерное для Игоря Северянина «первой манеры».

«За свободу!», 8 сентября 1924.

Северянин в Варшаве

Варшавская газета «За Свободу» привела биографию Игоря Северянина и посвятила его выступлению следующую заметку:

«Беспечно путь свершая», Игорь Северянин остается твердо на прежнем месте.

Он, по его же слову, «отвергнутый», — как впрочем, и некий Шекспир, — Толстым Львом Николаевичем и привеченный тремя большими поэтами он по благословению Фофанова, Брюсова и Сологуба «возник» в качестве четвертого поэта — горделивого Игоря. Но с того времени, когда Северянин начал свершать путь признанного поэта, он все же не двинулся ни вперед, ни назад. И лучшим доказательством этого явилось его выступление на поэзо-концерте 10 сентября в Варшаве.

Чуть новым прозвучали стихи «Купанье звезд», а затем пропелись прежние, давно знакомые песни — «Это было у моря», «Марionетка проказ», «Кэзели», «Ананасы в шампанском» и т.д. И это хорошо. По-прежнему у собравшихся молодых слушателей поэта это вызвало восторг. И, как то бывало и ранее, две «олуненные» соловьиными песнями Игоря девушки поднесли красные розы «повсесердно» утверждённому поэту.

Свыше двадцати стихотворений прочел Игорь Северянин и гипнотизировал ими молодую публику, этих девушек и дам по преимуществу. О, этих своих слушательниц он доводит до «опасного» состояния! Но неистово аплодировали и «скамандристы», и радостно румянился в креслах А.Вертинский, слыша рокот первоисточника голубых волн, на которых колыхнется и его «Бразильский крейсер»... Итак, поэзо-концерт прошел с большим

успехом, и с таким же успехом пройдет, наверное, и второй вечер Игоря Северянина.

В беседе с представителем «Руспресса» Игорь Северянин сообщил, что на днях состоятся его концерты в Вильне, Гродне, Белостоке и других городах восточных окраин Польши. Оттуда поэт намерен проехать в Румынию, где также состоятся его концерты.

О себе Игорь Северянин сказал, что он живет в Эстонии, в глуши и, несмотря на кризис книжного рынка, много работает и подготавливает к печати новые книги.

Перепечатка из варшавской газеты «За свободу!» за сентябрь 1924 года, в личном архиве Игоря-Северянина в Литературном музее в Тарту.

Упомянуто выступление поэта в Варшаве 10 сентября 1924 года, на котором присутствовал Александр Вертинский.

«Скамандристы» — члены экспериментальной литературной группы «Skamandr», основателем которой был польский поэт и прозаик Юлиан Тувим.

Ярослав Воинов

Привет Северянину 1905 — 1 февраля — 1925.

Двадцать лет.

Двадцать лет жизни и работы дня каждого с улицы, из деревни и города, из канцелярий, контор и бюро, это — только бухгалтерия прожитого, баланс труда и усталы, удач и крахов, истраченного и накопленного, улыбок жизни и морщин на лице.

Двадцать лет творчества поэта, что хотите.

Это — и века и миг. Это — тысячи рождений, перед которыми непройденные тропы жизни, и тысячи смертей, над которыми вечные мавзолеи.

Это — и целая жизнь, прожитая и конченная в нескольких строфах, даже в одной поэме прекрасно неравная бухгалтерскому целому тех обыкновенных жизней. Это — и первый крик ребенка, отвергающий право на итоги, подводимые арифметикой критической мысли.

Двадцать лет творчества поэта с молодой поступью стиха — повод не к сухому учету его достижений, а к словам приветов его прошлому и будущему, равно живым в его творческом настоящем.

Где бы на склонах поэтического Олимпа ни был творческий «шалаш» мой, привет сегодня — двадцатипятиэтажному годами дворцу творчества Игоря Северянина, его пышности, его расточительному богатству, его чудесам словесной архитектуры и прекрасным капризам его строителя.

Привет всему, что за годы стало руинами, повитыми буйной порослью цветов, и всему, что еще только строится, едва намеченное мыслюзодчим в ступенях архитектурных лесов.

Привет поэту, который как никто умел безумствовать, был соловьем, что «влюбился в Безразумность», дразня жизнь, пока она сама давала *жить* людям, мудро-заботливая и снисходительная, требовательная и щедрая, как мать к своим детям.

Привет поэту, который умеет быть мудрым и вещим, не соловьем только, а пророком, теперь, когда жизнь стала жестокой мачехой, бьет больно, унижает зло и костлявыми лапами отняла все, данное когда-то ласковой рукой.

Привет открытому сердцу поэта, такого искреннего и причудного в своих откровенностях, что он, поистине, должен быть назван поэтом незапертых дверей, первым для всех и во всем открытым в близости душевной.

Привет тому, кто, празднуя сегодня двадцатую весну своей музы и оборачиваясь к многозвучному и тысячекрасочному прошлому, может торжествовать свое новое рождение в новые звуки и новые краски; тому, кто, не задумываясь, бросал стихами каждую минуту своего смеющегося вчера, а теперь устремил «*Взор неизмеримый*» в страдание Родины, в солнечное грядущее России.

Привет не простой ломке в творчестве Игоря Северянина, а новому вину в старых мехах его великолепного мастерства, его второй и лучшей молодости, что мудрою углубленностью дарит давно торжествующую форму блистательного северянинского стиха.

Привет — новым небесным громам и новому солнечному кипению в «*Громокиящем кубке*».

Привет — новому расцвету сказочной «*Victoria Regia*», новой творческой «встрече в цветущем».

Привет — заре общерусской и общечеловеческой *ответности* на «*Тост безответный*» когда-то, пока в человечьем безлюдье только пел «*Соловей*», и поэт не пожелал еще «*Настройки лиры*» пророка.

Привет — «*Менестрелю*», «старика, вечно юному, как апрель», «слепцу, вечно зрячему», «всегда бездомному нищему», который жив заветом:
— Правду иносказно освирель!

Привет — обещанным «*Литаврам солнца*» и «*Колоколам собора чувств*». Они, верю, будут победно-торжественными, разбудят всех, как не всегда будила изощренная музыка, которой дышала «*Вервена*», и о которой пели «*Ручьи в лилиях*», невнятные прохожим литературы.

Верю потому, что взор Игоря Северянина теперь вместе со всей Россией обращен к «*Родине Солнца — Востоку*», и отныне поэт «*Миррэлии*»:
... вдохновенно и религиозно,

Пламенно веря и мысль серьезно,
В недрах своих непреложностью грозный
Станет выращивать новый цветок!

Привет — новой непокорности мраку жизни, новой влюбленности в солнце, живительно-властное не только над цветами, в которых люди не ви-

дят души, но и над людскими душами, в которых поэт прозревает цветы, веря в «голубые очи» и «огневые речи» России.

Привет — новому рождению в мудрость сердца нового Игоря Северянина, теперь в просветленном скитании ближе всего подошедшего к правде задорного, юношеского:

— Я повсесердно утвержден!

«Последние известия», Ревель, № 26, 1 февраля 1925.

Воинов Ярослав Владимирович (1887-?), в 1919-1928 годах жил в Эстонии; в начале 1920 года член ликвидационной комиссии Северо-западной армии; регулярно сотрудничал в газете «Последние известия» (Ревель) и других изданиях. Автор сборника «Саркофаг одной весны. Стихи» (Ревель, «Кольцо», 1920)

Яровой (Ярослав Воинов)

На новый путь.

К 20-летию творчества Игоря Северянина.

...В ту пору

Мои стихи рождались под влиянием
Классических поэтов. Декаданс
Был органически моей натуре,
Здоровой и простой по существу,
Далек и чужд. На графе Алексее
Толстом и Лермонтове вырос я.

Вырвите эти строки из «Падучей стремнины», автобиографического романа в стихах, и покажите их «одному из публики», никто не скажет, что это — признание Игоря Северянина.

Публика не поверит такому признанию поэта «грандиозов», «блестковой тьмы», «осенокосенного поля», «электрасонанса», «фондо оранжевого заката», «диссо-рондо», «эскизетки», «эго-рондоль», «промельков», «грациозь», «берсеца томления», «фонделя», «цветов и ядоцветов», «миррет»...

Только из одной северянинской книги «Ананасы в шампанском» взяты эти заголовки отдельных стихотворений, им впервые названных «поэзмами». В десятке других книг — их новое множество, и каждая вычурь заголовка ведет за собой десятки слов-протестов против «классицизма» в поэзии: вь любой строфе, в любой строке.

— Какой уж тут «классицизм»! Где уж тут «простота»!

Человек из публики удивлен, чуть ли не возмущен и, конечно, не сознает, что он сам — один из участников северянинского поворота от Лермонтова и Алексея Толстого к «далекому и чуждому» Игорю Северянину декадансу.

А это так.

Завоевание формы или преступление перед классическими канонами стихотворчества, как ни оценивай направление поэта «Миррэлии» и «Вервэны» в первый период его расцвета, оно в огромной мере подсказано именно *публикой*.

Публика давно пришла на смену читателю и требовала аплодисментов для своих рук и пощечин для своих щек.

То и другое дал публике молодой и дерзкий эго-футурист Игорь Северянин, двадцать лет назад сказавший «я буду» и бросивший:

— Я трагедию жизни претворю в грёзо-фарс!

Юный поэт не мог не броситься в омут жизни, не мог отказаться от приглашения войти в «гостиные», где, «лица свои оглупив», наструнились «олухи» из публики, чтобы...

Скуку взорвал неожиданно нео-поэзный мотив.

Каждая строчка — пощечина. Голос мой — сплошь издавательство.

Рифмы слагаются в кукиши. Кажет язык ассонанс.

Я презираю вас пламенно, тусклые Ваши Сиятельства,

И, презирая, рассчитываю на мировой резонанс!

И этот «расчет на мировой резонанс» был по существу верен, потому что мир вокруг поэта на самом деле жил темпами, продиктованными ему публикой:

Стрекот аэропланов! беги автомобилей!

Ветропросвист экспрессов! крылолёт буэров!

Кто-то здесь зацелован! там кого-то побили!

Ананасы в шампанском — это пульс вечеров!

При этом пульсе жизни «классицизм», — конечно, неуместность. Публика (сознайтесь) не приняла бы нового «Лермонтова» или «Алексея Толстого», и прежних-то любя и цenia только на словах.

Король, конечно!

Не случайным было «пожалование такого титула именно Игорю Северянину в дни последнего догорания прежней России, в первые месяцы революции.

Никто другой не умел так королевски-щедро унижить толпу, так королевски-небрежно принимать ее поклоненья.

Северянин был вправе писать себе такое «*exegi monumentum*», какому до него не писали другие поэты:

«Я — гений, Игорь Северянин!»

На меньшем не мирилась требовательная муза и не менее требовательная публика. На низвергнувшем троны Западе она научилась высоко громоздить новые троны блестящей эффектности, серьезно короновать своих красавиц-королев, одевать их порфирами восхищения улицы. У нас она короновала поэта.

И в таком короновании правдив был Северянин, кумир и хлесткий бич воздвигшей для него трон-эшафот публики, как правдив он в поэзе «Самопровозглашения», когда через год после «избрания королем поэтов» пишет:

Да и страна ль меня избрала
Великой волею своей
От Ямбурга и до Урала?
Нет, только кучка москвичей.

Страшные годы русской революции покончили в России с «публикой». Покончил с ней и Игорь Северянин, запевший о прекрасности старых размеров для его «простой души»:

Вы были при Державине,
Вы были при Некрасове,
Вы были при Никитине,
Вы были при Толстом!
О вы — подобны лавине!
И как вас ни выбрасывай,
Что новое ни вытяти —
Вы проситесь в мой том.

Приветствую вас, верные,
Испытанно-надежные,
Округло-музыкальные,
Любимые мои!
О вы — друзья примерные,
Вы милые, вы нежные,
Веселые, печальные,
Размеры-соловьи!

Северянин стал в публике, Северянин стал с публикой. Против нее и для нее, высмеивающей и смеющийся над насмешками, вознесенный восторгами, раскупаемый в десятках изданий, переложенный на музыку и постоянно напевный в тысяче чьих-либо уст.

Каждой пощечине — резонансом рукоплескания поклонников.

На каждое возмущенное пожатие плеч — резонансом улыбки восторженных признаний и восхищений.

Понимали, не понимали — все равно поэту, потому что *принимали*:

О, люди, дети мелких смут,
Ваш бог — действительность угрюмая.
Пусть сна поэта не поймут,—
Его почувствуют, не думая...

Таков был недавний мир, публикой заполненный, и «здоровая и простая по существу» натура молодого поэта слилась с ним.

Восприняты и фейерверочно отражены все изощренности окружающей жизни, ее «содроганья и эксцессы», ее «сладкогрешность», «квинт-эссенца специй»...

Эта явь былого — поле, на котором растил Игорь Северянин свои цветы, умножая их роскошь феериями слов, подсказанных той же музыкой-жизнью, что в стремительном беге гнала рессорные лимузины...

«Из Москвы — в Нагасаки, из Нью-Йорка — на Марс!»

Игорь Северянин нарумянил свою музу, надушил вервэной, сделал «десертной», экстравагантной, порой гривуазно-кокетливой, лишь бы она не стала «мещанкой» — художники, она обездарит ваш дар! — или «девой апатичной с улыбкой безлучно-стальной»:

Они не прощают ошибок,
Они презирают порыв,
Считают его неприличьем.

Кто откажет поэту «Громокипящего кубка» в том, что он — «король поэтов» недолгой эпохи, когда Россия особенно ярко жила той электрической цивилизацией Запада, которую сам Северянин в недавних стихах признал «дугтой».

Одни ли размеры близких к нетронутой юности «классических» поэтов вернулись к обновленному в обновлении России Игорю Северянину?

Разве прежнему поэту-гурману принадлежит «Поэза сострадания»:

Жалейте каждого больного
Всем сердцем, всей своей душой,
И не считайте за чужого,
Какой бы ни был он чужой.

Пусть к вам потянется калека,
Как к доброй матери — дитя;
Пусть в человеке человека
Увидит, сердцем к вам летя.

И, обнадежив безнадежность,
Всё возлюбя и всё простив,
Такую проявите нежность,
Чтоб умирающий стал жив!

И будет радостна вам снова
Вся эта грустная земля...
Жалейте каждого больного,
Ему сочувственно внемля.

Разве не лермонтовский пророк вещает устами нового Северянина:

Пусть варваром Запад зовет
Ему *непосильный* Восток!
Пусть смотрит с презреньем в лорнет
На русскую душу: глубок
Страданьем очищенный взлет,
Какого у Запада нет.
Вселенную, знайте, спасет
Наш *варварский* русский Восток!

Переставший быть «одним из публики» читатель, когда-то рукоплескавший Северянину или получавший от него пощечины, теперь найдет в книгах этого, Божиею милостию, поэта не мало таких по-новому благостных строк. Преимущественно их найдет.

Все мы рождаемся в новую жизнь.

В нее же, до глубины русскую, напоенную зорями будущих русских солнц, родился в изгнаничестве прекрасный русский поэт,

И лишь поэт, безвозрастный ребенок,
Юродивый, блаженный и пророк,
Чья мысль свята, чей слух прозрачно-тонок,
Кто знает путь в заоблачный чертог.

Игорем Северяниным до конца разделено страдание России, он чутко слышит ее новую душу в самом себе. Он — вместе с глубинами русского будущего, и его напевы опережают «Колокола соборного чувства» многомиллионной русской души, голубой и крылатой.

Чеканный в мастерстве, отточенном в стихотворном гурманстве минувшего двадцатилетия, он омыл свою музу от румян, совлек с нее дразнящие одежды и идет путем «ороссиенным», путем торжествующей душевности,

А раз душа небесна, то и дар
Не может быть иным. В святой пожар
Иду калить побед своих булаты!

Калить — ковать.

Многое в блестящем прошлом Игоря Северянина просится в перековку, многое вновь и по-новому сказанное еще только ожидает настоящей спайки мысли и формы, но в начале второго двадцатилетия творчества особенно ценно избрание поэтом нового пути.

Вне королевского плена у публики, созвучно и даже предзвучно будущей всепрощающей России идет теперь Игорь Северянин на зовы своей, слезами русского страдания омытой, облекшейся в белые одежды музы.

Ревель

«Последние известия», № 83, 12 апреля 1920.

В. Ирецкий

Игорь Северянин
(1905 — 1925)

Среди огромного множества: поэтов стремглаво промелькнувших за последние двадцать лет, Игорь-Северянин выгодно отличается от многих: у него свой собственный поэтический лик и свой почерк. За это время на поэтической улице много было шума и не раз совершались сдвиги даже у более прочных авторов, а Игорь-Северянин уверенно шагал по избранной им тропинке, целиком отдавшись во власть своего музыкально-лирического дара, не замечая того, что творится вокруг.

А творилось немало. Бурлили Бурлюки, по-африкански сверкали глазами кубо-футуристы, благим матом вопили Хлебниковы и Крученыхи — Дыр-бул-щыл! В моде была стихийная звериность или звериная стихийность (сейчас уж не припомнить!), по крайней мере, поэты изо всех сил выбивались, как бы рывкнуть по-гиппопотамски, а любимейшим из любимых был Джек Лондон, помесь Майн-Рида и Вампуки, живописец мордобоя и свернутых скул. Вон там в запыленной вазе лежат их запыленные пожелтевшие визитные карточки: «Ослиный Хвост», «Поросята», «Дохлая луна», «Бух лесиный», «Взорваль», «Пошечина общественному вкусу».

И среди этой неистовой пещерной шаманской какофонии невозмутимо звучала жеманная бонбоньерочная флейта:

Я в комфортабельной карете на эллипсических рессорах
Люблю заахать в златолоднен на чашку чаю в женоклуб.

Перебираешь в памяти эти полувыцветшие воспоминания — и диву даешься: как это так случилось, что этот заблудившийся в столетиях романтик, которому уместнее было бы жить в эпоху женоподобных миньонов короля Генриха III, обсыпанных: фиолетовой пудрой, в кружевах и брыжжах, — пришелся ко двору во времена «Дыр-бул-щыл'а»:

Впрочем, есть решающее объяснение: в нем неистребимо сидел задор подлинного дарования, опрокидывающего попутные преграды.

Мы сначала очень недвуслышенно улыбались, выслушивая его поэмы, диссоны, берсезы с «шал»; «грезёрками», «виконтессами» и «пуантами», а затем незаметно для самих себя стали прислушиваться к его виртуозности, умевшей передать ритм качелей, эластических шин и танцев:

И пела луна, танцевавшая в море.

Мы «жемчужно» хохотали, когда познакомились с его галантерейными комплиментами — «Властелинша планеты голубых антилоп» — и когда нам стало известно, что у него имеется:

... дворец пятнадцатипятиэтажный
И принцесса в каждом этаже.

Нам казалось весьма нехозяйственно вливать «шампанское в лилию» и делать мороженое из сирени.

Но...

Дело в том, что один из подлиннейших признаков искусства это его заразительность и что степень заразительности есть единый критерий искусства. «Чем сильнее заражение, тем лучше искусство, не говоря об его содержании» — указывал Толстой.

И надо признаться, что улыбки, которые мы снисходительно дарили поэту в Бродячей ли Собаке или за чтением «Громокипящего кубка», довольно быстро сменились улыбкой желательности. Почему? Не потому ли, что мы почувствовали в поэте искренность, нас заразившую? В конце концов решительно всё имеет право излиться в искусстве. Надо только, чтобы это было совершенно и заключало в себе неподдельный пафос. Перед лицом Аполлона романсы Вяльцевой и жертво-песни Рабиндранат Тагора одинаково ценны. В известной легенде Анатоля Франса Божья Матерь не отвергла лепты жонглёра, почтившего Ее эквилибристическими фокусами: это было сделано им от всей души и с подлинным пафосом.

Мир Игоря-Северянина — мир воображенный, не существующий. Оскар Уайльд, скорбевший об упадке украшающих самообманов, об упадке лжи, был бы вполне удовлетворяя его даром преувеличения и никогда не сказал бы что он охотится за очевидными банальностями. Напротив. В Игоре-Северянине он, пожалуй, нашел бы подтверждение своих мыслей и положений, в частности подтверждение того, что Жизнь подражает Искусству гораздо больше, чем Искусство — Жизни. И тут же он еще более уверенно повторил бы свой афоризм о Природе, главное назначение которой в том, чтобы иллюстрировать цитаты из поэтов.

У Игоря-Северянина на этот счет действительно всё наоборот. В поля, в леса, на озера, куда он любит убежать от гнилой, «как рокфор», культуры он приносит с собой не только файв-о-клоки, лимузины и кокеток-кокотесс, но и салонные слова и комфортабельные представления. Когда он думает о ягуаре, ему рисуется дорогой ягуаровый плэд. Деревья кажутся ему маркизами. На берегу моря ему не хватает клавишин. Полосы спелой ржи представляются ему золотыми галунами. Он весь городской этот паркетный «резёр», всегда находящийся в гостях у г. Несуществующего и во власти давно отзвучавших, а может быть и никогда не звучавших слов.

Это особенно чувствуется сейчас. Повторите про себя рассказ о ви-контессе, уехавшей из оперы прямо на северный полюс:

Я остановила у эскимосской юрты
Пегого оленя — он поглядел умно,
А я достала фрукты
И стала пить вино.
И в тундре, вы понимаете, стало южно...
В щелчках мороза — дробь кастаньет.
И захохотала я жемчужно,
Наведя на эскимоса свой лорнет.

Старые засушенные цветы, которыми отдают эти строки, в наше время стали еще старше. А через десять-двадцать лет кто-нибудь, читая эти стихи, с течением времени теряющие неправдоподобие, чего доброго соблазнится мыслью восстанавливать по ним былую русскую жизнь, подобно тому, как по фигурам, изваянным на греческом фризе, мы наивно воссоздаем «подлинных» женщин древней Греции. Такова сила искусства. Мы смотрим назад через его призму, и вымысел всегда сильнее правды.

* * *

А все-таки, когда перелистываешь сейчас книги Игоря-Северянина, действительно восстанавливаешь кое-что из подлинной жизни. Помните словесные неистовства Северянина? Боги, как все были ошарашены новшествами поэта — околориться, осупружиться, златополдень, экстазить, орозить, обьэкринить, миражить, офиаить, отсверкать! У обыкновенных читателей от этих слов глаза лезли на лоб и волосы становились дыбом. Критики же были оскорблены в своих лучших филологических чувствах и объявили Северянина безнадежным еретиком. Однако, — не очень уж так нескоро, при ближайшем рассмотрении Даля обнаружилось, что глаголов на «о» тьма тьмушая и что они настолько хорошо забыты, что их вправду можно принять за сочиненные автором «Громокипящего Кубка». У Даля были найдены: овельможить, озвездить, обоярить, огурбить и даже отсверкать. Помните, что еще Жуковский говорил «ожемчужить», «обезмышить», а Пушкин, признаваясь в своем увлечении Н.Н.Гончаровой, употребил выражение — «я огончарован».

Сейчас словечки Игоря-Северянина перестали ошарашивать. Некоторые из них забылись, некоторые остались (напр., выразительное слово «бездарь»), а самый принцип стал будничным. «Женоклуб» Игоря-Северянина родной брат советского «женотдела», а народное словотворчество пошло еще дальше, введя упрощенным северянинским приемом слова «буржуйка», «керенка», «шкурник», «мешечник», «Танцулька» и пр. Чтобы утешить поэта, гордившегося своим собственным словообразованием, следует сказать, что создание новых слов никогда не было задачей поэзии.

Образное сравнение ученейшего из современных критиков А.Г.Горнфельда лучше всего уяснит эту мысль, Поэзия, говорит он, влияет на язык не иначе, как хороший садовод на культуру растения: дикое яблоко он может довести до великолепного кальвиля, но создать дикое яблоко ему не под силу. Да и действительно: меньше всего может сделать поэзия для внедрения нового слова в обиход — гораздо меньше, чем техника, наука и даже началь-

ство, потому что словотворчество поэзии лишено той принудительности, какую имеют слова науки, техники и официального документа.

Но так или иначе воздействие Игоря Северянина в этой области было несомненным. Влияние литературного слова сказывается совершенно независимо от того, осталось это слово или не осталось. Слово выразило новое ощущение или новую мысль, и бесследно это никогда не проходит. Не пройдет бесследным и все то, что написал Северянин, певучий затейник и «резёр».

«Время», Берлин, 2 февраля 1925.

Ирецкий, Виктор Яковлевич (Гликман; 1882–1936) — русский писатель, критик, журналист; в эмиграции с 1922 года; автор научно-фантастического романа «Наследники» (1928); умер в Берлине.

Георгий Адамович

Литературные беседы

В Эстонии вышли две книжки Игоря Северянина. Помечены они 1925 годом. Названия их довольно причудливы: «Роса оранжевого часа» и «Колокола собора чувств».

Но только названия в них и причудливы. Содержание обыденно до крайности. Это две поэмы: одна, «поэма детства» — рассказ о первых годах жизни автора; вторая — повествование об его литературных и декламаторских успехах. Все это изложено четырехстопным ямбом, небрежным и неуклюжим. Язык плоский и бессильный. Так сочиняют «романы в стихах» великовозрастные институтки. Так в былое время, в министерстве, какой-нибудь чиновник писал сатиру на сослуживцев и начальство, ходившую по рукам и возбуждавшую восторги. К литературе и к искусству это имеет отношение только прилизительное.

Кое-где сказывается все-таки дарование Северянина, в особенности, — как это ни странно, — в его упоминаниях о России, очень простых, тоскливых и, кажется, искренних. Нет-нет, да и послышится тот соловьиный голос, к которому лет пятнадцать назад прислушивались, насторожась, и Сологуб, и Брюсов, и Гумилев. Но Северянин сорвал свой голос, а кроме голоса у него ничего никогда и не было. Писатель он никакой, и там где он пускается в «беллетристические картины», он напоминает Брешко-Брешковского, в лучшем случае. Совсем слабо.

Поклонников Северянина обе поэмы вероятно разочаруют. Ни экссессов, ни дюшессов, ни королей, и принцесс не осталось и следа. Все серо и бедно в его новых поэмах. Некоторые строчки, впрочем, еще способны возбудить былые восторги. Например:

Твои каштановые кудри,
Твои уста, твой гибкий торс

Напоминают мне о Лувре
Дней короля Луи Каторз.

Эта строфа не совсем благополучна по части истории. Но поклонников Северянина такие пустяки не смутят.

«Звено», Париж, № 112, 23 марта 1925 года.

Б.К.

Игорь Северянин

Роса оранжевого часа — Колокола собора чувств.

77 стр. 61. стр. Издательство Вадим Бергман. Юрьев (Эстония). 1925.

Из этих двух книжечек одна представляет собою «поэму детства», другая — «автобиографический роман»; обе они, как сообщает издательство, воспроизводит «последние рукописи, вышедшие ко дню 20-летия литературной деятельности поэта». Да, уж двадцать лет потчует Северянин своими «поэмами»; и надо сказать, что хотя он по-прежнему держится о себе очень высокого мнения («мне Пушкин дал свою корону, я — тоже царь, но царь стихов»), его словесные яства все-таки успели уже за это долгое время значительно приесться.

Как и раньше, он на каждом шагу легко и неожиданно создает неологизмы; но эта манера производить новости сама уже стала стара. Игорь Северянин не двинулся дальше. Как и в прежних своих произведениях, он удачно слишком часто перемежает неудачным; он со словом выделяет фокусы, он выкидывает литературные коленца, играет в затейливые рифмы и сплошь да рядом доигрывается до поразительного безвкусия.

Он хорошо изобразит северную реку, реку в ледоход, он скажет иное метко, звучно, своеобразно, он умеет быть остроумным; но все его бесспорные технические достижения ослабляет его тяжкий недуг, порок его поэтического сердца, — именно, его удручающая пошлость. Весьма неинтересен его внутренний мир, беден рисунок его элементарной души, несодержательно и скудно его миропонимание.

В искусственную и часто искусную форму облекает Игорь Северянин нестерпимую банальность; и, судя по его последним книжкам, она у него неизлечима. Он поверхностен и развязен, и тон куплетиста, которым он говорить, еще более усиливает то впечатление, что перед нами в его лице нет личности. Вот почему, рассказывая свою биографию, он вынимает из нее всякую серьезность — даже там, где жизнь, уже просто как любая жизнь, была окрашена в цвета серьезные. Его автобиография сама по себе, впрочем, занятна — особенно в тех ее строфах, которые посвящены литературе и литераторам, и его карьере, как стихотворца.

Вообще, претенциозные «колокола» и «росы» его можно воспринимать без скуки; но если бы их не было, то не было бы и беды никакой. Игорь Северянин внутренне ненужен; у него нет места в поэзии; он по ней и по жизни скользит, это забавно ему, на это иногда забавно посмотреть и другим, — но конечное ощущение пустоты идет от Игоря Северянина неизбежно.

«Руль», Берлин, апрель 1925 года.

Игорь Северянин — в Праге

В Прагу на непродолжительное время приехал Игорь Северянин. В беседе с корреспондентом «Цепса» он сообщил о себе следующее:

— С января 1918 года я живу в Эстонии на отвесных берегах Финского залива, в приморской деревушке Тойла. Изредка выезжаю в Финляндию, Литву, Польшу, Латвию и Германию, где даю вечера своих стихов — «поэзо-вечера».

За эти годы я выпустил 11 книг стихов, из них — три романа в стихах «Падучая стремнина», «Роса оранжевого часа» и «Люнь».

В деревне получаю восемь периодических изданий, сотрудничая в них. За неимением новых книг перечитываю классиков и все, что попадает под руку. О новой русской литературе знаю мало, но то немного, что знаю, мало удовлетворяет меня. Политикой ее занимаюсь вовсе. Верю в Россию, как верю в жизнь. Об этом говорите мой цикл «Чаемый Праздник», написанный в марте 1925 года.

Я весь ушел в природу. Целыми днями ужу рыбу, зимою бегаю на лыжах, совершаю большие экскурсии по Эстонии. В город, как таковой, не верю вовсе. Посещаю города по необходимости, а не по влечению. О человечестве современном мнения такого, какого оно заслуживает. Но будет День — будет Человек. Иначе я жить нельзя.

Из Праги Игорь Северянин уезжает в Берлин, а оттуда, быть может, — в Париж.

«Последние известия», май 1925 года. Предваряет выступление поэта на вечере «Чешско-русской едноты».

Г.Корнев

Еще раз о тоске Игоря Северянина

Самое любимое занятие белогвардейцев — это мечтать о старой России, о том, что она когда-нибудь воскреснет.

Мы уже цитировали раз стихи Игоря Северянина, который с таким глубоким упоением вспоминает былые прогулки на тройке по берегу Москвы-реки, о блестящих московских особняках и о многих других хороших вещах, которые когда-то были и которых больше не будет. Однако салонный поэт не унимается и продолжает вводить в расходы редактора «Последних новостей» Миллокова, который явно сочувствует Северянину.

Да будет нам разрешено еще раз процитировать его стихотворение:

- Что такое — Россия, мамочка?
- Это... впавшая в сон княжна...
- Мы разбудим ее, любимая?
- Нет, не надо — она больна...

- Надо ехать за ней ухаживать...
- С нею няня ее была...
- Съели волки старушку бедную
- А Россия что ж?
- Умерла...
- Как мне больно, моя голубушка...
- Сердце плачет, и в сердце страх...
- О, дитя, ведь она бессмертная,
- И воскреснет она на днях.

Последнюю строчку мы предлагаем писать следующим образом:

- И воскреснет она на «Днях»,

(в газете, в которой, как известно, печатается Керенский).

Вырезка из неустановленного советского источника, помеченная апрелем 1925 года в архиве Игоря Поступальского (ныне в архиве автора). Цитируется стихотворение 1925 года «Спящая красавица», позже включенное в сборник «Классические розы», Белград, 1931.

Виктор Ховин

Силуэты современных писателей.

Игорь Северянин.

(Немного воспоминаний, немного характеристики).

Этому уже — 12-13 лет. В течение двух лет был я тогда постоянным спутником Игоря Северянина. В Петербурге, в Москве, в провинции читал я лекции на его поэзоконцертах, так что это дало даже повод какому-то столичному фельетонисту назвать нас Мюр и Мюрелизом, Блигкен и Робисоном, Штоль и Шмидгом.

Эти годы наших совместных выступлений были годами, когда Северянин завоевывал себе свою поэтическую корону. Пресса нас чаще поносила, часть публики в зале обычно смеялась, но зато другая часть... Другая часть «с ума сходила» от Северянина; в особенности женщины.

В этом успехе было нечто от успеха опереточного тенора или героя кинематографических лент. Естественно нравилось худшее в Северянине: лимузинная эротика, дешевая, но ярко пахнущая пудра, плохие белила, шантаный мотив. И, как всегда это бывает у наивной публики, у «романтически» настроенных барышень, все что вычитали они у него, все это почти буквально переносилось на самого поэта. Героем всех стихов был он сам, «шатенный трубадур». Им так хотелось убедиться в том, что у поэта действительно есть «дворец двенадцатизэтажный», и что «в каждом этаже принцесса там живет».

В своем увлечении они хотели верить и даже верили, что это — поэтическая скромность только, а на самом деле поэт — обладатель, американского небоскреба, населенного и поэтически нежными девами, и распутными гетерами, — всеми этими Зизи и Мадлэнами Северянинской поэзии.

Женские когорты осаждали артистическую комнату и мне непременно досаждали вопросами о том, кто такая — Мадлэна, и действительно ли существует Зизи, и правда ли, что поэт глотает девьи души, как устрицы, и какого цвета лимузин у него? Трудно было убедить этих энтузиасток в том, что у Северянина никогда и не было лимузина, равно как двенадцатизэтажного дворца, и что ходим мы часто с ним по Петербургу в тщетных поисках рубля, чтобы оставить его в каком-нибудь ресторане у стойки.

Не верили, не хотели верить.

Должен сознаться, что часть публики была безусловно разочарована в нас. Там, где Северянина не знали еще, но где шумные и крикливые афиши возвещали о приезде «петербургских эго-футуристов», там провинциальная публика, насылавшаяся о футуризме из газет, шла смотреть на эксцентриков этой эксцентрической школы в надежде увидеть людей в необычайных костюмах раскрашенных и фиглярствующих на эстраде. Тем более, что в это же время московские кубо-футуристы «эпатировали» и пугали российского обывателя, выступая с разрисованными лицами, а Маяковский в знаменитой и экстравагантной желтой кофте своей. В Одессе эти веселящиеся новаторы раскрасили заодно и кассиршу, продававшую билеты на их вечер, а в прическу ее понатыкали перьев. Говорят, что жизнерадостных одесситов это развлекло настолько, что пришлось вызывать усиленные наряды полиции.

В эти годы делался российский футуризм: в Москве — Маяковский, Бурлюк, Крученых делали и сделали хорошо или плохо это — дело другого рода, «кубо-футуризм» в Петербурге — мы делали, но не сделали никакого «эго-футуризма».

Думаю я, что вообще литературные школы — фикции, обитающие преимущественно в умах г-д профессоров истории литературы. В первые годы своего существования литературные школы возникают и живут только постольку, поскольку объединяют они литературную молодежь в оппозиции к господствующим в это время литературным вкусам и кумирам. «Новаторы» объединяются, чтоб завоевать себе право «идти своими путями».

Игорь-Северянин.
Рисунок Голубева-Багрянородного, 1925.

Голубев-Багрянородный, Леонид Николаевич (1890-1934) — живописец, график, поэт; в 1914 году выступал с пропагандой футуризма; автор нескольких сборников стихов; участник гражданской войны (Добровольческая армия); в эмиграции с 1920 года.

Но на этом и обрывается жизнь школы и начинается жизнь имен, самостоятельное развитие индивидуального творчества, не вмещающееся в рамки литературной школы.

В этом смысле кубо-футурпзм действительно существовал, ибо создал ряд имен во всех областях искусства, в то время, как эго-футуризма никакого и не было, ибо был только один Игорь Северянин.

Исключительно талантливый поэт по силе лирического дарования, быть может, самый выдающийся в рядах этого поколения, он в равной мере — исключительно: безвкусен.

Наряду со смехотворными или чаще отрывками стихотворений, поразительными по лирической чистоте и подъему, он захлебывается гомерически плоскими, вульгарно безвкусными стихами.

Мне иногда приходилось быть соглядатаем его творчества, и я всегда не мог отделаться от глубокого и какого-то тогда оскорбительного изумления, как поэт, написавший только что такие подлинно лирические, такие образно содержательные строки, как, напр., «О, Бельгия, синяя птица с глазами, принцессы Малэн», непосредственно за этим может распевать пошлую шансонетку, вроде: «Воткните штопор в упругость пробки и взгляды женщин не будут робки». Или как поэт, штампуемый «грезерно-офиалченные» пошлости может создать такое солнечное, полное воздуха и света стихотворение, как «Весенний день горяч и золот»?

Лишенный чувства такта и меры, лишенный критического вкуса по отношению к самому себе, как и вообще всякого вкуса, он, конечно, менее всего мог претендовать на возглавление литературной школы, на то ярое новаторство, с которым связано было возникновение русского футуризма. Меньше всего он был связан с его террористически-революционной программой по отношению не только, к старой литературе и эстетике, но и, вообще гораздо шире, по отношению ко всем старым мирозерцаниям. Футуризм нес с собою не только новое искусство, но он буйно и, правда, безрезультатно объявлял о конце одного мира и рождении нового.

В то время, как кубо-футуристы лихо сбрасывали с «парохода современности» Пушкина и Лермонтова, в то время, как они решительно отрицали всякую связь свою с прошлым русского искусства, Северянин в своем революционном пафосе тоже свергающий все кумиры, дерзновенно объявляющий, что «для нас Державиным стал Пушкин», на своем «новаторском» знамени пишет вдруг два имени. Я говорю о Фофанове и Лохвицкой, к которым всегда обращается, поэтическое вдохновение Северянина, об этих двух, пусть талантливых, но лишенных всякого своеобразия и безликих поэтах.

Я, тогда по-юношески увлеченный Северянином, совсем молодой, начинающий литератор, терялся в бесплодных попытках обосновать теоретическую программу «эго-футуризма», исходя из творчества и литературных «манифестов» своего литературного вождя.

Скоро почувствовал я окончательную бесплодность этих попыток и навсегда расстался с Северяниным. На этом кончается и жизнь неудачливой литературной школы, эго-футуризма, ибо Северянин тоже понял к этому времени ненужность для него этого эго-футуризма.

Он становился «любимцем публики», имел свою аудитора и был коронован ею. Его перестали интересовать и литературные революции, и новаторство, ибо тогда уж он полностью завершил весь круг своей поэзии.

— Он создал «северянизм» и с тех пор неуклонно идет по пути этого жанра поэзии, сгребая в бесконечных перепевах пошлости и банальщины свое большое поэтическое дарование, свою подлинно певчую душу.

«Наш огонек», № 15.

Игорь Северянин в Юрьеве

В воскресенье, 23 октября в Русском собрании состоялся вечер стихов «Классические розы» — поэта Игоря Северянина.

Посещение Игорем Северянином Юрьева вызвало здесь живой интерес, и публики на вечере было столько, сколько мог в себя вместить зал Русского собрания. Игорь Северянин выступил с произведениями, по форме сложения приближающимися к старым классическим образцам, о чем говорит само название сборника избранных стихов, написанных за последнее два-три года. В его стихах звучат современные мотивы, навеянные событиями политической и общественной жизни острое и местами едкое осмеяние властного короля «фокстрота» завладевшего умом и сердцем современного человечества, злорадия и мелочность его, положение самого поэта в бушующем море человеческой благоглупости наряду со всем этим горячая его любовь к России и вера в свое высокое призвание быть *русским* поэтом и бороться за светлые идеалы даже при возможности гибели в неравной борьбе.

Глубоким патриотизмом веет от стихотворения И. Северянина «Моя Россия» с ее необъятным простором, восплаемым поэтом; много незабвенных воспоминаний вызывает его «Пасха в Петербурге», и тихой усладой веет от стихов «Царевич Май».

Игорь Северянин захватил всю аудиторию и имел большой успех.

«Вести дня», № 290, 26 октября 1927

Игорь Северянин выступает в Риге

Игорь Северянин вот уже скоро десять лет почти безвыездно живет в глуши, в маленькой, эстонской деревушке. Его голос лишь изредка доносится до читателя, а он сам, пожалуй, не чаще узнает о том, что делается на свете. Эта жизнь вдали от людей, однако, нисколько не тяготит поэта. Он говорить, что нисколько не сожалеет о годах, проведенных в этой добровольной ссылке.

— Вместо шумов большого города — природа, — говорит поэт, — а что может быть лучше для творческой работы? Что может дать большие силы? Что ярче и сильнее вдохновляет поэта? Я веду образ жизни, который покажется пожалуй, несколько своеобразным обывателю большого города, но мы — поэт женат, на молодой эстонке, — не чувствуем никакой горечи изгнания и нисколько не жалею о том, что оказались в деревне, от которой до ближайшей жел.-дорожной станции несколько километров.

Маленькая хатка, в рыбацкой деревушке приспособлена поэтом и его женой для, как они выражаются, относительно комфортабельного существования.

— Правда по вечерам у нас коптит керосиновая лампочка, и мы не можем поздно работать. Но что же из этого? И хотя голос извне доходит до нас очень редко, хотя то, что происходит за пределами нашей «виллы», мы узнаем только из единственной получаемой нами газеты «Сегодня», если мы даже лишь изредка получаем новые книги, то все-таки мы не можем жаловаться на судьбу. Я много работаю, пишу больше, правда, впрок, чем для печати, ибо и печататься-то теперь, собственно говоря, почти нигде.

Поэт рассказывает о своем своеобразном быте:

— Даже в Нарву, не говоря уже о Ревеле, мы выезжаем очень редко. И, если мы читаем мало новой литературы, то зато получили возможность спокойно перечесть большое количество образцовых произведений мировых классиков. Как это ни странно, но в этой деревушке оказалось у эстонских крестьян много русских книг, дореволюционных изданий — приложений к старым русским журналам, главным образом произведения русских и иностранных классиков. И мы с радостью и увлечением набросились на это чтение и буквально пожираем его.

Советская литература доходить до нас очень редко. В прошлом году мои друзья из России прислали несколько стихотворных сборников, и я должен без обиняков заявить, что эта поэзия, на мой взгляд, ниже всякой критики. Но зато новая русская беллетристика — поскольку я знаком с ней по образцам, печатающимся в «Сегодня», насчитывает в рядах своих представителей действительно крупных и талантливых авторов Речь переходит на творчество самого Игоря Северянина.

— Я перечитываю иногда теперь свои старые произведения и не могу не назвать их «заблуждением молодости». Я отказался теперь от тех методов стихосложения, которыми пользовался прежде. Я понял, что «словотворчество» вовсе не всегда уместно и нужно — и многие, пожалуй, этому, не поверят — за последние три года своей творческой работы я насчитал всего каких-нибудь 5-6 новых слов созданных мною.

— Но чем же объяснить такой перелом?

— Природой, — отвечает Игорь Северянин, — здоровым влиянием здоровых природных сил.

Поэт сообщает, что он отказывается теперь от своей прежней манеры читать стихи нараспев и читает их более «нормально». Игорь Северянин терпеть не может политики.

Шарж Сергея Антоновича Цивис Цвинского (1885-1941).
Рига, 1927 год.

— Нередко к нам в дом попадают беженцы из Сов. России, — говорить он, — Но я прошу их беседовать о чем угодно, но только не о политике. Политика — война, а я ничего сильнее не ненавижу, чем войну. И даже собираюсь вывесить у себя на дверях дощечку с надписью:

«В этом доме о политике не говорить».

* * *

По пути в Ригу в Юрьеве Игорь Северянин выступил на вечере своих стихов. Он подчеркивает, что отказался даже от старого названия своих публичных выступлений «поэзовечерами», а называет их просто вечерами стихов.

2-го ноября прошел с большим успехом вечер стихов Игоря Северянина в Двинске, где он гостил у своего, друга.

С 7-го ноября Игорь Северянин будет короткое время выступать в «Тагоне» <театр в Риге, прим. сост.>, где будет читать и старые свои стихи — в старой манере нараспев и новые произведения — по-новому.

«Сегодня вечером», № 250, 5 ноября 1927 года.

Упомянут «Поэзовечер» 2 ноября 1927 года при участии

А.Формакова, организованный Двинским русским академическим обществом в зале Двинского городского клуба.

Первое выступление Игоря Северянина и Е.Кузнецовой в «Тагоне»

Театр «Тагон» вчера оживился. Выступление Игоря Северянина с эстрады с чтением своих стихов — и старых и новых — привлекло в театр много новой публики, среди которой можно было заметить немало видных лиц из литературного и художественного мира. На долю поэта выпал огромный успех — до сих пор видно не перевелись неистовые поклонники и, главным образом, поклонницы его, без конца аплодировавшие, стучавшие и требовавшие повторения. Поэту поднесли белые хризантемы.

Читал свои стихотворения Игорь Северянин в своеобразной напевной манере, придающей какую то особенную, оригинально чеканную выразительность этим поэтическим миниатюрам, в которых так много нежного чувства, в которых льется через край любовь к природе и человеку. Печатью подлинного вдохновения отмечено творчество Игоря Северянина. В двух-трех строфах, одним двумя сильными образами дарована ему способность пленять человеческое сердце. Трудно отметить лучшее из прочитанных им стихотворений — мне кажется, это были «Соловьи монастырского сада».

Новый дух, живой и свежей, внесла Е.Кузнецова в постановку русских скетчей на сцене «Тагона». Трагифарс «Кому принадлежит Елена?» под ее руководством проходит в темпе настоящего фарсового веселья, подчас явно заражающего самих артистов. Роль Елены, запутавшейся между двумя своим мужьями дневным и ночным, артистка проводит в четких комедийных тонах, скрашенных природным юмором, подчеркнутых выразительностью интонации, мимики и жеста. Очень хорошей партнершей ей в этом отношении была Мерянская. Добросовестно поддерживали оживленный ансамбль Катенев и Славский. Двухактная пьеса доставила, в общем, зрителям немало веселых минут. <...>

Вырезка из газеты «Сегодня» за 9 ноября 1927 года.

Описано выступление 8 ноября в театре «Тагона» совместно Еленой Кузнецовой.

Л.К-н.

У Игоря Северянина (Из блокнота интервьюера).

Игорь Северянин принял меня за кулисами миниатюрного театра, где он ежевечерно читает свои стихи. Под томительно кричащие звуки танго завязалась наша беседа. Станный человек в смокинге и с взлохмаченными волосами рассказал о том, что он поэт, а не человек, что ему, анархисту по творчеству, чуждо все житейское, как чужда теперь (в постоянном одиночестве местечка Тойлы) и вся культура. Под непривычный аккомпанемент модной песенки Северянин прочел свое стихотворение «Культура», которое никто нигде не печатает, потому что поэт презирает в нем все человечество.

— Неужели вам так чужда современность?

— Да, да, — нервно восклицает Северянин, — ведь из-за этого фокстрота забыто все. Нет ни стихов, ни музыки, ни картин.

— Что же остается?

— Только то, что вдали от города и ярмарки — природа. Десять лет мы живем уже вдвоем с женой в пустынной деревушке на берегу Финского залива, редкие наши выезды «в свет» действуют совсем не увлекающе.

Так Игорь Северянин, когда-то прозванный «самым шумным поэтом нашего века», казалось бы, неразлучно связанный с городом и его суетой, обратился к природе. Там он, по его словам, научился терпению — рыбная ловля, как известно, является в этом лучшей учительницей... Скоро поэт возвращается к ней: в воскресенье он снова отправляется в свое добровольное изгнание и ему не придется больше боязливо вздрагивать: от шумов двадцатого века.

— Раньше во мне было много молодого задора, рассказывает Игорь Северянин и то, что я писал, нельзя понимать, как понимали и понимают еще до сих пор почти все мои читатели и критики. Мои прежние темы, приемы — это, ведь, особая, так сказать, ироническая лирика, а критика приняла все это всерьез, вообразив, что в этом и весь Северянин.

— А вы, Игорь Васильевич, много теперь пишете? И что именно?

— Пишу стихи, статьи, воспоминания... Работаю, между прочим, всегда осенью и зимою. А летом почти ничего не пишу. По вечерам или по ночам не люблю сидеть и обыкновенно принимаюсь за работу с утра.

— И как именно? По Бальмонтовски: «Но я не размышляю над стихом», или...

— Нет, наоборот: размышляю долго. Придерживаюсь Пушкинско-Брюсовской школы. Впрочем, некоторые из своих последних поэм писал все-таки по нескольку дней — импровизацией.

Северянин увлекательно рассказывает о своем житье:

— Живу на самом берегу, в маленькой рыбацкой деревушке Тойла, которая когда-то была курортом. Из окна виден Финский залив.

Свою избушку постарались сделать по возможности комфортабельной. Внутри — уют и даже некоторая претензия на модерн.

Вокруг — глушь, леса, озера. До ближайшей станции восемь верст, а до ближайшего города, до Нарвы — сорок. Все лето рыболовствую. У меня есть лодочка «Ингрит», на которой я совершаю путешествия. Ухожу из дому на рыбную ловлю на несколько дней. Зимой же много катаюсь на лыжах, много читаю — русских и европейских классиков. За новейшей же русской литературой слежу плохо, так как, ведь, в моей глуши новых книг не достать.

— Что самое радостное и самое прискорбное в деятельности и звании поэта?

— Самое радостное — это, когда живешь с природой, когда пишешь стихи, когда читаешь их на специальных вечерах: перед любителями и ценителями поэзии. А самое прискорбное — это читать перед случайной аудиторией. Прискорбно также, когда в моем присутствии говорят о политике, которая есть не что иное, как преднамеренная вражда.

— Вас не тянет, Игорь Васильевич, в Россию?

— Как вам сказать? Проехать по России я бы не прочь, но жить там не собираюсь. Тамошняя обстановка нервирует, волнует.

— А кем бы вы, И. В., были, если бы не были поэтом? — задаю я последний вопрос.

— О, конечно, рыболовом.

«Воскресенье», № 2, 1927 год.

Оба интервью помещены под одним заголовком. По времени совпадают с серией ежедневных выступлений поэта в Риге в театре «Тагона» в период с 8 по 14 ноября 1927 года.

Oskar Urgart

Eesti luulet vene keeles

Поэты Эстонии. Антология за сто лет (1803-1902).

Переводы Игоря-Северянина, Tartu, 1928 [1929]

Tõlkimine vene keele ei ole eesti kirjanduses praegu küll niivõrt oodat, kui tutvustamine mõne lääne suurrahva keeles. Tähelepanematust vene kultuuri vastu peetakse meil nüüd endastmõistetavuseks, koguni hääks kombeks, ja teiselpoolt: enda kultuurivarade propageerimist idas — asjatuks vaevaks. Aga vaatamata sellele on kevadel ilmud Igorj Severjanini tõlgit kogu eesti luulet „Eesti poeedid“ kaaluv sündmus, vähemalt seepoolest, et vene keelt lääneski tuntakse teataval määral ja nii pääseb meie luulet selle teose kaudu välja ka meile soovitavamas suunas kui idapoolne.

Selle suure, ligi paarisaja-leheküljelise antoloogia sünni ümber on valitsend vaikus. Nähtavasti tõsisemalt arvesse tulevast toetusest ja nõust ilma, on jõudnud see teos lugeja kätte ainult ühe isiku töötulemusena. Kolme-nelja lausega heidab eessõna valgust teose saamislukku. Ja nagu selgub, on töö valmind väga primitiivseis oludes. Tõlkijal olla puudund võimalused täieliku ülevaate saamiseks eesti luulekirjandusest tervikuna ja ka üksikuist autoreist. Valik olla teht päämiselt nende vananend krestomaatiate ja halbade antoloogiate põhjal, mis on olnud kättesaadavad mereäärseis metsatagususes. Säärases olukorras valminuna see antoloogia ei kõlba igatahes mingiks ametlikuks esindavaks koguks, selleks on siin liialt palju juhulist nii autorite kui ka üksikute luuletiste valikus ja vääratusi proportsioonides.

Valit luuletajate arv, alates Kreutzwaldiga ja lõpetades Adamsiga, on 33 ja selles ulatuses oleks võind jääda kõrvale ilma suurema kahjuta nii mõnigi, kes on esindet, teiselpoolt oleks aga tarvilik autoritenimestiku täiendamine mitme puuduva nimega. Kogu ei oleks vist kaotand kuigi palju, kui puuduks Eduard Wöhrmann, Andres Alver, Georg Luiga ja mõned teised. Kuid tunduvaks puuduseks on igatahes Jaan Kärneri ja Arthur Adsoni väljajätt. Ja kui on juba kõige nooremast põlvest Vilmar Adamsiga, siis tohiks esineda kindlasti ka Hendrik Adamson, Erni Hiir ja Johannes Schütz. Alverite ja teiste kõrvale oleks olnud kahtlematult vähem liigne ka Jaan Loo.

Küsimusse oleks võind veel tulla antoloogia ajaliste piiride laiendamine, vähemalt niivõrt, et neisse oleks mahtund ka K.J.Peterson. Praegu on rajaaastais kaanel 1803 ja 1902. (Mis nende arvudega täpsemalt on tahet märkida, pole küllalt selge. Voib-olla piire tähendavate autorite sünniaastaid? Kreutzwaldile sobib küll esimene aastaarv, aga viimane antoloogia autor V. Adams on siindind a. 1899.)

Ebatasasus, süsteemi puudumine hakkab silma ka luuletiste arvulises valikus. Ei näe selles arvestamist ei autorite kirjandusliku väärtuse vahekordadega ega luuletajate mitmepalgelisusega. Enamik on esindet kolme luuletisega, aga mõned üksikud nimed ületavad selle arvu mitmekordselt. Viimased järjestuvad järgmiselt:

H.Visnapuu — 16 luuletist, A.Alle — 15, J.Semper — 10, j. Barbarus — 8, Juhan Liiv — 6.

Veel vähem võib olla juttu teoste väärtuse ja iseloomustavuse järjekindlast silmaspidamisest. Nii näit. oleme üksmeelselt pidand Koidula parimaiks ta isamaalaule, kuid just neid pole tõlgit, selle asemel leiame kaks looduse- ja ühe armastuselaulu. Ja lisaks on antoloogiasse pääsnud Koidula luuletised kõik kolm tõlked: „Sügisemõtted“ E. Geibeli ainetel, „Õhturahu“ Hoffmann v. Fallerslebeni ja „Pikalt kiigub paadikene“ H. Heine järele, nagu on märgit ka „Kogutud luuletustes“. Selle eksimuse kõrval põhjustab juba vähem etteheiteid see, et ka Kreutzwaldi kolmest luuletisest kaks on tõlked, kuna vastavad märkused puuduvad „Viru lauliku laulude“ viimases väljaandes. Parem pole lugu valiku suhtes ka uuemas ajas. Nii on H. Visnapuult valit luuletiste hulgas mõnigi kaunis mõõduva tähendusega eksperimentesriv asi.

Need on olulisemad antoloogia puudusist ja neis on olnud teadlik ka toimetaja, otsustades eessõna järele. Kui Igorj Severjanin sellele vaatamata ikkagi on esinend avalikkuse ees, siis ta on pidand ülalpool käsiteld ebatasasusi arvatavasti väheolulisiks millegi muu kõrval. Ja tõepoolest ongi Severjanin juhulist materjali käsitades ometi kinni pidand uuest valikuprintsiibist, mis on annud teosele lõppeks siiski teat tervikluse. See kriteerium on seisnud toimetaja isikupärasuse juhtida laskmises ning tagajärjeks on väga severjaninlik kogu eesti luulet.

Üldiselt algupärasest tekstist kaunis täpselt kinnipidav toimetaja on neil juhtudel, kui algupärand ei vasta tõlkija individualiteedile, mõnikord tarvitand ka silumisi ja järeleaitamisi. Sageli on lisafiguuride juuretoomisega saavutet suurem kujukus kui algupärandis, aga säärase, maitsja vaatekohast vastuvõetavate paranduste kõrval on teisi, mis muudavad juba olulisemat. Hoopis teise mõtte on saand Jakob Liivi sonett „Luuleteel“, milles autor väljendab teravat kahtlust oma võimeis ja alistumist kõrvalejääva luuletaja saatusele. Severjanin aga kirjeldab ainult luuletet raskusi ja võitmatut tungi poeesia poole (kõrvaljoon: Severjaninil poeesia suure, Liivil väikese algtahega). Deformatsioon on leidnud aset teises stroofis.

Liivil:

Nii ükski rännates hing tundis põuda,
Teel mitu kord mind piinas väsimus.
Ju vahest tahtsin teistelt otsust nõuda:
Ehk on mu vaev kõik tühi jampsimus ?

Severjaninil:

... Но безразличье
Душе так чуждо: пусть была тяжка
Дорога — усталъ, засуха. В отличье
От всех других, я знал: цель далека.
(Lk 50.)

Kui väheste abinõudega Severjanin saavutab mõnikord soovit muudatused, näitab G. Suitsu luuletise „Ühele lapsele“ tõlge. Suitsu sõnastust on tõlkes jälit kaunis täpselt, väljaarvat paar kõrvalekaldumist (muuseas Suitsu „tuba“ on tõlkes peenutsevalt „kabinett“). Aga kuna algupärandi rahulikku voolavust ei paisuta

ükski hüüatusmärk, on Severjaninil neid tõlkes terveni 9! Ja severjaninlik afektatsioon on saavutatud.

Uemas luules on sääraseid moonutused enamasti kahjuks, vanemas luules aga algupärandite ilmetuse tõttu sagedamini kasuks. Igal juhul on olnud kasulikud värsitehnilised parandused: nii on võitnud Juhan. Liivi luuletis „Oh kanarbik, oh lilleke“ algupärase nõrga riimielemendi (kui sellest üldse võib kõnelda) asemele puhta riimivuse.

Liivil (2 stroof):

Oh kanarbik, oh lilleke,
Münd kurbus rõhub rängasti:
Sääl arm, sääl surm, sääl sügise, —
Su silm nii taevasinine, —
Oh lilleke !

Severjaninil:

О, вереск, вереск! о, цветок !
Печаль меня сбивает с ног:
Любовь и осень, смерть в свой срок —
Твой глаз лилов и так глубок —
О мой цветок!

(Lk. 80.)

Sääraste lahkuminekute kõrval, mida võib vaadelda teadlikkude teisiti tõlgitsustena ja silumistena, leidub teisi, mis on ilmsesti tingit valesti lugemisest. F.Tuglase luuletises „Kaldasel teel“ on 3. stroofis kaks esimest värssi:

Kohavad lained sääl kaugel,
Kuu pole kerkinud veel.

Need kõlavad Severjanini tõlkes;

Шумные волны — там, в отдаленьи,
Поднятом, мнится, к луне.

(Lk. 118.)

Siin on nähtavasti loet „pole“ asemel „poole“ ja „veel“ on poeet adesiiviks sõnast „vesi“.

Hääd tõlked on siiski enamuses, eriti vanemas luules. Viimases on keelise ja värsitehnilise saamatuse asemele tulnud voolavus, sulavus. Tunnete jõuetuse ja kohmakuse asemele temperament ning artistlikkus.

Alles Severjanini tõlkeid ja algupärandeid üksteisega võrreldes võib näha, kui liigselt tagasihoidlik on nii mõnigi kord meie vanem luule! Kuigi ei tahaks mitte alati nõus olla elavuse loomiseks sissetood 1. isiku ja imperatiividega, kui need algupäraselt puuduvad. Seega on tekkind veneline kodusus, kohati isegi familjaarsus neis tunnetes ja meeleoludes, mida meil puudutatakse teat ettevaatusega ja respektiga. Ning lõppeks mojub see •tolkija vabadus mõnel juhul vastumeelselt.

Nii tundub nait. vastuvotmatuna käskiva kõneviisi tarvitamine Juhan Liivi luuletises „Naised kangast seadvad”, 5. stroofis:

Minu mõttekangas
Katki kärisend.
Tuhat korda temast
Süda värisend.

Tõlkes:

Ах, монах-ли мыслей
Разорвалась ткань?
Сердце издрожало, —
Будет, перестань!

(Lk. 77.)

Haruldaselt hästi on õnnestunud Mihkel Veske „Kas tunned maad?” Ado Grenzsteini „Üksinda” ja pikk rida teisigi. Ning kui on jäänd järele ainult kirjanduslooline huvi enamiku meie vanemate autorite vastu, siis on käesolevate tõlgete kaudu nende maitsmine taas võimalik. Seeparast pole Severjanini anto-loogia mitte ainult propaganda-raamatuks meie kirjandusele väljaspool kodumaad (küll teat reservatsioonidega), vaid ta õpetab ka meid endid meie vanemat luulet rohkem hindama.

«Eesti luulet vene keeles» (эстонские стихотворения на русском языке), вырезка из неупомянутого эстонского источника 1929 года в домашнем архиве Игоря-Северянина.

Оскар Ургарт (Oskar Richard Urgart, Urgard; 1900-1953) — эстонский литературный критик и библиограф.

«Поэты Эстонии. Антология за сто лет. Том XV». Юрьев (Tartu), издательство Вадим Бергман, 1928, 182+2 с., 2.500 экз., обложка работы Александра Гринева, ранее объявлен как «Утесы Eesti. Антология эстийской лирики за сто лет».

Гунгербург
Концерт Игоря Северянина.

В пятницу, 7 августа в зале гунгербургского кургауза состоялся поэзовечер Игоря-Северянина при участии профессора Петроградской консерватории Всеволода Гамалея.

В Эстонии — второй родине Игоря Северянина — его лучше, чем где-нибудь, знают, ценят, любят.

Поэт солнечно свежих северных утр и сказочной белой ночи, неподражаемый по оригинальности лирик так часто уходящий в игрушечное величие своей любимицы Тойлы, так часто всесветный в экзотических и образах, Игорь Северянин на этот раз пел о России.

Под ударами жуткого и обещающего времени вступил поэт в ту просветленную и углубленную фазу своего многогранного творчества. Его поэзы призывы, словно уже поднимают больную страдальцу-родину из красного небытия, из большого хаоса, одевают ее в светлые ризы грядущей радости, здоровья и силы.

Эти вдохновенные призывы будили слушателей. Боль за Россию изывалась, словно живой водой из родников северянинской поэзии омывались русские раны душевные.

Второе отделение — грациозы любви, солнцетокам поющей природы, баюкающая образами поэзия многозвучного моря.

Северянин более знаком. Его слушаешь, отдыхая, не задумываясь, и, может быть, потому более внятно талантливое искусство его спутника по концерту Гамалея. Пианистом уловлены все нюансы поэз; найдены характерные оттенки в аккомпанементе, создана блестящая иллюстрация переменчивым образам поэта.

Музыка-импровизация В.Гамалея лишней раз подчеркнула, насколько богата поэзия Северянина музыкальностью, как много отзвуков она рождает, сколько прекрасного гипноза другим творцам в ритмах и образах.

Вырезка из непоименованной газеты без указания даты в личном архиве Игоря-Северянина в Литературном музее в Тарту.

Вероятно, речь идет о совместном с В.Гамалея концерте в зале кургауза в Гунгербурге (Усть-Нарва), состоявшемся 7 августа 1929 года (поэт читает недавно написанные стихи о России).

Гамалея, Всеволод Гаврилович — выпускник Училища Правоведения, музыкант-любитель (пианист, композитор), ученик своей жены Марии Николаевны Бариновой, пианистки, профессора Петербургской консерватории. Родился ранее 1885 года, умер во время блокады Ленинграда.

Игор Северјанин, ноћу код «Три шешира»

Кафана «Три шешира» — кофейња «Три шляпы» (шляпы слева на фасаде).

— Северјанин ће у суботу читати своје нове стихове о Русији —

Једна од оних удерица повезаних заједничким именом «Три шешира» над којима као да лебди сенка некога некада верујемо аутентичнога романтизма друге едно. Скадарлије видела неочекиваног госта.

Његова чувава глава нече ући у заједнички шешир где су на дописним картама ликови Глишића* и Боре Станковића** из простога разлога што, најзад, ни један келнер, ма како савесно прим ио своју дужност, не мора да се стара да слава не мимоиђе заслужену славу.

Некада су плакате Игора Северјанина биле тако велике да су се са двама трима мирне душе могле покрити цела позната зграда «Три шешира». А данас, ето, дошао Игор Северјанин да седи у маленом сепареу скадарлијском*** непримећен, скоро неугледан. А од плаката ни гласа.

И не само то него не може да постигне неопходна два минута ћутања колико је, отприлико потребно да се једна његово скоро до правилу кратка песма прочита.

Хиљаде погледа упијали су се у његове меснате словенске усне кад су пре двадесетак година час шапутале час грмеле звонке отмене речи руског предреволуционарног и интернационалног бираног речника.

Тада је морски талас обавезио био «ажуран»: све бојје Бело Раде на свету имале су душу са којим се, још како, морало да рачуна; није било музике изван шопена и то под условом да то буде у кули старога замка...

«Ја геније, Игор Северјанин...» прокламавао су песником свету.

А свет и век у <...> понављао је:

«Он, геније, Игор Северјанин»...

Тада су се на московским улицама могли видети младићи страховито космати и запуштени маду се његове оцеви имали хиљаде «десјатине» оранице. И ти младине бојадисали су своје образе модро зелено первеним гречевитим екстра геометриским фигурана и гласна угомили хљада православнога рускога народа, вопилићфјсторске стихове интернационалнога Игора Северјанина.

Његова слава превазилазила је најумније репутације. Концерти његови били су догађаји о којима се писало и говорило и дуго у бескрајне руске ноћи од њих се духовно живело.

Игор Северјанин заразио је био ваздух, постао епидемија. И нешто више, мода.

Његова реч била је песма, а песма се завршавала у музици.

Имала је мирно пространо скупочено рухо (приспело у Москву експресом из Нице) без које Северјанин није могао да изусти ни једну једину реч. Само кад по баршунастом ћилиму разбаца крваво и сунчано бело рухо. Северјанин је одухотворен могао да постане чаробник.

Али ћо се превари ко помисли да је Игор Северјанин закржљали анемични цыет севера. Он је цин људина, четвртастих рамена и рошаваг избријаног лица које подсећа на дубову стогодишњу кору. У том лицу два ока мала, добра, блага. Можда Северјанин није Азијат. Зацело није ни Европејац. Он је отуда негде, где су се под изванредно суровим околностима природе стапале расе жутог косооког истока и риђобраднога нешег запада.

Да није тако зар би Северјанин могао равнодушно да гледа како му усред песме, усред његове душе мали кикириција нуди своју петпарачку робу!

Некада поклоник Уајлдов, обожавалац Бодлера, љубимац Александра Блока и штићеник Луначарског, човек који је дрмао укусом и сентиментом милиона људи са развијеним укусом и још развијенијим сентиментом, за столом који покрива у најмању руку несвежи кафански чаршав испод поцепане јевтино штампане слике неке старе борбе у парадним турским оделима чита једнога прерођеног Северјанина, другога руског и националнога.

Огроман је преокрет настао у његовој души и у његовом делу за дванаест година избеглиштва. У <...> је Северјанин из беглиц? Је ли могуће да за њега нема места у тамо домовини?

— Звали су ме два пута да се вратим. Нисам...

— Нисте смели?

— Не, Нисам могао. Јер видим јасно да тамо не бих могао да живим... Никако.

Не би могао! А могао је да закован у једном селу усред естонске шуме између језера и мора на домаку руске нове границе проводи године самотиње и тешкох убоштва. [*Сиромаштва – прим. Ј.А.Ј.*]

У тим годинама родио се нови Северјанин Овај који им је донео замашни рукопис своје идуће књиге стихове о Русији.

Можда би се и Игор Северјанин нашао у недоумици сам себе да одговори, откуда препорођај. Сам штина? Секира и изба уместо баршунасте руже и концертнога московског подијума. Да ли је то деловала на Северјанина

дивљина естонских језера или друга једна дивљина која се разбуктала била у пламену револуције? или можда обадве.

Песма Северјанинова вратила се бразди, пољу, земљи Русији. Дошла је издалека са огромним гађењем према ономе другоме староме, буџафорском и заграничном.

Северјанин пева бесомучно, земљи њеним рекама и водама. Његова сиротињска удица постала је моћни чаробни штап којим витла по ваздуху по природи.

Зацело синоћно Северјаниново друштво добрим делом није га разумело. Јер стално су му пунили чашу црним ... вином и молили да им каже коју од својих старих, давних песама којих се данас напола одриче.

Северјанин је пристао да поднесе ову другу жртву. Вино је много тешко за естонског пустињака и много млеко.

А сетити се давнине понекад је мучно, болно и пријатно.

Северјанин се присећа за љубав својих нових пријатеља.

*

Са својом супругом естонском песникињом Фелисом Михајловном Круг, Игор Северјанин рецитоваше своје песме у суботу 22. новембра у двора-ни Универзитета. То ће бити ....који треба чути неизоставно.

Вырезка из неустановленной белградской газеты за 16 ноября 1930 года: Игорь Северянин, вечер в «Трех шляпах».

Ответ поэта на вопрос о возвращении в Россию:

— Они звали меня дважды, чтобы вернуться. Я не смог...

— Вы не смогли?

— Нет, я не смог. Потому что я вижу ясно, что не смог бы жить... Совсем нет.

Примечания:

* **Милован Глишич** (Милован Глишић; 1847 — 1908) — сербский писатель, драматург, теоретик литературы. Ведущий переводчик русской и украинской литературы на сербский язык.

** **Борисав «Бора» Станковић** (Борисав Станковић 1876 — 1927) — сербский писатель реалист и драматург.

*** **Скадарлија** (Скадарлија, Скадарска улица) — старинный квартал Белграда. Расположен в общине Стари-Град, считается божественной частью города (как Монмартр в Париже).

Разговор са Игором Северјанином и песникињом Фелисом Крут

У малој соби са два кревета и једним сточићем, на коме лежи пепељара и две три књиге, са коферима, у углу, затекао сам Игор Северјанина и његову жену г-ђу Фелису Крут, естонску песникињу, која пише на руском. Игор Северјанин је седео на столици, а на десном кревету, увијена у шал седела је госпођа Фелиса Крут. Мој улазак као да их је тргао из интимних сећања дја и размишљања. Ипак благо су се насмешили и обоје ми срдечно пружили руку. Сео сам до Северјанина који ми се учинио сувише благ, сувише повучен у себе као да више није био онај Северјанин из 1911 године о коме се кроз пространу и широку Русију говорило као о књижевном божанству, које је устало-сало милионе људи. У својој вечито

црној кошуљи, скрштених руку, он је отпочео да прича, док се госпођа Крут у недостатку дивана, наслонила на кревет, завлачећи руке под шал, да се тако сва преда причи о некад најславленијем песнику Русије.

— Мене, — рекох г. Северјанку, — из новинарске дужности нарочито интересује појава футуризма у Русији, чији сте ви покретач били.

— Још 1911 године, — отпоче г. Северјанин, — ја сам уз припомоћ Георги Иванова, Грала Арелског и Константина Олимова основао футуристичку академију Его Поезије. Футуризам, чији сам творац у Русији био је видно различит од Маринетијевог футуризма у Италији. Прво да вам објасним те разлике идејне између руског и италијанског футуризма. Италијански футуризам одрицао је сваку прошлост и традицију. Тако су италијански футуристи јавно на трговима палили класике, говорећи да ништа није вредно пажње што има везе са прошлошћу и традицијом. Ја сам међутим, свој футуристички манифест, од штампан само за листове, оградио од италијанског утицаја, нарочито подвлачећи своје идеолошко надовезивање на прошлост, не негирајући традицију. Дакле узимајући такво становиште, могао сам и да приступим оснивању Его футуризма и оснивању академије Его поезије. Према томе, мени је био главни циљ утврђивање свога Ја у будућности а главна доктрина из тога је била душа-истина.

— Мој манифест је подигао праву буру у тадашњој Русији. Биле су се изродиле читаве дискусије а коментарима никад краја. Принцип Его аакаде-

мије футуристичке поезије био је нарочито утврђивање личности у тражењу новог, дисонанци и осталим реквизитима за модерни стих.

— Право томе ви сте први модерниста у Русији ?

— Нажалост не. Претече модернизма у Русији су Балмонт и Брусов.

— А како се даље развијао футуризам ?

— Моји су принципи били јасни. Ја сам их уосталом изложио у своме манифесту. Али у пуном жеку Его футуризма јавља се једна фракција у Москви добрих психолога, који су основали кубо-футуризам на челу са Мајаковским, Велимиром Хлебниковом, Кручонихом и Василијем Каменским. Они су истакли за девизу оно што сам ја баш негирао. Попут италијанских футуриста, они су преко ноћи одрекли свега што је руски дух везивало за прошлост.

— Је ли Борис Пастернак пропадао њима ?

— Да али он им је нешто касније пришао. Пришао им је пред саму револуцију.

— Значи они су се сасвим идеолошки одвојили од вас ?

— Потпуно.

— Чини ми се да је њих мало била завела и социологија?

— Свакако. Они су имали неколико тенденција. Најзначајнија девиза им је била: „Бацање са брода Пушкина и све велико и старо у Русији“. За своју борбу нису бирали начин и средства. Псовали су и галамили, делом и речима. И својом спољашњошћу су се одвајали од Егоиста. Носили су жуте кошуље, фракове од црвене свиле и прслуке од зеленог плиша. Лице су украшавали цртежима разним птицама, цвећем и ареопланима. Појединци су цртали по лицу балерине а на једном предавању у Одеси благајници су позлатили нос, наравно из врло добар хонорар. Кручоних је тада читао песме са ротквом у рупици фрака. Мени који волим протест, право да вам кажем, није се свиђало њихово рекламско понашање. Ми Его-футуристи ни по оделу се нисмо разликовали од отталог света. Само је уредник егоистичког листа носио златну блузу од тафта, са црним оковратником од свиле и црним наруквицама. То је било укусно и лепо. Ја сам се поносио што егоистима лице не красе разни цртежи. Али ови моји отворени противници у сваком погледу су ми иначе били пријатељи и ми смо се и преко тога врло добро слагали и разумевали. Ја признајем да су они били изванредни психолози, јер су свако своје предавање успели да изведу са рекламом. Често пута то су биле смишљене духовитости вредне смеха. А онда куба-футуристи су имали и свој лист „Мансарда и поезија“ који је уређивао Шершенијевић.

— Вас је критика много нападала?

— Да. Ни један ме критичар није волео, јер сам свакоме стиховима одговарао, често тако судбоносно да су три стиха били доста.

— Чуо сам да сте од ране младости почели да пишете?

— Још од своје десете године.

Цитира ми своју прву песму са певањем, јер Игор Северјанин рецитује своје песме певањем:

Ево и златна звезда
Изашла из неба да сија,
Она сигурно незна
Да неће дуго да блиста,
Тако и красна девојка
Излази по вољи да се шета
Изненада долази момак
И воли је, не видећи је.

— Мени се не свиђа, али ради илустрације је читам наставља г. Северјанин.

— Како је текао даље ваш покрет ?

— Его футуризам није био другог века. Он се једнога дана сасвим распао Иванови. Его академије поезије пришли су Гумиљевом акмеизму, а међу њима су се нарочито истицали Иванов и Арелски. Ја сам онда издао други манифест у коме сам објавио ликвидацију Его академије и остао сам са оним што сам створио.

Од почетка писао па до данас Игор Северјанин је написао око четрдесет збирки стихова и био је веома познат и популаран у Русији и у иностранству. До скоро је живео у малом месту Тојла у близини Нарве, на обалама финског мора. Ту се оженио чувеном естонском песникињом госпођом Фелисом Крут.

Разговор са Фелисом Крут

Госпођа Фелиса Крут је Естонка, али не пише естонски. То није важно, јер таквих изузетака има свуда у свету.

— Пишем на руском, — каже г-ђа Крут.

— Интересује ме естонска литература која је у нас слабо позната. О њој се, нажалост и нема појма. У том смеру јој упућујем питање:

— Литература Естоније је врло занимљива до 1910 преовлађивао је сељачки реализам а после импресионизам. Три видна представника импресионизма су: Густав Суиц, Ридола и Ернст Ено.

— А из сељачког реализма?

— Најчувенији је Јохан Лив иначе светски познат писац.

Г. Северјанин користи прилику да ми покаже своју задњу збирку превода естонских савремених писаца на руски.

— Највећи савремени песник у Естонији је Марија Ундер дакле жена, наставља г-ђа Крут. Исти случај је и са Литвом: Тамо је највећа песникиња Аспазија, која далеко надмашује Хенриха Виснапу.

— Припадате ли госпођо некој школи или књижевном покрету?

— Не. Одговара г-ђа Крут. — Пишем без обзира на школе и правце, онако како осетим, проживим и како нађем за сходно.

Песма г-ђе Крут је јапанске форме, стих лак, кондензован, етеричан. Песме су јој портрети минијатурне целине често извањ редне по концепцији и садржини.

Чита ми једну песму благим женским гласом са певушењем:

Он ме љуби, он је леп,
Женствено чекам, он љуби,
О како су плашљиве месечеве струне
И како мртво мирише ... .

Ова ноћ је осмех пајаци,
Ова ноћ је испугани ирис
Он љуби, Он ће се смејати
Тако се снимеје само кастрирани.

Затим поново седа на кревет. Увијајући се у шал. У руци ми је њена књижица стихова калиграфски и брижљиво написана. Књижица са плавим корицама, мала као што су кратке и њене песме. Случајно ми пада под око једна посвета: Игору Северјанину. То је читав циклус. Али у то се не упуштам. Два песника имају права и од живота да праве поезију.

Двадесет часова је кад се завршава овај разговор. Дижем се. Устаје са кревета г-ђа Крут и Игор северјанин. Поздрављамо се док о застрте прозоре њихове сиромашне куће ударају крупне капи зимске ледене кише.

Мислим: и суботу ће имати прилике Да чују једну интересантну песничку двојку сви они којима је поезија на срцу, па ма ком правцу она припадала. И још нешто: београдске публика која је навикла на слабе читаче имаће прилику први пут да чује песника како пева своје стихове.

Вероватно ће Игор Северјанин отићи у Бесарабију и Бугарску да и тамо чита своје стихове, а онда продужује за Париз.

*Pravda, Beograd. XXVI, 19.XI. 1930.
Подстрочный перевод.*

Интервју с Игорем Северяниным и поэтессой Фелиссой Крут

В небольшой комнате с двумя кроватями и маленьким столиком, на котором лежит пепельница и две или три книги, с чемоданами в углу, я нашёл Игоря Северянина и его жену г-жу Фелиссу Крут, эстонского поэта, который пишет на русском языке. Игорь Северянин сидел на стуле, на кровати справа, закутавшаяся в платок, сидела госпожа Фелисса Крут. У меня записано, как она вздрогнула от интимных воспоминаний и размышлений. Чуть-чуть улыбулись, и подала мне тёплую руку. Я сел (около) Северянина, который показался мне слишком нежным и тоже ушёл в себя, как если бы он не был один. С

1911 года Северянина в огромной России расценивали как литературное божество, которое потрясло миллионы людей. В своей вечной чёрной рубашке, скрестив руки, он начал говорить, в то время как г-жа Крут в отсутствие дивана, облокотился на кровать, скрыв свои руки под шалью, так как мы привыкли до истории самого знаменитого поэта России.

— Я, — сказал Северянину, — как журналист особенно заинтересован (узнать) о появлении футуризма в России, в котором вы были движущей силой.

— В 1911 году, — начал г. Северянин, — я при содействии со стороны Георгия Иванова и Константина Олимпина и Граалья-Арельского основал футуристическую Академию Эго-поэзии. Футуризм, которого я сам был создателем в России, явно отличается от футуризма Маринетти в Италии. Во-первых, позвольте мне объяснить эти концептуальные различия между российским и итальянским футуризмом. Итальянский футуризм отрицает какую-либо историю и традиции. Таким образом, итальянские футуристы публично сжигали классиков, говоря, что ничего не стоит внимания, что связано с прошлым и с традициями. Я, однако, своим футуристическим манифестом, напечатанным в листовках, дистанцировался от итальянского влияния, особенно подчёркивая свою идеологическую конкатенацию (соединение) прошлого, не отрицая традиции. (Имея такой подход) приступил к основанию Эго-футуризма созданию Академии Эго-поэзии. Поэтому главная цель утверждение своего Я в будущем, а главная доктрина, (вытекающая из этого) была душа-правда.

— Мой манифест вызвало бурю в современной России. Он породил целую дискуссию, комментарии никогда не закончатся. Принцип Академии Эго-футуризма особенно заключался в определения формы, в поисках новых, диссонансов и других предпосылок для современного стиха.

— Верно, что вы первые модернисты в России?

— К сожалению, нет. Предшественниками модернизма в России Бальмонт и Брюсов.

— А как далее разрабатывался футуризм?

— Мои принципы были ясны. Я сам изложил их в манифесте. В разгар эго-футуризм в Москве появилась фракция Кубо-футуризма, которую основал во главе с Маяковским, Велимиром Хлебниковым, Крученых и Василием Каменским. (...) Как итальянские футуристы, они в одночасье отказались от всего, чем русский дух привязан к прошлому.

— Борис Пастернак отказался с ними?

— Да, но он пришел чуть позже. Он пришёл к ним как раз перед революцией.

— Так что они очень идеологически отделены от вас?

— Полностью.

— Мне кажется, что некоторые из них были соблазнен и социологией?

— Конечно. У них было несколько тенденций. Наиболее важный девиз у них был «Бросить Пушкина с корабля и все великое и древнее в России». Для его драки они не выбрали способы и средства. Проклинали и кричали, словом и делом. И по внешнему виду были отличались от Эгоистов. Они

были одеты в жёлтые рубашки, хвосты красные, шёлковые жилеты, изготовленные из зелёного бархата. Лица украшены рисунками различных птиц, цветов и аэропланами. На лица нарисовали балерин, а на выступлении в Одессе каскиру позолотили нос, конечно, за очень хороший гонорар. Кручёных затем читали стихи с редкой петлице фрака. Мы любим протест, правду сказать вам (нам) не нравится их рекламное поведение. Мы Эго-футуристы в одежде никак не отличались от остального мира. Только редактор эго-футуристического листка носил блузу из золотой тафты с черным воротником и манжетами. Это было красиво и со вкусом. Я горжусь тем, что эгоисты не украшали лица рисунками. Несмотря на эти отличия своих соперников во всех отношениях, обычно мы были друзьями. (...) Я признаю, что они были выдающимися психологами, потому что каждая лекция сопровождалась рекламой. Часто это было сделано остроумно и достойно смеха. Тогда кубо-футуристы имели свой собственный листок «Мезонин поэзии», который редактировал Шершеневич.

— Критика на вас много нападала?

— Да. Ни один критик не любил меня, (...) трёх стихотворений было достаточно.

— Я слышал, что с раннего возраста вы начали писать?

— С тех пор как мне было десять лет.

Игорь Северянин процитировал мне свой первый стих, сопровождая чтение пением:

Вот и звезда золотая
Вышла на небо сиять.
Звёздочка верно не знает,
Что ей недолго блистать.

Так же и девица красна:
Выйдет на волю гулять,
Вдруг молодец подъезжает, —
И воли её не видать.

— Я не люблю (петь), но чтобы проиллюстрировать чтение, — продолжает Северянин.

— Что было дальше?

— У эгофутуризма не было другого века (продолжения). Распался с уходом Иванова. Эго Академия поэзии ушла к Гумилёву в акмеизм, много постарались Иванов и Арельский. Я тогда издал второй манифест, в котором я объявил ликвидацию (моей) Эго Академии, и я остался с тем, что я создал.

С самого начала до сегодняшнего дня поэт Игорь Северянин написал около сорока сборников стихов и был очень хорошо известен и популярен в России и за рубежом. До недавнего времени он жил в небольшом посёлке Тойла недалеко от Нарвы на берегу Финского залива. Там он женился на знаменитой эстонской поэтессе госпоже Фелиссе Крут.

Интервью с Фелиссой Крут

Г-жа Фелиса Крут является эстонкой, но не пишет на эстонском языке. Это не имеет значения, потому что такие исключения есть везде в мире.

— Я пишу на русском языке, — говорит г-жа Крут.

Я заинтересован в эстонской литературе, потому что она у нас малоизвестна. О ней, к сожалению, я понятия не имею. В связи с этим у меня вопрос:

— В литературе Эстонии превалировал до 1910 года деревенский реализм, потом импрессионизм. Три видных представителя импрессионизма Густав Суйтс, Ридала и Эрнст Энно.

— Сельский реализм?

— Самый известный Юхан Лийв, всемирно известный писатель.

Господин Северянин (обещает) показать мне свою последнюю подборку современных эстонских поэтов в (его) переводах на русский язык.

— Самый большой современный поэт в Эстонии Мария Ундер, — продолжает г-жа Крут. — То же самое и в случае с Литвой: Там в величайший поэт Аспазия, что намного превышает Генрика Виснапу.

— Госпожа, вы принадлежите к какой-либо школе или литературному движению?

— Нет, — отвечает г-жа Крут. — Я пишу, независимо от школ и направлений, что я чувствую (...).

Поэзия г-жи Крут в форме японского стиха лаконичного, конденсированного, хрупкого. Песни её портреты (...) часто демонстрируют свою концепцию и содержание.

Читает мне песню нежным женским голосом с переливами:

Он ме љуби, он је леп,
Женствено чекам, он љуби,
О како су плашљиве месечеве струне
И како мртво мирише ... .

Ова ноћ је осмех пајаци,
Ова ноћ је испугани ирис
Он љуби, Он ће се смејати
Тако се снмеје само кастрирани.

Потом снова садится на кровать. Заворачивается в шарф. В моей руке была тетрадь (ее) стихов записанных каллиграфически. Тетрадь в синей обложке, маленькая, как коротки и ее песни. Мой взгляд случайно упал на посвящение: Игорю Северянину. Это полный цикл. Но это не претендует. Два поэты имеют права и право на жизнь поэзии.

Двадцать часов, когда этот разговор заканчивается. Я встаю. Встаёт с постели госпожа Крут и Игорь Северянин. Нас приветствуют, запотевшие окна бедного дома, в которые попали большие капли дождя (...).

Думаю, что в субботу будет возможность услышать интересную поэтическую пару тех, у кого поэзия к сердцу, независимо от того, какому направлению она не принадлежала бы. И ещё одно: Белградская публика, которая привыкла к бедному чтению, будет иметь возможность впервые услышать как поэты поют свои стихи.

Вполне вероятно, что Игорь Северянин поедет в Бессарабию и Болгарию и там будет читать свои стихи, а затем (поедет) в Париж.

3.

Вече Игора Северјанина

— Његова иронја, његова лирика и вера у жућени празник —

На Университету, пред скоро пуном двораном, Игор Северјанин читао је своје песме. Читао је песме из последњих десет година своје замашне мајстерске плодности. Песме различите битно од ранијих, од оних које су му донеле славу.

Игор Северјанин, стицајем околности, постао је сиромаш и избеглица. Није велико чудо што се у новим спољним животним условима изменило много којечега и у песниковом ставу према себи и према околини!

Игор Северјанин који се никада није нарочито одликовао благом речју за све што му није било драго постао је још оштрији, заједљивији, у многоме и хуманији. У злободневици уздигао се да понекад достигне строгост праведног бича. Тај

печат, врло често моћан и понекад целисходан, носе песме којима је ступно пред нашу публику, оно пола часа програма које носи заглавље: «Тамо, код вас, на земљи».

Овамо, код нас, на земљи, Игор Северјанин претура вредности дана, не увек доследно, али зато популарно. У неколико махова а галерији и партеру успео је био да наметне свој оштар ритам доступачних мисли и да пожње пљесак какав се не чује често у строгој двоарни Универзитета.

У песмама са обала естонских језера и севернога балтичкога мора где је песник проносио и свој дах и своју немоћ, Игор Северјанин трептери другим једним ритмом дубљим, одмеренијим, инстинкцијим.

У тој музици, која је сва руска и сва мирише на степену и четинар, Северјанин са радошћу коју даје сазнање, — открива цео свет, дотле њему недоступан, бескрајну природу, божју и руску.

Ту је, дабоме, плѣсак био најнеодлучнији. Понекад и чисто учтив.

Трећи део вечера, песме о жуђеном празнику, поезија са тезом, родољубиве химне, националистички полети у стиху и чемерна пророчанства избеглице који чека дан који му отворити врата домовине — но предмету самом — ствара најеушћу везу између избегличког песника и аудиториума добрим делом састављеног од Руса.

То није више био плѣсак већ грмљавина у једној мучној атмосфери, у трансу заједничком и песнику и онима који су дошли дага чују.

Игор Северјанин причинио нам је, на крају, и једно пријатно изненађење: прочито је неколике своје песме, давнашње, од пре ре-волуције и рата.

Чули смо Северјанина за кога смо знали: модерног трубадура, господственог, страшног, слаткоречивог у толикој мери да тренуцима постаје злбан, — уздижући реч до лепоте и богатства музике.

Песникова жена и сама песникиња, госпођа Фелиса Крут, није хтела својим доприносима да поремети искључивост поезије Северјанина.

Прочитала је само једну његову песму, један једар, сочан монолог. Прочитала га је мајстерки, заиста Игор Северјанин рекао нам је у једној од последних својих песама да не мари критику и да се ње не боји. То је ствар чисто лична и легитимна.

Али ово није критика. Само приказ.

«Politika», Beograd. XXVII, 24.XI.1930. Фото поета из «Politika». Автор, скорее всего Змей Горьнин.

*Описан вечер в зале Велика Дворана Универзитета 22 ноября 1930 года при участии Фелиссы Лотаревой, урожденной Крут
Подстрочный перевод с сербско-хорватского:*

Вечер Игоря Северянина

— его ирония, его лирика и вера в чаемый праздник —

В университете, почти полный зал, Игорь Северянин читал свои стихи. Он читал стихи последних десяти лет, плодovitое мастерство. Разные песни значительно раньше, чем те, которые принесли ему известность.

Игорь Северянин, по случаю, стал бедным и беженцем. Это великое чудо, что новые внешние условия жизни изменились, и погрузили поэта в себя и окружающую среду <природу>.

Игорь Северянин, который никогда особенно не отличался мягким словом про то, что ему не нравится, стал еще жестче, более тщательным, более гуманным. В злободневности по поводу того, что иногда достигает только кнут.

Этот штамп, очень выпукло <моћан>, а иногда и целесообразно, несут стихи <ступно> до нашей аудитории, что полуторачасовая программа, имеет заголовок: «Там, у вас на Земле».

Здесь, здесь, на земле, Игорь Северянин ищет значение дня, не всегда последовательно, но очень интересно. В ряде случаев в галерею и земле удалось навязать свои суровые <доступачных> ритмы мысли и пожать аплодисменты, как это не часто <бывает> в строгом зале университета.

Стихи об эстонских озерах и побережье северной части Балтийского моря, где поэт обретает и свое дыхание и слабость, Игорь Северянин теперь другим глубоким биением сердца, осторожным, инстинктивным.

В этой музыке, что все русские, и все запахи степные и хвойные, с радостью Северянин дает знания, — показывает всему миру, до этого недоступную, бесконечную природу, божью и русскую.

Были, конечно, аплодисменты. Иногда и просто учтивые.

Третья часть вечера — стихи о чаемом празднике, поэзия, <защитив диссертацию>, патриотические гимны, националистические взлеты в стихах и мрачные пророчества беженцев, которые ожидают день, когда он откроет врата родины — на самом деле — создает связь между поэтом-беженцем и аудиторией, в основном состоящей из русских.

Это уже не гром, а в беспокойной атмосфере, в состоянии транса вместе и поэт, и те, кто пришел к нему.

Игорь Северянин, как нам показалось, в конце концов, один из приятных <ненађење>: прочел несколько своих стихов, написанных еще до революции и войны.

Мы слышали Северянина, которого мы знали: современного трубадура, властного, страстного, сладкоречивого до такой степени, что моментами <ностаје> имею в виду, — поднимая вопрос о красоте и богатстве музыки.

Жена поэта и сама поэт госпожа Фелисса Крут не хотела расстроить своим вкладом в исключительность поэзии Северянина.

Прочла только одно из его стихотворений, один <jedar>, сочный монолог. Это мастер читал, действительно Игорь Северянин сказал нам в одном из последних своих стихотворений, не забывая о критике, что он не боится. Это дело сугубо личное и легитимное.

Но это не критика. Только обзор.

Преображенный поэт

Нам пишут из Белграда:

«Я сам себе боюсь признаться, что я живу в такой стране, где четверть века центрит Надсон, а я и Мирра в стороне...» Так жеманно добрых два десятка лет тому назад сетовал на судьбу «нежный и единственный» представитель «декаданса» русской поэзии, кумир гимназисток и молодых людей, претендовавших на изысканность вкуса. Это было на родине, где подобная поэзия казалась пряным деликатесом

С тех пор изменилось многое. «Я — гений Игорь Северянин превратился просто в хорошего и, если позволительно так выразиться, в «нормального» русского поэта. И эта метаморфоза пошла ему на пользу. Именно теперь, когда выплеснуты «ананасы в шампанском», брошены «каретки куртизанок» и прочие давно обратившиеся в хлам реквизиты, — особенно выделяется в Северянине то, что, самоценно в каждом художнике, — его своеобразное и значительное дарование.

Сейчас И.В.Северянин вместе со своей женой, молодой эстонской поэтессой Ф.М.Крут, гостит в Белграде. Годы не прошли бесследно. Огонь революции опалил пышный серпантин придуманных слов, — ветры изгнания сдули пудру претенциозности, — поэт вырос духовно, прежние юношеские наряды, в которых погоня за вкусом убивала самый вкус, ему уже не по размеру. Появилось в нем и то новое от подлинно прекрасного, что можно почерпнуть только из источников нашей классической поэзии. Но не только это. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Оставаясь поэтом, Игорь Северянин преобразуется теперь в гражданина.

Я наблюдал за аудиторией, наполнявшей огромный зал университета на его вечер в Белграде. Программа из трёх больших отделений. Первое отделение посвящено сатире на современность, второе — лирике, а третье — стихам о России. И когда поэт, бичуя разныя вычурности и выверты современной «культуры», как бы публично сжигает то, чему поклонялся, публика слушает его с интересом. Странной и новой кажется и его теперешняя простая и привлекательная манера чтения, без былых и неприятных завываний. Лирика же покорила аудиторию, а **стихи о России вызывают бурную национальную манифестацию...** Эта эволюция необыкновенно интересна. Не только изменился поэт, — резко изменились и вкусы толпы. И, может быть, прежний Северянин теперь бы вызвал только скуку жеманным рассказом о «выпитых и выплеснутых душах и женских, и девьих»... Не до этого теперь; для; этого гурманства нужен веками сложившийся и своей прочностью надоевший быт, ныне это — как говорят сербы — «луксуз».

«Новый» Северянин пришёлся по вкусу не только русскому Белграду, но завоевал симпатии и у югославян, с которыми была организована встреча поэта в одной из «кафан» с рядом югославских литераторов и теперь работает над переводами из сербской поэзии.

В союзе русских писателей и журналистов, куда поэт сделал свой первый визит, его приветствовал председатель союза П.Б.Струве, отметивший в своей речи то значение в культурном сближении родственных народов, которое имеют посещения Югославии русскими писателями, приезжающими из разных стран русского рассеяния.

В литературном отделении русского научного Института поэт прочтёт два доклада о русской предреволюционной поэзии, и очертить в них К.М.Фофанова и Ф.К.Сологуба. Русский Культурный Одбор приобрёл и выпускает его книгу «Стихов о России». Из Белграда И.Северянин поедет в Софию, оттуда — в Бессарабию, после чего — как мы слышали — посетит и Париж.

Вырезка из газеты «За свободу!» из номера за ноябрь или декабрь 1930 года в архиве Игоря-Северянина. В тексте упомянут один из вечеров в Белграде в зале Велика Дворана Универзитета — 22 ноября или 2 декабря при участии Фелиссы.

Le rêve vécu

Poète russe bien connu M. Igor Severjanin est arrivé avant quelque temps à Belgrade, où il fut chaleureusement reçu. A la Nouvelle Université, M. Severjanin a donné un recital de ses plus beaux poèmes et y a été frenétiquement applaudi.

Déjà bien avant guerre, Severjanin était en tête du mouvement moderniste en Russie. A Petersburg d'alors tous les salons littéraires parlèrent de lui avec enthousiasme comme decelui qui apporte un regain à la literature moderne. Après la revolution de 1917. Igor Severjanin s'est fixé près de la frontière en Estonie.

Pendant son séjour á Belgrade, il a écrit les lignes poétiques que nous reproduisons ici.

*

Depuis treize ans je vis en Esthonie, sur les bords méridionaux du golfe de Finlande froids, montagneux mais ravissants au milieu d'une forêt de pins parsemée de lacs innoni brables, où toute la gent poissonneuse pullule. Un torrent franchit sept chutes ou cascades. Ce torrent abonde en truites; il passe si près de ma maison que, par la fenêtre ouverte, son .murmure .enchanteur arrive á mon oreille.

l'habite dans un petit village de pêcheurs et je bénéficie de l'hospitalité comme aussi de l'affection d'un peuple modeste, laborieux et paisible. Je me suis entièrement consacré á mon art préféré et je suis presque heureux... heureux dans la mesure où pent être heureux celui qui a perdu sa patrie, grand pays qu'il adorait et où il était aimé.

Cependant, parfois, la nécessité austère m'arrache de cette nature nordique que j'aime tant depuis mon enfance et m'oblige à chercher ailleurs les moyens du subvenir à mon existence, plus que modeste, mais charmante, à l'abri des frivolités humaines, ascétique et poétique.

Je quitte alors tristement mes si séduisants amis, compagnons fidèles de ma vie idyllique — ma plume et ma ligne — et je pars pour l'Occident... vers l'Occident, car l'Orient patrie du Soleil et aussi la mienne se trouve toujours sous le joug de barbares que l'Europe n'a pas encore compris, mais qui ont cependant surgi dans cet Occident civilisé vers l'Occident qui est le tombeau du Soleil et qui peut être deviendra aussi je mien.

C'est ainsi qu'au cours des dernières treize années j'ai visité la Finlande, trois fois l'Allemagne, trois fois la Pologne, la Tchécoslovaquie, la Lettonie, la Lituanie. Partout j'ai mes inspirations — surgies au milieu de la nature, — simples et claires, comme elle même et partout je fus bien accueilli, car mes chants ne sont pas compliqués; ils sont simples et sincères. Les gens de la ville vivent une existence compliquée — mais pas toujours sage — pleine d'erreurs et d'absurdités; ils se plaisent parfois, ne fût-ce que par le chant du poète à s'approcher de la nature qu'ils oublient de plus en plus.

Certes, au cours de ces treize années j'ai visité un grand nombre de pays. Mais moi, Severjanin, (home du nord) j'étais attiré toujours fortement vers l'Adriatique, vers la Yougoslavie et son peuple que les autres peuples slaves et pour lequel j'avais déjà une attirance avant la guerre. Déjà en 1914, au début de la guerre mondiale, lorsque j'habitais Petersbourg, je disais dans mon «VICTORIA REGIA»:

«Pour la chère petite et audacieuse Serbie,
Nous avancerons, amis, unanimes et ardents».

C'est seulement au cours de l'automne que j'ai pu vivre mon rêve. Je suis arrivé dans ce pays qui m'attirait depuis si longtemps et voilà déjà un que je fouille curieusement et joyeusement le Belgrade si pittoresque; je partirais ces-ci pour Doubrovnik. J'admire du Kalemegdan le Danube témoin de l'histoire, sa fille rêveuse, la Save; du haut du Mont Avala, durant des heures entières je contemple la capitale du Sud et ses feux qui brillent comme la lueur des coeurs de ses habitants, coeurs si bons et si affectueux, coeurs; véritablement remplis d'affection. Peu à peu je prends contact avec «les voix du pays» — avec mes confrères les poètes; je les traduis déjà en ma langue maternelle et je suis sous le charme de la tendresse triste et de la pénétrante mélodie de leur langage ...

Mais je suis surtout touché et heureux à la pensée que la Reine de ce pays hospitalier et fraternel est une fervente de la pêche. Ce sport est celui que j'aime par dessus tout et je m'y adonne en Esthonie pendant des journées entières. Il y a un an j'ai découpé dans le Journal «Segodnja» (Aujourd'hui), de Riga, une photographie représentant Sa Majesté la Reine une ligne à la main.

Cette photographie est toujours avec moi et je désire terminer ainsi ce mots qui viennent du plus profond de mon âme:

— La Reine ne peut pas ne pas avoir une ame poétique si elle aime la pêche et par consequent la nature.

— Le Roi ne peut pas ne pas avoir une ame poétique qu'il a choisi pour epouse une femme poétique.

— Vive le Roi et la Reine, amis véritables et éprouvés du peuple russe, mon peuple.

Belgrade le 10/XII 1930.
Igor Severjanin

«La Bulgarie», София, вырезка за декабрь 1930 года без установочных данных. В личном архиве Игоря Северянина, Литературный музей в Тарту.

Предположительно, письмом в болгарскую газету поэт пытался найти возможности для гастрольной поездки, о чем свидетельствуют реверансы в адрес югославской королевской четы (Болгария в этот момент монархия). В материале использован шарж Н.Войтинской на Игоря-Северянина из газеты ««La Bulgarie»» Ниже приведен подстрочный перевод с французского:

Мечта жива

Известный русский поэт Игорь Северянин недавно приехал в Белград, где он был тепло встречен. В Новом Университете г-н Северянин дал сольный концерт из лучших своих стихотворений, ему отчаянно аплодировали.

Задолго до войны Северянин положил начало модернистскому движению в России. В то время все петербургские литературные круги говорили о нем с восторгом, как о поэте, который принес обновление современной литературы. После революции 1917 года Игорь Северянин оказался недалеко от границы в Эстонии.

В Белграде он написал поэтические строки, которые мы приводим здесь.

*

Тринадцать лет я живу в Эстонии, на южном берегу холодного Финского залива, в прекрасной гористой местности среди соснового леса усеянного бесчисленными озерами и речкой, изобилующими рыбой. Поток проходит семь водопадов и каскадов. Поток полон форели. Он так близко от моего дома, что через открытое окно, его очаровательный шепот достигает моих ушей.

Живя в маленькой рыбацкой деревушке, я пользовался гостеприимством и окружением людей скромных, трудолюбивых и мирных. Я полностью посвящен моему любимому искусству, и я почти счастлив .... счастлив в том, что сдерживаемый быть счастливым как тот, кто потерял свою родину, страну, которую он любил и где его любили.

К сожалению, я оставил моих друзей, верных спутников моей идиллической жизни — мое перо и мою линию <та ligne> — и я уехал на Запад ... на Запад, потому что на востоке Солнце и моя родина все еще находится под гнетом варваров, чего Европа до сих пор не поняла, <но до сих пор не возникло в цивилизованном Западе> на Западе, который является Гробницей Солнца и она, может быть, тоже станет моей <гробницей>.

Так что за последние тринадцать лет я побывал в Финляндии, в Германии три раза, три раза в Польше, Чехословакии, Латвии, Литве. Везде находил вдохновение — которое есть в лоне природы — просто и ясно, как и она, и меня везде встречали, потому что мои песни не сложны, они просты и искренни. Горожане ведут сложное существование — но не всегда разумное - полное ошибок и нелепостей, а иногда им нравится, не только петь подход <fütse> поэта к природе, что они забывают дополнительно.

Конечно, за тринадцать лет я побывал во многих странах. Но я Северянин (дом на севере) и всегда тяготел к Адриатике, к народу Югославии <более> по сравнению с другими славянскими народами, к которым у меня было влечение до войны. Уже в 1914 году, в начале Первой мировой войны, когда я жил в Петербурге, я говорил <об этом> в своем <сборнике> «Victoria Regia»:

*«За малую, милую и смелую Сербию
Мы крепко и пламенно, друзья, постоим!».*

И только осенью, я могу жить своей мечтой. Я приехал в эту страну, что влечет меня так долго, и вот я возвращение поиск с любопытством и радостью живописном Белграде, я хотел бы оставить его для тех, дубровницких. Я восхищаюсь свидетелем истории Калемегданом на Дунае, девушки моей мечты сохранились на вершине Mont Avala, в течение нескольких часов я созерцаю в столице Южной и пожаров: их блеск, как зарево в сердцах его жителей, сердца так хороши и так ласковы, сердца наполнены реальной любовью. Постепенно я вступил в контакт с «голосом страны», - с моими коллегами, поэтами, я перевожу их уже на своем родном языке, и с любовью, с грустной нежностью и проникающими мелодиями на <их> языке ...

Но я особенно отмечу, что счастлив при мысли, что королева этой гостеприимной страны является горячим поклонником рыбалки. Это спорт, который я люблю больше всего, и я занимаюсь этим в Эстонии в течение многих дней. Год назад я вырезал из журнала «Segodnja» (Сегодня), Рига, фотографию Ее Величества королевы, <руки линии>. Эта фотография всегда со мной, и я хочу закончить словами, которые исходят из глубины моей души:

— *Королева не может не иметь поэтическую душу, если она любит рыбалку и, следовательно, природу.*

— *Король не может не иметь поэтическую душу, потому что выбрал женой поэтическую женщину.*

— *Да здравствует король и королева, проверенные и верные друзья русского народа, моего народа.*

Белград 10/XII 1930 года.

Игорь Северянин

Fri.

Večer Igorja V. Severjanina

Recitacija pesmi — Razgovor e pesnikom

V četrtak se je v dvorani Francoskega instituta v Narodnem domu vršil pesniški večer enega najpomembnejših početnikov moderne ruske poezije, utemeljitelja ruskega futurizma Igorja V. Severjanina. Že zdavnaj pred njegovim obiskom je dospel do nas njegov sloves; njegovi rojaki v emigraciji, pa tudi naši ljudje, ki so kot ujetniki doživeli Rusijo, vedo navdušeno pripovedovati o njegovih triumfalnih pesniških večerih, ki jih je pred vojno in za vojne prirejal po vseh mestih Rusije in na katere je vrelo od blizu in daleč predvsem mnogo mladine, ki je v njegovih ekstremnih, času in družbi v posmeh zlaganih verzih čutila izpoved svojega srca in svojih stremljenj. Po prevratu se je Severjanin kakor mnogo njegovih najaktivnejših sodobnikov znašel to kraj ruskih meja, v emigraciji.

Zdaj je zavrgel posmehu joče se, ironične forme, ki so bile v carski Rusiji prav gotovo eden izmed številnih duhovnih simptomov v dvoje prelomljenega časa, v samotni emigraciji je šel vase in se našel še enkrat: človek v svoji brezupni, brezmočni izolaciji sredi sveta, človek s svojim večnim domotožjem po preproščini tihe kmečke domačnosti in bele dekliške ljubezni in človek, ki ne more nehati verovati, da bo njegova silna, dobra, stara Rusija prišla nekoč še nazaj.

Po uvodni formalnosti, ki jo je v imenu Ruske Matice opravil univ. prof. Spektorski in po kratki karakteristiki pesnika, ki jo je v slovenščini izpregovoril dr. Preobrazenski, se je pojavil Sevtrjanin sam: čudovito obličje pesnika-borca, v katero mu je gigantsko, v svet požar razpaljeno notranje življenje razrilo globoke, rezke poteze, postava kakor postava človeka, ki se je za svojo požitijo pod solncem boril s krvjo svojega srca in si jo je nazadnje tudi priboril.

In tak je poteni čital svoje verze: Glubok glas kakor it bezdna, verze iz bezdna človeškega srca. Njegov prvi cikelus, Ironija, je bil en sam zadušen klič pesnika po človeku, ki ga od nikoder ni, eno samo obupno trkanje na duri srca, ki se morda nikoli ne bodo odprla.

Te pesmi so bile kakor elementarna reakcija na prejšnje negacije, tako lahko kliče po človeku samo nekdo, ki ga je bil zavrgel tako lahko terja dobrote in ljubezni samo nekdo, ki se jim je bid nekoč smejal. Ta cikelus nas je morda najbolj razgibal in ogrel. — Potem je sledila lirika, pristrčne, silne pesmi o poljih in vaseh, o kmečkih kočah in preprostih ljudeh, o ribičih in čevljarjih, o solncu in o ljubezni. Človek je imel vtis,

da se Severjnin zateka na vas in v tiho ljubezen kakor človek utrujen od velikega in hrupnega sveta, kakor gospod, ki se je vrnil med svoje in mu je dobro med njimi, pa je le vse zaman in more nehati biti gospod. — zadnji ciklus je bil posvečen Rusiji; bile so to preproste, zdaj pa zdaj prav prisrčne pesmi o domovini, nad vsemi pa je prevladovala žgoča izpoved emigranta: saj bo še vse spet prišlo, kakor je bilo, naša Rusija se nam bo vrnila. Te pesmi je navzoče rusko občinstvo skoraj vsako no i bej sprejemalo z navdušenim aplavzom.

Bil že lep večer. Mimo pesnikovih rojakov je bila dvorana polna naših <...> dentov in mladine, med katero živi prav intenzivno zanimanje za rusko kulturo.

* * *

Bilo je že blizu polnoči, ko sem se na neko liko neroden, reportersko vsiljiv način približal omizju v restavraciji Zvezda, kjer je Igor V. Severjanin prijetno in udobno kramljal sredi svoje ruske družbe, da ga zmotim na nekaj minut in ga naprosim za nekaj malo nekaj o stvareh, ki utegnejo zanimati naš kulturni publikum. Bilo mi je malo nerodno, ko se a po posredovanju g. dr. Kuna sedel zraven pesnika in sem videl, da sem ga iztrgal iz srede prijetnih razgovorov. Igor V. Severjan in se mi je zdel tain, za mizo, iz oči v oči iz neposredne bližine, malo bolj oddaljen, kakor prej na recitacijskem večeru, ko je bila njegova pesem med nami in njim. Zdaj je sedel tu visok, plemenit ruski aristokrat, malo truden od poznega večera, od dolge poti in od vsega, samozavesten jasen v sebi in vase zaprt, in njegovi odgovori na moja radovedna vprašanja so bili nagli, kratki, malobesedni.

Kako se kaj živi ruskemu pesniku t emigraciji? sem vprašal, kako kaj živi in dela on sam in kako kaj drugi ruski književniki po svetu?

Čez njegov obraz je legel lahek smehlaj, kakor da je tako vprašanje čisto odveč — pa saj so vsa taka vprašanja na svetu v resnici.

— Jaz živim kakor slavec v naravi, je dejal. In malo vem o tem, kaj počno drugi v emigraciji. V samoti živim in nimam n zvez z nikomur. Ko so v revoluciji zmagali boljševiki, sem videl, da v Rusiji nimam ničesar več iskati, pa sem se vrnil v Estonijo na svoje letno bivališče. Potem so nas Nemci odrezali od Rusije in tako sem v Estoniji ostal. Do ruske književne produkcije v emigraciji je precej težko priti, knjige vo zelo drage, dočim je v Rigi sovjetsko-ruske literature vedno dovolj in poceni na trgu, ker nimajo boljšoviki nikakih konvencij z vnanjimi driavami v tej zadevi in torej ni nobene ovire, da ne bi knjtuarne v Estoniji in drugod prosto ponatisnile dela njihovih pisateljev. Tako je prišlo do tega, da imam kot emigrant več vpogleda v snovanje današnje sovjetsko-ruske književnosti kakor pa emigrantske.

Potem sem ga zaprosil za nekaj besed o **Bloku**: to ime je iz njegovih pesmi na večeru nekajkrat tako toplo zazvenelo.

Тогда я спросил его несколько слов о **Блоке**: это имя в его стихах ночью тепло звучало несколько раз.

— Blok je eden naših največjih, najpomembnejših pesnikov. Značilno je zanj, da je pozdravljajl revolucijo in se je obenem bal njenega prihoda. Osebnost ga nisem poznal.

Na vprašanja, kako sodi o njegovih **Dvanajst**, je Severjanin dejal:

— Blok sam ni vedel, kaj pomeni Dvanajst; to delo je tipična podzavestna umetniška ustvaritev.

Potem me je zanimala njegova sodba o **Jeseninu**, ki je v naših očeh najsilnejša pojava v mladi ruski poeziji in o katerem jo znano, da je zelo priljubljen tudi med vso mlado generacijo v današnji Rusiji.

— Jesenin je bil velik talent, toda stilno je zelo okoren in brez moči. Veliki doživljaji svetovnega merila, katerih mrgoli njegovo življenje, srečanje z Izidoro Duncan, njegova hrupna potovanja po Evropi in Ameriki — vso to mu je v veliki meri prineslo njegov renome in mu je nazadnje prineslo samomor! Njegov sloves je mogel zrasti samo v času, ko je ruska poezija v splošnem upadanju, in vse to ropotanje z njegovim imenom ga polagoma le ne bo moglo rešiti popolnega pozabljenja.

Na to ostro sodbo svoj čas tako hrupnega vodje ruske estetske revolucije in dandanes tako preprosto pojočega pesnika ruske vasi in stare, dobre Rusije o Jeseninu, tem najtragičnejšem vagabundu, iz kmečkega doma izgubljenem v mesto in široki svet, tem skelečem sanjaču o skoraj isti Rusiji in njenih vaseh, mi je bilo kar malo težko ob zadnji zelji: izvedeti kaj malega še o književnosti današnje Rusije. I. V. Severjanina pa je pripovedoval:

— Poezije v Rusiji dandanes pravzaprav ni, proza pa izkazuje zelo mnogo nadarjenih ljudi: **Leonov, Katajev, Romanov, Lidin, Lavrcnjev** itd. Tehnika, način pisanja teh pisateljev je občudovanja vreden, in če zmorejo ti ljudje takšne stvari celo v razmerah, v kakršnih se najjajo, smemo upravičeno pričakovati, da bi dali pri svobodnejših pogojih še vse drugačne stvari.

Razgovor se je bil že malo zavlekel, dame v pesnikovi družbi so se narahlo postale nervozne. Opravičil sem se in sem šel. In ko sem se po cestah vracal proti domu, mi je bilo pri srcu kar nerodno in lepo: lepo mi je bilo nad srečanjem s pesnikom iz velikega, neznanega sveta in nerodno mi je bilo nad tistim visokim, zaprtim hladom, s katerim je Igor V. Severjanin govoril z menoj.

— Toda najbrž je bil pesnik zelo truden, samo za nekaj malo časa se je ustavil v Ljubljani na svoji poti iz Beograda v Pariz.

«Jugoslovan», 31 января 1931 года.

Подстрочный перевод со словенского:

В четверг в зале Французского института в Народном доме состоится вечер поэзии начинателя современной русской поэзии, основателя русского футуризма, Игоря В. Северянина. Еще до его визита донесли до нас его репутацию, его соотечественники в изгнании, а также наши люди, которые пострадали во время событий в России, с энтузиазмом рассказывали <они> о его триумфальных довоенных и военных вечерах поэзии повсеместно в России, которые согревали многих ближних и дальних, особенно молодежь в ее крайностях, в насмешках над временем и обществом, смелые стихи ложь чувствовала признание своих сердец и своих устремлений. После переворота, Северянин, как и многие из его активных современников сочли, что место русских за границей, в изгнании (эмиграции). Теперь он насмехается в ироничной форме над жизнью в царской России, что безусловно, один из многих духовных

симптомов (...) человек в его безнадежности, одиночестве в обществе, человек с его вечной тоской по родине по простотой тихой домашней жизни <ктейске>, по чистым девушкам и любви к человеку, который не может перестать верить, что его сильная, добрая, старая Россия вернется назад.

После вступительных формальностей во имя Матери России профессора университета Спекторского и после короткой характеристики поэта, перевода на словенский доктора Преображенского, появился Северянин: красивое лицо поэта-воина, выглядит гигантом, мир огня распаленный глубокой внутренней жизнью, резкие движения, что свойственно человеку, который кровью своего сердца боролся за свое место под солнцем и в конечном счете победил.

В сольном концерте читал свои стихи: глубокий голос из бездны, стихи из бездны человеческого сердца.

Его первый цикл, «Ирония», крик поэта человеку, который из ниоткуда отчаянно стучит в двери сердца, которые никогда не могут быть открыты. Те песни были как элементарная реакция на предыдущие отрицания (...) У слушателей сложилось впечатление, что Северянин – это убежище тихой любви для них, потому что человек устал от большого и шумного мира, как джентльмен, который вернулся к своим, но только зря и не может перестать быть джентльменом. — Последний цикл был посвящен России (...) проникновенные песни о родине, исповедь эмигранта, признание: все будет там снова, как это было, нашей России, мы вернемся. Те песни, затронули русскую аудиторию и были приняты под восторженные аплодисменты.

* * *

Был прекрасный вечер. Зал был полон соотечественников поэта и наших <...> и молодежи, которая живо интересуется русской культурой. Было уже около полуночи, когда несколько неуклюже репортер в ресторане «Звезда», где Игорь В. Северянин был в центре внимания русского общества, перебил его и попросил несколько минут, чтобы расспросить о нескольких вещах, которые могут заинтересовать нашу культурную публику. Я был немного смущен после вмешательства др. Куна, сидя рядом с поэтом, я увидел, что я прервал приятную беседу посередине. Игорь В. Северянин, казавшийся таинственным, за столом, непосредственно лицом к лицу, до этого вечером чтение стихов было между им и нами. Сидит здесь седой м высокий, благородные черты русского аристократа, немного уставший к концу ночи от долгого путешествия, уверенный в себе, четкий и замкнутый, и его ответы на мои любопытные вопросы были острыми и короткими.

Как живет русский поэт в эмиграции? Я спросил, как он живет и что он делает сам, что делают другие русские писатели в мире?

На его лице легкая улыбка, как если бы такой вопрос был совершенно излишним — но в мире реальности они все-таки вопросы.

— Я живу, как соловей в природе, сказал он. Мало что знаю о других в изгнании. Живем в одиночестве без связей с миром. Когда во время революции победили большевики, я увидел, что в России нет ничего, я вернулся в Эстонию в свою летнюю резиденцию. Когда немцы отрезали нас от

России, то я остался в Эстонии. Для русского литературного производства в эмиграции довольно трудно и дорого получить книги, в то время как в Риге на рынке советско-русской литературе всегда достаточно и дешево, потому что они не имеют никаких конвенций с большевиками <...> и поэтому нет никаких проблем барьеров, которые мешали бы в Эстонии и за рубежом свободно воспроизводить произведение их авторов. Так случилось, что у меня есть более глубокий взгляд на конструкцию советско-русской литература, чем эмигрантский.

— Блок является одним из наших крупнейших, значимых поэтов. Он приветствовал революцию и в то же время боялся ее прихода. Я лично не знал его.

На вопрос о том, как он оценивает его «Двенадцать» Северянин сказал:

— Блок сам не знал, что значит «Двенадцать», эта работа типичный случай бессознательного художественного творчества.

Тогда я был заинтересован в его суждении о Есенине, который в наших глазах сильнейшее явление в молодой русской поэзии, которая, как известно, очень популярна у молодого поколения в современной России.

— Есенин был большой талант, но очень громоздкий и бессильный стиль. Великий опыт мирового класса, которого роились его жизнь, встреча с Айседорой Дункан, его шумные поездки в Европу и Америку — все это в значительной степени подорвало репутацию и, наконец, привело к самоубийству! Его репутация может расти только в то время, когда русская поэзия в сплошном упадке, и все, что связано с его именем это медленно просто не будет в состоянии защитить от полного забвения.

— Поэзии в России сегодня фактически нет, проза имеет очень много талантливых людей: Леонов, Катаев, Романов, Лидин, Лавринев, и т.д. Техника письма этих писателей, достойна восхищения, и если эти люди могут делать такие вещи, даже в условиях, в которых разумно пережить <...>

Интервью немного затянулось и дамы в компании поэта стали немного нервничать. Я извинился, и ушел. Я шел по дороге к дому, моему сердцу было довольно неловко и приятно: я была хорошей встречей с поэтом <...> и я был смущен той холодностью, с которой Игорь В. Северянин говорил со мной.

— Но, наверное, он был поэт, ненадолго остановившийся в Любляне на своем пути из Белграда в Париж.

Н.Р. (Николай Рыбинский)

Едва не погиб Игорь Северянин
(От белградского корреспондента «Сегодня»)

Сараево, 25 января 1931 года. Утро после катастрофы.
Слева из-за плеча Игоря-Северянина выглядывает Валентина Бернинкова.

Пребывание в Югославии, где И.В.Северянин провел довольно долгое время и пользовался исключительным успехом, едва не окончилось для него трагически.

После Белграда, где поэт выступал в ряде вечеров и прочел несколько лекций в Русском Научном Институте, он по предложению Русского Культурного Одбора, объехал русские кадетские корпуса и женские институты, где выступал с чтением стихов о России. Культурный Одбор приобрел для издания три книги его стихов, и пребывание поэта в Югославии вышло исключительно благоприятным и в материальном отношении.

Перед отъездом в Париж, И.В.Северянин с супругой проехал в Дубровник. И на обратном пути в Белград между станциями Мостар и Яблонца поезд вследствие обвала скалы потерпел крушение. Катастрофа произошла ночью. Разбитый паровоз свалился в пропасть, товарный вагон был разбит в щепы, а следующий, в котором ехал И.В. повис над пропастью.

В разговоре с белградскими друзьями поэт очень живописно рассказывал об этом случае:

— Темная ночь. Крики перепуганных пассажиров. Снизу из пропасти доносятся стоны машиниста и кочегара. Нависший над пропастью вагон; чтобы выбраться из него, пришлось по коридору ползти на четвереньках, цепляясь за скамьи. Полную неустрашимость проявила моя жена. Захватив в помощь крестьянина, она отправилась в вагон и вынесла все вещи, несмотря на то, что вагон мог каждую минуту сорваться в пропасть.

— Сильное потрясение перенесли?

— Отделался сильными ушибами. Но отхожу, уже мелькают рифмы, и этот случай единственный в моей жизни, опишу в стихах.

Завтра с утренним поездом И.В.Северянин уезжает, Мы тепло прощаемся.

— Ощущение исключительной теплоты и сердечности уношу с собой из Югославии. Прекрасная страна и прекрасные люди живут здесь: и югославы и русские, — лучшее воспоминания обо всех.

«Сегодня», Рига, 1931 год, февраль. Вырезка без установочных данных и фотография в личном архиве поэта. Литературный музей в Тарту. В письме к Хильде Францдорф Игорь-Северянин описал катастрофу:

«Что касается катастрофы, она произошла в ночь на 25 янв. в Герцеговине, между станциями Мостар и Яблоница. Был тропический ливень, перед нашим поездом свалилась размытая скала на рельсы. Паровоз из-за угла налетел на нее, подпрыгнул и скатился в пропасть к реке Неретва. За ним багажный вагон, а за ним наш I класса. Остальные вагоны остались наверху. От паровоза остались лишь щепки, багажный исковеркан первой своей половиной, а наш уперся в багажный. Получился крен в 90 градусов... Нас сбросило вниз. Стены обиты бархатом, и потому отделался лишь ушибами левого виска. Фишенька очутилась вверх ногами. Часа два пробыли в кошмарном состоянии, когда выбрались из вагона: тьма, ливень, факелы, крики, стоны умиравшего машиниста, которого придавило обломками паровоза. Солдаты его откапывали. Затем прибыл вагон с паровозом, и нас отвезли в Яблоницу, а оттуда в новом составе поехали в Сараево».

Игорь Северянин

о своей поездке в Югославию и Париж

Возвращаясь из заграницы в Ревель, вчера в Риге был поэт Игорь Северянин, совершившей продолжительную поездку по Югославии, а затем побывавший в Париже.

— Мое заграничное турнэ, — рассказывает Игорь Северянин, — началось в октябре прошлого года, Первый вечер стихов был устроен в Варша-

ве союзом еврейских писателей и к журналистов. Это было по дороге в Югославию, где я провел несколько месяцев. По приглашению так наз. Державной комиссии попечения о русских беженцах я прочел две лекции о русской поэзии в научном институте при палате академии искусств. Затем, комиссия поручила мне выступить с чтением стихов на вечерах в русских институтах и кадетских корпусах в ряде провинциальных городов. В Белграде состоялись три моих концертных вечера — в том числе два в большом зале университета, — прошедших при полных залах. Выступал я также на вечере в память Блока, устроенном русским союзом писателей и журналистов, а также на вечере музыкального общества.

Державная комиссия приобрела три моих книги. Одна из них «Классические розы» (лирические стихи за 1922-1930 г.г.) вышла на днях в Белграде, другая — «Медальоны» — сонеты о поэтах, писателях и композиторах, заключающие в себе 100 характеристик в стихах, выйдет в свет в апреле. Третья книга носит название «Люнь». Это роман из петербургской жизни до революции, написанный онегинской строфой.

Побывал я также в Париже, где два моих концертных вечера также прошли при полных залах.

Признаться, я даже не ожидал за границей такого теплого приема. Столько лет оторванности от русской аудитории казалось мне, не могут пройти даром. Но русские люди на чужбине, видно, не забывают своих писателей. Впрочем, повышенный интерес к русской поэзии в Югославии проявляли, не только русские, но и коренное население.

Вырезка из газеты «Сегодня» за 1931 год (не раньше февраля) без указания конкретной даты в личном архиве Игоря Северянина в Литературном музее в Тарту.

Н.С. (Сергей Нальянч)

В Литературном Содружестве

В воскресенье 1 ноября состоялось очередное закрытое собрание Литературного Содружества, на котором присутствовал, находящийся сейчас в Варшаве Игорь Северянин и его жена, поэтесса Филисса Крут. Кроме того, заседание посетил известный польский поэт, друг русской поэзии Юлиан Тувим.

Открывая заседание В.В.Бранд приветствовал от лица Содружества и Союза Русских Писателей и Журналистов (председатель Союза не мог быть по болезни) Игоря Северянина В.Крут и Юлиана Тувима.

После приветствия Л.Н.Гомолинский прочел доклад о творчестве Довида Кнута. Так как по недостатку времени не состоялось обсуждение доклада, доклад же представляет собой большой интерес и будет предметом об-

суждения одного из следующих заседаний Содружества, то в настоящее время преждевременно высказываться по существу доклада.

После доклада — обычный «Круг» Содружества, в котором принял участие Игорь Северянин, и прочел несколько стихотворений.

В конце «Круга», уступая желанию собравшихся, поэт выступил еще раз.

Феликса Крут, которая теперь пишет исключительно по-русски, также привяла участие в «Круге» Ее стихи, собравшимся малознакомые, очень содержательны и певучи.

Из поэтов Содружества в Кругу (первом и втором) приняли участие О.Барт, В.Вранд, Е.Быховская, С.Концевич, С.Киндякова (прочитавшее новое стихотворение), Л.Гомолицкий, С.Войцеховский, С.Нальянч. Присутствовавший на заседании кн. Л.А.Лыщинский-Троекуров прочел несколько своих стихотворений.

Закончилось заседание чашкой чая и оживленной беседой.

«За свободу», Варшава, после 1 ноября 1931 года.

Сергей Иванович Нальянч (Шовгенов, 1902-1979) — поэт, критик, публицист, член «Литературного Содружества» в Варшаве, сотрудничал в газете «За свободу!» «Наше время» (Вильно), организатор и председатель Виленского Содружества поэтов.

Л.Г. (Леонид Гомолицкий)

Концерт Игоря Северянина

3 ноября в помещении Союза Еврейских Писателей и Журналистов состоялся концерт И.В.Северянина. Поэт познакомил с новым периодом своего творчества (1922-1931 г.г.), прочитав стихотворения, вошедшие в сборники: «Классические розы», изданный в Белграде, и «Литавры Солнца», который пока находится в рукописи, но готов к печати.

Перед нами новый Игорь Северянин: его своеобразная знакомая лёгкость и свежесть поэтического языка перенесена на строгую классическую почву. В темах: природа, семья; созерцательное умиротворение, мудрое презрение к людям, которое исходит из живой требовательности к их человеческому достоинству. Все разбросанная по прежним сборникам блестящие смиренного лирического покоя; и одинокого ума здесь сливаются в одну напряжённую ноту.

На Голубой цветок обрек Новалис,—
Ну что ж: я незабудка голубá.

Вернувшись из шумной культурной жизни к природе Северянин понял

Игорь-Северянин, не установленное лицо и Фелисса Лотарева.
Фотография сделана на гастролях, предположительно в 1931 году,
возможно перрон в Белграде или Варшаве.

Что мне не по пути с культурой
Утонченному дикарю
Что там всегда я буду хмурый,
Меж тем, как здесь всегда горю...

И вот здесь, у моря, среди лесов поэт вновь находит себя.

Идти лесными тропками легко
Бесчисленные обходить озера,
Идти не очень тихо и не скоро,
Дышать сосной и влагой глубоко,
Со мною только удочка моя —
Дороже всех услад земных тростинка.

Созерцательность дает поэту новые силы к творчеству, и язык его
обретает живую спасательную силу. Как сам говорит он:

облагораживает мне уста
непререкаемая красота

Вот несколько отрывков, дающих понятие о современной манере Северянина изображать:

И с каждым километром тма
Теплела точно тон письма
Теплеет с каждой строкой,
Письма к тому, кто будет твой
.....
Отдыхали на камне горячем и мокрым.
Под водою прозрачною видели дно.
.....
Когда же легли все спать
Вышел я на крыльцо:
Хотелось еще, опять
Продумать ее лицо...
На часах фосфорился час.
Туман возникал с озер

И душу поэта посещает мирное смирение, мудрое спокойствие

Всех женщин все равно не перелюбишь,
Всего вина не выпьешь все равно...
Неосторожностью любовь погубишь,
Раз жизнь одна и счастье лишь одно.

Северянин говорит: «Людское свойство таково, что не людей оно пугает». Посреди дикого мира, моря и озер, бродя со своей удочкой — «тростинкой» и стихами поэт чувствует себя Паном, задумавшимся вдалеке от суеты, катастроф и борьбы «так называемых людей», двуногих «сверхзверей». Возвращаясь же к ним, он теперь чувствует много горечи и находит бичующие и призывающие к «Человеку» слова —

Чем эти самые живут,
Что вот на паре ног проходят?
Пьют и едят, едят я пьют —
И в этой жизни смысл находят...
Надуть, нажиться, обокрасть,
Растлить, унижить, сделать больно
Какая им иная стать?
Ведь с них и этого довольно.

Новая строгая манера чтения пришла со строгостью нового содержания стихов. За сдержанными размеренными слогами чувствуется скрытая волнующая сила.

«За свободу!», Варшава, после 3 ноября 1931 года.

Гомолицкий Лев Николаевич (Г.Николаев; 1903-1988) — русский и польский поэт, эссеист, критик, литературовед и художник-график, участник ряда литературных объединений Чехословакии и Польши, выдающийся организатор литературной жизни русского зарубежья в странах Восточной Европы (прежде всего, в Польше).

Отъезд Игоря Северянина

Варшава. 4.11. Сегодня в 3 ч. 55 м. дня выехал в Югославию и Болгарию Игорь Северянин вместе с супругой. На вокзале поэта провожали представители русских литературных организаций и русской колонии.

«За свободу!», 4 ноября 1931 года.

Игорь Северянин на Балканах

Провел больше двух месяцев. Он объехал Болгарию и Югославию, везде выступал со своими вечерами стихов.

Эти выступления начались с Варшавы, потом перебросились на Югославию. Игорь Северянин объехал города Марибор, Птуй, Любляну, Белград, а в Болгарии устраивал свои вечера в Софии, Пловдиве, Плевне, Старой Загоре, Сливене и Тырнове.

В состав программы его стихотворных вечеров вошли произведения из последней изданной книги «Классические розы», затем цикл «Адриатика» и «Литавры солнца». Везде Игорь Северянин пользовался большим успехом, вызывая особенный подъем в залах чтением стихов «О России».

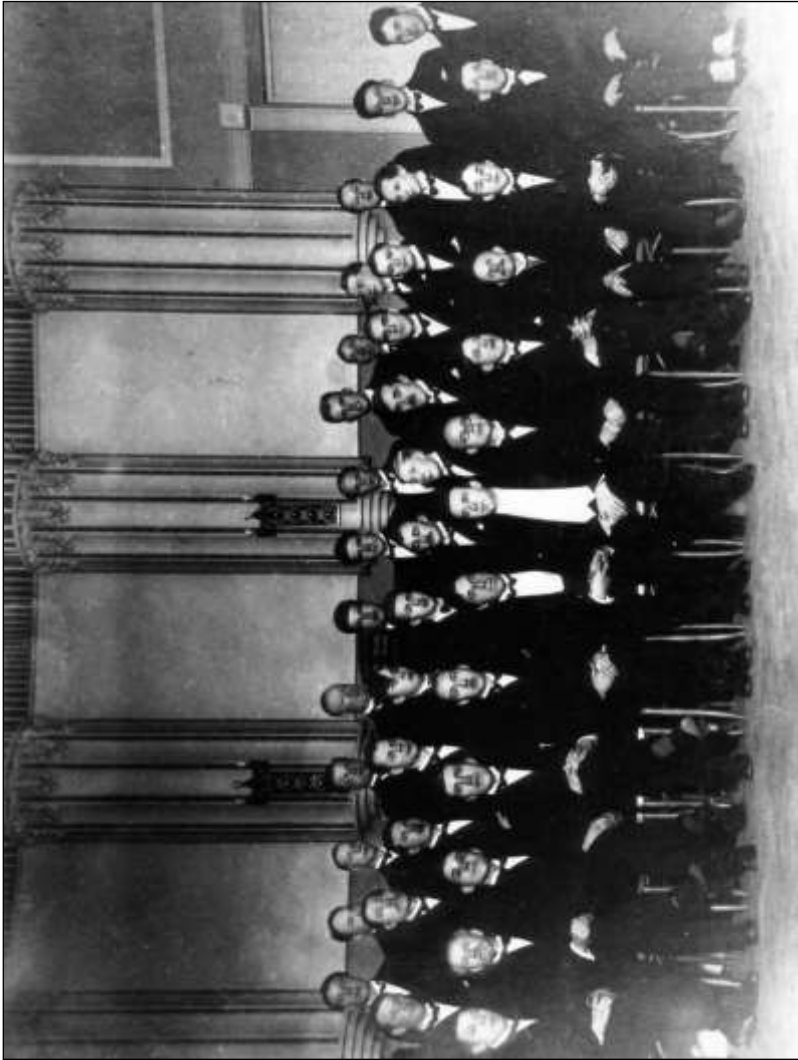
Поездка по балканам Игоря Северянина не ограничилась только одними вечерами стихов, — поэта пригласили сотрудничать в балканских газетах. В Югославии министерство народного просвещения предложило Игорю Северянину присылать свои стихи и статьи, и они будут рассылаться для помещения в органы югославской печати.

Вчера через Ригу Игорь Северянин возвратился к себе в Эстонию, — м.Тойла — где он безвыездно живет больше десяти лет.

«Сегодня», 3 января 1932 года.

Русский мужской хор.
Игорь-Северянин и Иван Степанов сидят в центре.

Концерт русского мужского хора

Русский мужской хор под управлением И.Х.Степанова выступил в концертном зале «Эстония» с новой, довольно разнообразной программой и имел большой успех. Ансамбль достаточно дисциплинирован, некоторые произведения, как, например, «Эй, ухнем», «Вниз по матушке по Волге», звучали хорошо, понравились также комические народные песни: песня о «Камаринском мужике», «Ах вы, сени», и др. Общее равновесие голосов нарушалось отчасти слабым количеством теноров, поэтому при *forte* верхи были жидковаты.

Солисты-тенора звучали недостаточно прочно и немного тремолировали. Кроме того, хор выстроился неудачно: певцы развернулись слишком широко, отчего аккорды звучали несколько рассеянно.

Кроме хора, на вечере выступил поэт Игорь Северянин, прочитавший несколько своих прекрасных, глубоких по содержанию стихотворений, приобретших еще особую убедительность благодаря тому, что они исходили из уст самого автора, явно переживавшего, «перестрадавшего» каждое слово, каждую мысль. Его интонация удивительно гармонирует с произносимыми словами, поэтому стихи оставляют весьма глубокое впечатление. Игорь Северянин имел громадный успех, читал на *bis*, но публика все снова требовала добавлений.

«Вести дня», № 41, 18 февраля 1932 года

Концерт Игоря-Северянина с Русским мужским хором под управлением Ивана Харитоновича Степанова состоялся 16 февраля 1932 года.

II. (Петр Пильский)

Ни ананасов, ни шампанского

С этим именем связана целая эпоха, Игорь Северянин был символом, знаменем, идолом лет петербургского надлома. Можно привести длинный ряд слов с этим корнем: «лом»: излом, надлом, перелом, — что-то перебалованное, оранжерейное, тепличное выросло, зацвело на российской темной земле, — барствовало, изгибалось и кокетничало. Кто не помнит успехов Игоря Северянина, его «грезе-рок», «ананасов в шампанском», «мороженого из сирени»?

Все изменилось. Умер Петербург, переродился Игорь Северянин. Казалось бы, вывод прост: Северянин — поэт гримасничающего города?.. Нет. Столичные наваждения оказались минутными. Сейчас Игорь Северянин — поселянин («Классические розы»). Город им проклят. Это — «нелепость». Жить в городах, — запереться по душным квартирам для поэта — «явный вздор».

Современность Северянина раздражает. Она променяла «искусство на фокстротт», взрастила «жестоких, расчетливых, бездушных и практичных». Неприятны и женщины: «Ты вся из Houbigant, Ты вся из маркизета! Вся из соблазна ты! из судорог ты вся». Возмущают «лакированные кавалеры, злит чарльстон, Отгалкивает и вся Европа («рассудочно-черствая»). Чуждой и обманчивой кажется сама культура («Культура! Культура! — кичатся двуногие звери!»).

Свое утешение поэт находит в семье, в тишине далекой Той-лы, в мюнхенской удочке, в ночных мечтах и книгах. Мелькают имена писателей и поэтов: Пушкин, Бальмонт, Блок, Надсон, Малармэ, Лесков, Достоевский, Метерлинк, Киплинг, Гумилев, Ахматова, Георгий Иванов вспоминаются театры, актеры, композиторы, Мейерхольд Рахманинов, Петербург и Москва, новгородская глушь и Нарва, Новая книга Игоря Северянина — книга отречений, книга отказа от прошлого и от самого себя:

— Сам от себя — в былые дни позера,
Любившего услад дешевых хмель —
Я ухожу раз в месяц на озеро...

Поверхностному слуху с этих страниц, прежде всего, зазвучит мотив успокоенности. Это неверное восприятие. В книге поселена тревожность. Здесь — обитель печали. Слышится голос одиночества. В этих исповедях — вздох по ушедшему. Перед нами проходит поэтический самообман. Втайне и тут все еще не угомонившееся «Я». («Кто Я? Я — Игорь Северянин, Чье имя смело, как вино»). С прошлым не расстаются. Его тащат, как горб, — до могилы. Беглые видения не меркнут. Отсюда — вздохи и сожаления. («Все найденное подрастерял, и вот, слезами взоры орошая, Я говорю: жизнь прожита большая»). Ни скорбь по России, ни мечтательные надежды на ее новое обретение, ни любовь к родной стране, ни жизненные потрясения, ни седина, ни годы не изменяют, ни разрушают основного строя души, не умерщвляют коренных, врожденных возвращенных пристрастий.

У поэтов это особенно наглядно выдает их лексикон, и склонность к словесной изобретательности все так же, и по-прежнему, шалит у Северянина и сейчас «предвоскресье», «предгневье», «ноче-ла», «пламного», «мечтальня», «радый» (от слова «рад»), «ненужье», «оволжен», «остариненный», «оновленный», «ужал» («ужалить»). И т. д.

В своем душевном складе Северянин — неизменен. В нем есть упрямство, упорство, стойкость, вера в себя, в какую-то свою пра-воту, и внутренняя самонадеянность. Отсюда — часто встречающаяся неряшливость, небрежность нежелание контролировать свои строки. За это ему приходилось не раз слышать осуждения, встречать укоры. Они заслужены.

И, все-таки, Игорь Северянин — личность и самостоятельность. Если даже иногда он кажется босым, то за плечами у него — плащ. Носить эту эффектную ненужность умеет не всякий. Сейчас он спешенный воин, но это — воин.

«Сегодня», 15 сентября 1932, Рига.

Георгий Адамович

Классические розы

Игорь Северянин — имя дореволюционное, одно из тех которые после революции, казалось, канули в небытие. Много лет о нем ничего не было слышно. Невозможно было представить себе, чтобы теперь, в новых условиях жизни — или точнее при новом отношении к жизни, опять появились прежние, беспечные и легкие северянинские «поэмы». А ждать от Игоря Северянина чего-либо другого не было оснований.

Его невероятно быстрый и невероятно-шумный успех в 1912-1914 гг. таил в себе все элементы непрочности. Не произойди даже никаких событий, слава Северянина должна была бы скоро померкнуть, Он был ведь, прежде всего «любимцем публики», а публика капризна и требовательна: Северянин сначала озадачил её, потом очаровал, — потом неизбежно наскучил бы, если бы волей судьбы не исчезла и сама «публика» и её любимцы. На северянинские «поззовечера» ходили, как на модную диковинку: поглядеть, посмеяться, покачать головой в такт незатейливой мелодии, которую пел поэт, убедиться с приятным удивлением, что самое передовое даже «футуристическое» искусство вовсе не так грубо и непонятно, как о нем говорят...

Уже через два-три года интерес начал падать, и приходилось из Петербурга и Москвы переключиваться с «концертами в Самару или Таганрог. Уменьшалось и число читателей, а, главное, поколебалась первоначальная их убежденность в исключительной северянинской гениальности. Брюсов и Сологуб на первых порах Северяниным увлекшись, поглядывали на своего «претеже» хмуро и выжидательно: славой он как будто бы их забил, а поэзия его, все-таки, какая-то игрушечная, сомнительная. И противоречие чувствовали все. Был в первые годы войны вечер в Петербурге, в зале Городской Думы, где выступали Блок, Сологуб, Ахматова, ещё кто-то, не помню точно, — и Северянин. После двух-трех начальных выступлений, раздались крики:

— Северянина! Игоря! Северянина!

Сологубу едва дали дочитать стихи. Северянина же «не отпускали с эстрады», — как выражаются о примадоннах. При выходе из зала, в толпе только и слышались возмущения: «Какое безобразие! Сологубу два хлопка. Блоку тоже, а Северянину овация!» Но овацию устроили те же, кто десятью минутами позже возмущался.

Все-это было очень давно. Книги Блока и Сологуба читаются, как прежде, и будут читаться еще долго. Стихи Северянина забыты. Казалось, — навсегда.

Но вот после многолетнего молчания, — новый его сборник «Классические розы». Эта книга возбудит, конечно, везде любопытство. Другой вопрос: совершится ли вместе, с нею «возрождение» Игоря Северянина, воскреснет ли внимание к нему? Правду сказать, не думаю.

По отсутствию из Парижа, мне не удалось быть на чтениях, которые прошлой зимой устроил здесь поэт.

Рассказывали мне о них много, интересного. На первый вечер пришли будто бы в довольно большом числе молодые здешние литераторы, настроенные заранее иронически. Они тоже собрались поглазеть на «дикивинку», но уже совсем по другому: свысока, с вершин собственного достоинства. И вот совершилось чудо, — Северянин их восхитил, изумил. После скуности, скудости и анемичности вдохновения у большинства современных, поэтов этот «фонтан», бьющий стихами неудержимо, показался чем-то волшебным. Не хотелось говорить о недостатках. Хотелось только благодарить за эту «Божьей милостью» поэзию... Так мне передавали люди осторожные, проницательные. Я им поверил, тем более что, по их словам, «Северянин стал совсем другой: он больше не подвывает, а читает как все, вырос, стал мудр прост». В одаренности Северянина никто никогда не сомневался. Если же он «вырос», то, как было не поверить, что слушатели восхитились его новыми стихами не напрасно?

Но одно дело — слушать, другое — читать. Разумеется, северянинский словесный «фонтан» не иссяк, разумеется, у него осталась все та же природная, чудесная легкость сложения стихов, разумеется, у него по-прежнему попадают строки и строфы прелестные по ритму и звуку, скользящие, лежащие, взвывающиеся... Но приходится напомнить то, что уже много раз было сказано: одного стихотворного дара мало для того, чтобы стать поэтом, одного ритма и звука мало для стихов! Требуется еще и сознание, их оживляющее.

Ты вся из Houbigant!
Ты вся из маркизета!
Вся из соблазна ты!
Из судорог ты вся!

Под этими стихами дата: 1930 г. Каждый может убедиться, насколько Северянин «вырос» или «изменился». Сборник, правда, далеко не весь, — в таком тоне, в таком стиле. В нем много стихов, посвященных России, много размышлений на темы возвышенные или глубокие. Однако эти новые стихи не украшают сборника, — скорей, наоборот. Пока Северянин воспекает какую-то женщину «всю из маркизета», или, как ни в чем, ни бывало, вновь говорит:

Кто я? Я — Игорь Северянин,
Чьё имя смело, как вино!

— перед нами существо странное, взбалмошное, причудливое, какая-то редкая заморская птица, с которой, кроме трелей и фиоритур, ничего, в сущности, не спрашивается. Но иногда наша птица принимается рассуждать:

Вот подождите, Россия воспрянет,
Снова воспрянет, и на ноги встанет,
Впредь ее Запад уже не обманет
Цивилизацией дутой своей...

Это, право, уже не стихи, это — катастрофа... Не лучше и с обличениями современной городской жизни, «забывшей о святыхнях, об искусстве и любви, о красотах презираемой природы», где поэты скрываются

От запросов желудка, от запросов живота.

Сборник полон курьезов. То мы узнаем, что «моя жена всех женщин мне дороже», — заявление похвальное, но мало интересное; то поэт, составляя свой донжуанский список, признается, что

«Их было у меня не меньше, чем озер
В лесу, где я иду...»

А озер, оказывается, «не меньше ста». То поэт предлагает своему собрату Бальмонту «с презрением благодушным взирать на двуногих...» — и так далее.

Книгу перелистать не скучно, — местами приятно. Впечатление двойся: очень талантливо и очень плоско, — как было и прежде. Но прежде поэзия Северянина неизменно бывала «прости Господи, глуповатой», — и в этой неприязнительности, по-своему, оригинальна и мила. Теперь, претендуя на классицизм и мудрость, она нередко становится, просто-напросто несносна.

Вырезка из непоименованной парижской газеты 1932 года в «Записную книгу И.В.Лотарева. Eesti, Toila, 1920».

«Классическія розы. Стихи 1922-30 г.г. Том XXI». Белград, в серии «Русская библиотека. Книга 33», 1931, тираж 2.500 экз.

Упомянуто выступление Игоря-Северянина в Петербурге в Александровском зале Государственной Думы 25 января 1915 года на концерте в пользу «Лазарета деятелей искусств» вместе с А.Ахматовой, А.Блоком, Ф.Сологубом, Н.Тэффи, Евг.Чириковым, М.Кузминым; а также два выступления Игоря-Северянина в Париже, 12 и 27 фев. 1931 года в залах «Debussi» и «Chopin» на Rue Daru, 8.

Как работает И.Северянин

Гиацинты — злые цветы. Утрачивает красоту.
Две новых книги Северянина. Лесная тишина.
Тойла вдохновляет.

Корреспонденту нашей газеты удалось на минувшей неделе провести беседу с королем поэтов Игорем Северяниным, который выступил на литературно-музыкальном вечере в помещении «Ильмарине». Здесь поэт исполнил свои новые стихотворения.

Северянин живет уже в течение долгого времени в Тойла. «Я не бывал в Нарве свыше четырех лет, — сказал Северянин в ответ на вопрос нашего сотрудника, — однако я чрезвычайно люблю этот древний седоглавый город, овеянный ароматом средневековья.

Я гостил в Двинске у писателя Формакова, там мне вспомнилась Нарва, покой стародавних бастионов, Темный сад, река и я написал несколько стихотворений».

На вопрос нашего корреспондента о том, как работает поэт, последний ответил: «Все склонны думать, что я легко сочиняю стихи, без всякого усилия, но это не верно. Я над каждым стихотворением долго работаю. Моему труду благоприятствует прекрасное безмолвие лесов Тойла, здесь я создал довольно много стихотворений. Близость к природе — это безбрежный родник вдохновения. Меня нередко навещают как эстонские, так и русские литераторы. Их приезд доставляет мне огромную радость. Духовная связь с единомышленниками весьма благотворно влияет на мое творчество, придает мне силы, обогащает меня новыми мыслями и оттенками.

На протяжении моей литературной деятельности я издал свыше 23 сборников. Так, в течение последних лет вышли в свет две книги: «Классические розы» и «Адриатика». Из этих сборников я исполнил два стихотворения на вашем интересном и содержательном литературно-музыкальном концерте, проведенном в зале «Ильмарине».

Нынче я вновь собираюсь навестить славянские страны, где я дам вечера своей поэзии. Я вполне доволен своим посещением Европы. В Париже, Варшаве, Белграде, Софии и в других столицах меня очень сердечно принимали, мои вечера имели успех. Всюду, где бы я ни выступал, я исполнял стихотворения, в которых звучал привет седой Балтики».

«Известия Алутагузе», № 16, 24 февраля 1932 года.

«Адриатическая бирюза»

Игорь Северянин. — «Адриатика» — лирика.

Эстония, Нарва — 1932 г.

Новая книга стихов Игоря Северянина — это лирические воспоминания о путешествии, которое совершено им год тому назад по Югославии и Болгарии.

В нежных, красивых стихах, северный поэт, восхищенный богатством юга стран «Мандаринов и мимоз» воспевае с удивительной простотой этот новый мир.

Какой изумительный каприз природы!

Ты представь, снег разгребая на дворе,
дозревают апельсины... в январе!
Здесь мимоза с розой запросто цветут.
Так и кажется — немые запоют!»

или же

«Пальм захочешь — оглянись-ка и гляди:
справа пальмы, слева, сзади, впереди...
А вот здесь, обвораживает мне глаза —
адриатическая; бирюза».

Поэт счастлив, что одна мечта свершилась, и он увидел долгожданное Адриатическое море. И юг привлекает, зовет Игоря Северянина, ибо там снова любимое море, солнце, лазурь, горы, грозы, ливни и маленькие города с их приветливыми виллами.

Новые впечатления сливаются в новую, свежую волну радостных, любимых напевов. Поэтическое сердце, облагороженное зеркальностью адриатических волн, доверчиво и искренно открывается перед все новыми и новыми неожиданными картинами чародейного края.

И поэт восторженно приветствует этот привлекательный Юг лирическим взлетом в безграничную синь, уходя надолго от тяжелой и жестокой повседневности. Особенно прекрасны в этой книжке «Адриатика» стихи «Январь на Юге», «Горный Салют», «В долине Неретвы», «Адриатическая бирюза» и «Наступает весна». А в «Голубом цветке» повторяет красивые строки стиха

Всех женщин все равно не перелюбишь,
Всего вина не выпьешь все равно...

И хорошо, что верный своему призванию, Игорь Северянин не умолкает, а продолжает творить.

Восемнадцать книг! Шестнадцать тысяч экземпляров стихов.

Один, живя, на берегу Финского залива, в северной глуши Эстонии, Игорь Северянин, в своем уединении пишет свои впечатления о балканских странах. Он радоотно вез «привет от Балтики седой» на юг, любя этот новый

для себя край, как любит он родину и людей, забывших его как человека, и как поэта.

«Наше время», Вильно, № 204 (687), 1 сентября 1932. В оригинале статья подписана «Григорий Соргонин». На вырезке рукой Соргонина поправлено «Георгий».

Георгий Соргонин (Розвадовский, Георгий Константинович; 1904-1976) — доктор юридических наук, секретарь Апелляционного суда; председатель «Барки поэтов» (Вильно); член Литературного содружества (Варшава); сотрудничал в журнале «Звено» (Львов), в газетах «За Свободу!» (Варшава), «Виленском утре», и др. См. в архиве Н.Г.Аршас письмо Соргонина:

«Дорогой Игорь Васильевич

Ваше письмо и открытку с 8 и 9 июня я получил 11 июня в 3 часа дня. Вы очень поздно выслали их, ибо 10 июня — воскресенье и здесь почтальон не разносит почту. Мне страшно жалко, что я Вас с Фелиссой Михайловной не встретил — вина не моя, но обидно, что Вы сами не зашли к нам, ведь мы недалеко от вокзала живем — а хлеб и соль для Вас всегда найдется у меня на столе.

На днях пишу большое письмо, ибо есть у меня к Вам интересное дело. Новости!!! Как Ваша и моя книжка?

Целую и привет.

Жорж

13.VI.34»

Соргонин спрашивает о своей книге «Северное. Собрание стихотворений. Книга первая», Эстония, Нарва, 1933 год. Сборник стихов Соргонина был издан при участии Игоря-Северянина.

В 1937 году Соргонин прислал поэту сборник своих стихотворений «Весна в декабре» (Варшава, 1937, тираж в 500 экз. отпечатан в Вильно). Одно из стихотворений в сборнике было посвящено Игорю-Северянину:

В ответ на письмо

В мой день рождения Ваши именины!

Не правда ли, приятна весть?

*Признайтесь сами, сладостно прочесть
для русского народника былины!*

*Теперь падучи на стихи и сплины.
Но Вы — один! Вы — избранный поэт!
Из всех стихов изысканней сонет!
В мой день рожденья Ваши именины!*

*Смотрю и рад: заполнены витрины
и книг ряды уходят в потолок.
Там Сологуб, Есенин, Брюсов, Блок,
там Ваших книг излюбленные спины.*

*Люблю вино, стихи и апельсины,
капризной девушки чувствительную месть.
В семейной хронике мне нравится прочесть,
что я родился в Ваши именины.*

Варшава. 1937 г.

Г. (Л. Гомолицкий)

Игорь Северянин «Адриатика»

Лирика. Издание автора.
Эстония. Нарва. 1932 год.

Маленькая книжка в серой обложке, изданная автором в 500 экземплярах, ничем не напоминает Игоря Северянина первых сборников поры его блестящего и мгновенного расцвета. Но есть в ней несколько скромных стихотворений из тихого и ничем не возмущенного источника поэзии. Чувствуется в ней искренность, которой не было в прежних дерзаниях поэта, которые создали его шумную славу.

По-видимому, Северянин нашел себя, свою скромную простую сущность, скрывавшуюся под пёстро разрисованной маской нарочитого оригинальничания первых лет — лет успеха. Нашел её в изгнании, в своей пустынной Тойле, в лесах и на берегах Эстонии.

Новую книжку его раскрываешь без трепета — от Северянина уже не ждешь «откровений». Стихи, отражающие путевые впечатления, бледны и прозаичны. Они похожи на письма с дороги, написанные по заказу. Нет в них живой наблюдательности. Ни одной останавливающей мысли, ни одного подлинного поэтического образа. Переводы с сербского вызывают вопрос — стоило ли переводить эти устаревшие по содержанию и по форме стихи.

Лучшее в маленьком сборнике, имеющем всего 32 страницы, последние три стихотворения: «Голубой цветок», «На необитаемом острове», «Наступает весна...». Здесь свое подлинное, интимное. Скромный мир умиротворенной души поэта.

К сборнику приложен полный список всех выступлений и всех книг Игоря Северянина, начиная с «Громокипящего кубка», вышедшего в нескольких изданиях в 34348 экземплярах, и кончая последнею книжкой. Точно автор подвел итог своему творчеству — своей жизни.

Издан сборник с большим вкусом.

«Молва», №138. 21 августа 1932 года.

В заметке повторена ошибка поэта: действительный размер тиража «Громокипящего кубка» 31348 экз.

П-ский (Петр Пильский)

Дорожная тетрадь поэта

Год тому назад Игорь Северянин совершил большое путешествие по Европе, долго пробыл в балканских странах Югославии и Болгарии, выступал в Белграде, Сараево, Дубровнике, Софии, Плевне. Всех его концертных остановок, разумеется, не перечислить, но в это турне вошли, и совсем маленькие городки, вплоть до Нового Бечея.

Эти места не могли не оставить своего следа в стихах поэта. Только что вышедшая книжка Игоря Северянина похожа на лирический дневник, альбом стихотворных записей, собрание поэтических фотографий, отзвуки благодарного, и восхищенного сердца.

Чудесный юг произвел на поэта большое впечатление, освежил и ободрил путешественника-северянина. Горы, солнце, апельсины, зреющие в январе, ранние мимозы, лазурь, море, старые города с давно замолкшими шумами, распрощавшиеся с историей, населенные видениями и голосами прошлого, самый воздух юга, его женщины и смех стали темами, этих, лирических пьесок этой новой книжечки, озаглавленной «Адриатика».

Она полна нежности, ее писали признательные воспоминания, в ней отразились женские образы, — отдельные стихотворения посвящены девушкам и женщинам. В «Адриатике» вообще много посвящений, — это интимная тетрадь.

Воспеты «адриатическая бирюза», Дрина, «ядовито-ярконо-зеленая»,

Текущая среди отвесных скал,
Прозрачна ты, как девушка влюбленная,

Явствен, будто отсюда слышен, освежающий гром в горах, Дубровника, в краю мандаринов и мимоз:

Тара-ра-ррах. Та-ра-ра-ррах...
Нас встретила гроза в горах.
Смеялся молний аметист
Под ливня звон, под ветра свист.

Поэта поразили южный январь в зеленеющих пальмах, изукрашенный цветами; весь воздух юга («Это не веянье воздуха, а дыханье Божества»), очаровали золотые дни, — какое знакомое упоение северного человека, его мгновенная влюбленность в эту непривычную легкость, непередаваемое струение в невиданные краски.

Господи! Голубоватые вижу брызги на весле.
Это же просто немыслимо неземное на Земле.

Это записано в очаровательном Дубровнике (Рагуза) на вилле «Флора мира» — только подумать! — в декабре. Кружили голову, заставляли сильнее биться сердце рождественские праздники в Ядрани, когда «море было так небесно» все — вокруг «солнечно слепящее» и волшебная прогулка в нагорном Градаце. Потом Пераст в золотистой белизне, стройные красавицы Конавли, перевал через вершинный Ловчен, высоты Калемегдана, туманный Земун, мутная Сава, восходы и спуски, кабачки и встречи, вечерние беседы, и даже катастрофа — крушение поезда в горах низринувшегося «из-за обвала в бездну».

Книжка проникнута встревоженным и восхищенным чувством неожиданных перемен, упоительных встреч с новым миром. Такие путешествия несут окрыления, возрождают, и говорят о счастье.

На Игоря Северянина балканский юг должен был подействовать особенно внушительно после милого безмолвия эстонской Тойлы, зим и снегов, благостное дыханье Адриатики показалось благодатной весенней нежностью. Туда поэт привез «Адриатической волне привет от Балтии седой». Но Северянин сказался и тут, верный себе и родным привычным картинам. Адриатическая весна очаровала, но трогательной осталась весна севера.

Мох в еловом лесу засинел, забелел в перелесках.
О, подснежники, вы — обескрыленные голубки!
И опять в ущербленных, губчатых, коричневых, резких.
Ядовитые ноздри свои раздувают сморчки.

Все последние годы Игорь Северянин проявляет верность своему единению. Он стал верен и постоянен во многом. Отдельные признания в этой книжке говорят о давних привязанностях человека, и страстный рыболов, автор мечтал и в Рагузе «попасть на заманчивый Локрум да и с лодки кефаль половить заодно». Верен Игорь Северянин и своему теперь укоренившемуся отчуждению от города. Среди кактусов и пиний, среди голубых и сизых скал,

он вспоминает с отвращением, с искренним изумлением о том, что есть еще люди, живущие удовлетворенно «в городах, как в каменных гробах». А между тем —

Ведь есть же мощь почти невероятная,
Лишь в сновиденьях мыслимая мощь,
Взволновывающая и понятная,
И песенная как весенний дождь.

Петербургский период Игоря Северянина давно отцвел, увял и умер, и городских оболещений нет. Появилась жажда простоты, свежести, просторов земли. Прежнее осуждено и погибло. Осталось лишь то, чего, победить не может, также как основной строй своего духа, тяготение к словотворчеству, к своеобразной выразительности, капризам личного языка. Но и тут нет подчеркнутости, ни рисовки. В этой интимной книжке поэт искренен, доверчив и откровенен.

«Сегодня», № 233, 13 августа 1932 года.

Владимир Мончинский

Игорь Северянин в Кишиневе

Та-ра-ра-ра-ах! Та-ра-ра-ра-рахь!
Нась встретила гроза в горах.
Смеялся молний аметист.
Под ливня звон, под ветра свист.

Горный салют Игоря Северянина

Так же неожиданно вчера приехал впервые в Кишинев прославленный поэт Игорь Северянин, имя которого знает всякий читающий по-русски. Вчера он посетил нашу редакцию.

Из беседы с ним мы узнали, что он совершает турне по Европе. В Кишиневе он предполагает устроить вечер поэзии, на котором прочтет свои старые и новые стихи.

«СТАРЫЕ» и «НОВЫЕ», потому что есть «старый» Игорь Северянин и есть «новый» Игорь Северянин.

Старый Игорь Северянин это — бушующее сердце, напоенное шумами города, пламенные дерзания, сгусток нервов, фейерверк острых и пряных переживаний.

Пей! Хохочи! Танцуй! Спешу!
Воспламенись! Всех жги! И сам гори!
Сгори! Что там беречь?!

Рискуй! Рубись! Выигрывай пари!
В свой фаэтон сумей момент запретить!
Сверкай мечом! Орлом пари!

(Дифирамб.)

Вскоре в настроениях поэта наметился перелом.

«Цветы, огонь, вино и кастаньеты»

— это порождение убийцы жизни — города стали томить душу.
Захотелось упоющего воздуха, ветра, грез, дыханья леса, земли,
скал, тишины, векового раздумья.

Вь деревне хочется столицы...
В столице хочется глуши...
И всюду человечьи лица
Без человеческой души.

Конечно, все же, лучше деревня — она — сильнее, ядренее.

И он бежал из душных городов в рыбацьи хижины, в поле, в горы,
на просторы земли.

И бежал совершенно не поэтически на «обыкновенной бричке».
Незадолго до своего бегства поэт пел:

Скорей бы - в бричке по ухабам!
Скорей бы - в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам,
Как друга, целовать врага!

Свершилось.

Кончилось безумие, пришла примиренность.

И теперь, напоенный великими таинствами природы, умудренный
шелестом осеннего листа, ростом трав, плеском волны, бесконечностью небес,
хрупкой нежностью подснежников — Игорь Северянин поет о славе бытия, о
новых чаяниях.

Прими же сердечно, южный Кишинев, Северянина, которого обаял
наш юг.

Я Север пел, – не пел я Юг.
Но я поэт, природы друг,
И потому салют в горах:
Та-ра-ра-ррах! Та-ра-ра-ррах!

Салют — Вам, Игорь Васильевич!

«Наша речь», Кишинев, до 17 марта 1933 года. Вырезка без даты и указания на издание в личном архиве поэта, ныне в Литературном музее в Тарту. Первое выступление Игоря Северянина в Кишиневе состоялось в зале Примарии 17 марта 1933 года — Поэзовечер, организованный «Союзом бессарабских журналистов-профессионалов».

Прощальный вечер Игоря Северянина

По просьбе союза журналистов-профессионалов Бессарабии, поэт Игорь Северянин согласился дать прощальный поэзовечер по совершенно новой программе.

Для того чтобы удовлетворить желание широких масс послушать и увидеть поэта, вечер устраивается в обширном зале театра «Экспресс». Конечно, цены местам назначены исключительно низкие.

Поэт прочтет ряд новых стихотворений, а также и старые стихи из сборника «Ананасы в шампанском». Кроме того, будут прочитаны стихи о Бессарабии и Кишиневе.

Особенное внимание заслуживают переводы поэта из Эминеску и стихи, посвященные югославской королеве Маріоре.

Вступительное слово скажет проф. Коцовский.

Поэзо-вечер состоится в пятницу, 31.

«Наша речь», Кишинев, до 31 марта 1933 года. Вырезка без даты и указания на издание в личном архиве поэта, ныне в Литературном музее в Тарту. Вечер при участии Леонида Евцикого (ред. «Золотого петушка») состоялся 31 марта в Кишиневе.

Михай Эминеску — (Mihai Eminovici, 1850-1889) румынский поэт, классик румынской литературы. Игорь-Северянин перевел несколько его стихотворений. В рукописи «Литавры солнца» стихотворения «Озеро», «Доброй ночи!», «Сквозь вершины...»

Догорели огни

Тревожащим, ярким, слепящим метеором промелькнул в нашем тихом Кишиневе вечер поэзии Игоря Северянина, — его, настолько «бессмысленно чудесного, что пред ним (раньше) склонялся смысл», а теперь, настолько осмысленно мудрого, что, перед ним склоняются мудрые.

После окончания вечера почитатели поэта чувствовали его скромной трапезой, во время которой почтенный проф. Коцовский превратился в искрометного юношу.

Стихи нашего земляка — поэта Л.Евицкого одобренные Северянином, доставили много наслаждения ценителям филигранного.

Для тех, кто не приобщился к этой полной чаше, уповательно сладкого творчества Северянина, можно сегодня продекларировать:

Облетели цветы, догорели огни...

Увидите ли и услышите ли Вы когда-нибудь Северянина.

«Наша речь», Кишинев, после 31 марта 1933 года. Вырезка без даты и указания на издание в личном архиве поэта

Описан Поэзовечер 31 марта 1933 года, организованный «Союзом журналистов-профессионалов Бессарабии» в театре «Экспресс» при участии редактора журнала «Золотой петушок» Леонида Евицкого.

К-ћ. (Евгений Кисевич)

Необичан интервју са необичним књижевником Руски песник Игор Северјанин жели да се од 20 књига његових песама 18 спали на ломачи

Човек чије је зан имање — пецање

Синоћ је читао своје песме у сали Руског официјерског дома велики руски лиричар, ранији футуриста Игор Северјанин.

Нашли смо га у пансиону «Руска семја», тамо где луксуз и комфор «модерне гастрономије» још није триумфовао. Место које одговара човеку апстрактних појмова и прохтева, лиричара од крви и нерва.

Са њим је његов менаџер г. Страхов, који ће га отпратити до трпезе Руског друштва, где је Северјанин данас гост београдског руског песника Евг. Кисевића, заједно са својом женом песникињом Фелисом Крут.

У трпези Руског друштва седимо крај уобичајене вотке, коју Северјанин не пије. Дуго чекање на буљон, пауза до печења, пауза до компота.

«Смедеревка» је симпатија овог песника. У чекању и паузи разговор, више обавештавање Северјанина о београдским познаницима из руске колонаје.

Споразумевање је ишло тешко јер Северјанин говори савршено руски. Па ипак...

Ево нашег разговора:

— Јесте ли у Румунији јавно чита ли своје песме?

— Да. У Кишеневу, Аккерману и Букурешту.

— На руском?

— Да. Разумела су ме руске избег лице и Молдавани, Румуни са руском културом. Слушали су ме и Румуни.

— Допада ли вам ее Румунија?

— Толико да се мислим тамо стал по настанити.

— «Стално», то значи за Северјанина само годину дана, — објашњава његова господа.

— Јесте ли тамо читали и своје песме о Далмацији?

— Јесам, са истим успехом као и у Паризу.

— Спремате ли што ново?

— У Варшави се штампају две збирке мојих песама «Медаљони» и «Лугне».

— Шта задрже «Медаљони»?

— То су сонети посвећени песницима и књижевницима.

Сверјанин набраја неколико песника и књижевника. Запе му реч код Ремарка.

— Шта мислите какав је разлог светском успеху Ремарковом?

— Његова необична јасноћа, лакоћа, ненамештеност и природност.

— Шта сте у сонету писали о Ремарку?

— Прозом се то не да казати.

— Ја мислим да је сваки ратник при читању Ремарка поново проживео грозоте рата и згрозео се. То је успех књиге «На западу ништа ново», — додаје гђа Фелиса Крут.

— Јесте ли написали сонет и о којем нашем књижевнику?

— О Јовану Дучићу.

— Које нам ново изненађене спре мате за суботу?

— Читаћу старее своје стихове, написане још 1913.

— Једна концесија најширим слојевма, — објашњава гђа Фелиса.

— Хоћете ли читати и нове радове?

— Хоћу, песме које сам написао у Бесарабији.

— Посвећене едној Пољакињи, у коју се мој муж заљубио у Бесарабије! — додаје мирно његова госпоћа.

— Јесте ли љубоморни?

Још питате, одговорио је Северјанин, који је очима брзо тражио потврду Фелисину.

— Јели тешко писати песме у ово време привредне кризе?

— Врло тешко.

— Можете ли се изоловати из ових брига?

- Песник има начина, али ове при вредне бриге чине многе слушаоце не осетљивим за висока песничка надахнућа.
- Занимају ли вас дневни проблеми?
- Песник је ван спољних утицаја сав обузет чистом лириком
- Што држите о политици?
- Мрзим политику ради политике. О томе сам дао своје мишљење у збирци песама «Класична ружа» ко ја је изишла у Београду.
- Шта вас интересује у Београду?
- Нови град, темно овог европског напретка импонује ми.
- Како песник гледа на варош уопште?
- Одричем сваку важност граду. Ја сам противник урбанизма и сматрам да је бесмислица бити затворен по цео дан у мрачном стану, кад је природа тако лепа.
- Каква је ваша песничка концепција о народу?
- Особиту концепцију немам, јер песник не види разлике. За њега су људи само људи. Мој је поглед све човечански.
- Али ипак правите разлику између човека и жене?
- Волим жену.
- Реци Пољакињу! Знате његова нова љубав је Пољакиња, — поправља га и допуњује гђа Фелиса.
- Каква је улога жене у поезији?
- Поезија и жена, обе су женско рода.
- Волите ли жену мушкарачког типа?
- Не волим. Али волим интелигентну жену.
- Ви сте преводили песника Крклеца. Хоћете ли преводити и друге наше песнике?
- Хоћу. Превод Крклеца плод је личног додира. Добио сам суви превод његове песме, којој сам дао песничку форму на руском језику.
- Шта ве разумете под лириком?
- Лично, несебичне, унутрашње осећаје који надахнућем постаје друштвена својина, занимљива целом свету.
- Јели у поезији битна: реч, ритам, слик или мисао?
- Није битно «шта» већ «како».
- Да ли је у поезији потребна суштина?
- Јесте.
- Како ви пишете?
- Пишем брзо, а радим дуго.
- Да ли су ваша надахнућа ограничена?
- Најплоднији сам у је сен, и дању.
- Има ли ваша жена удела у вашем песничком стварању?
- Има. Она је осетљива, даје добре савете, и има изврстан укус.
- Она је, дакле, први лектор ваших песама?
- Да.
- Какве су ваше жеље?
- Да спокојно живим и радим.
- Јесте ли икада у животу имали неко занимање?

— Не разумем ваше питање.
 — Видите, Крклџ је лиричар и уједно секретар Београдске берзе.
 — Сад разумем. Јесте, пецао сам рибе!
 — Да ли вас је тај рад инспирисао?
 — Јесте, написао сам песму о једној удици.
 — Он тој удици тепа као некој воленој жени — додаје гђа Фелиса.
 — Колико килограма је имала најтежа риба коју сте упецали?
 — Осам фунти.
 — Која је ваша песма најбоља?
 — Написао сам преко двадесет збирки песама. Волео бих када би из њих могао пробрати песме за све га две збирке, а остале да спалим на ломачи.

«Vreme», Beograd, br. 4083, 19 мая 1933

Подстрочный перевод

**Необычное интервью с необычным писателем
 Русский поэт Игорь Северянин хочет из 20 книг
 своих стихов 18 сжечь на костре**

Человек, чья профессия — рыболов.

Прошлой ночью читал свои стихи в зале дома Русского офицерского дома великий русский лирический поэт, бывший футурист Игорь Северянин.

Мы нашли его в пансионе «Русская семья», где роскошь и комфорт «современной кухни» не восторжествовали. Место, которое соответствует человеку с абстрактными понятиями, желаниями, поэту крови и нервов.

С ним его менеджер г-н Страхов, который будет сопровождать вас к столу Русского общества, где Северянин гость белградского русского поэта Евг. Кискевича вместе со своей женой, поэтессой Фелисой Круг.

Русское общество за трапезой обычно пьет водку, которую Северянин не пьет. Долгое ожидание бульона, пауза для приготовления <блюдов>, пауза для компота. Симпатия поэта – «Смедеревка» <сорт белого вина – прим. составителя>. В ожидании и паузах разговор, Северянин внимательно <слушает> о белградских знакомых из русской колонии.

Говорить трудно, потому что Северянин говорит на прекрасном русском языке. Тем не менее...

Вот наш разговор:

- Читали ли вы публично в Румынии, ваши стихи?
- Да. В Кишиневе, Аккермане и Бухаресте.
- На русском языке?

— Да. Понимали меня русских беженцев и молдаване, румыны с русской культурой. Слушали меня и румыны.

— Понравилась ли вам Румыния?

— Думаю там обосноваться надолго.

— «Надолго», это означает для Северянина только на один год, — объясняет его супруга.

— Вы там читали свои стихи о Далмации?

— Да, с тем же результатом, что и в Париже.

— Продолжаете писать новое?

— В Варшаве печатаю два сборника моих стихов «Медальоны» и

«Lugne».

— Что такое «Медальоны»?

— Это сонеты посвященные поэтам и писателям.

Северянин перечисляет ряд поэтов и писателей. Получил свое замечание и Ремарк.

— Как вы думаете, что является причиной всеобщего успеха Ремарка?

— Это необычная ясность, легкость и естественность.

— Какой сонет написан о Ремарке?

— Прозой не сказать.

— Я думаю, что каждый воин при чтении Ремарка снова переживает ужасы войны, до дрожи. Это успех книги «На Западном фронте без перемен», — добавляет г-жа Фелисса Крут.

— Вы написали сонет о ком-то из наших авторов?

— О Йоване Дучиче.

— Что нового приготовили для субботы?

— Буду читать мои старые стихи, написанные в 1913 году.

— Широчайший пласт, — объясняет г-жа Фелисса.

— Хотите ли читать новые произведения?

— Хочу читать стихи, которые я написал в Бессарабии.

— Стихи, посвященные одной польской девушке, в которую мой муж влюбился в Бессарабии! — мирно добавляет его супруга.

— Вы ревнуете?

Интересно, что скажет Северянин, чьи глаза быстро ищут поддержки у Фелиссы.

— Неужели так трудно писать стихи во время экономического кризиса?

— Очень трудно.

— Можете ли вы быть изолированы от этой проблемы?

— Опасения поэта являются ценными для многих слушателей, не чувствительных к высокому поэтическому вдохновению.

— Интересуетесь ли бытовыми проблемами?

— Поэт <...> чистый лирик

— Как относитесь к политике?

— Я ненавижу политику ради политики. Это то, что я показал в своем сборнике стихов «Классические розы», который вышел в Белграде.

- Что вас интересует в Белграде?
- Мне импонирует новый город <...>
- Как поэт смотрит на город вообще?
- Отказ от любого из городов. Я противник урбанизма и я думаю, что это ерунда быть запертым весь день в темной квартире, когда природа так красива.
- Какова ваша поэтическая концепция народа?
- Никакой особенной концепции нет, потому что поэт не видит разницу. Для него люди просто люди. Это мой взгляд на все человечество.
- Тем не менее, есть ли различия между мужчиной и женщиной?
- Я люблю свою жену.
- Скажи полячку! Вы знаете, его новая любовь была полячка, — поправляет и дополняет г-жа Фелисса.
- Какова роль женщины в поэзии?
- Поэзия и женщина обе женского рода.
- Вам нравятся мужественные женщины?
- Мне не нравится. Но мне нравятся умные женщины.
- Вы переводили <поэта> Крклеца. Будете ли вы переводить и других наших поэтов?
- Хочу. Перевод Крклеца это результат личного контакта. Я получил подстрочник его стихотворений, которому я придал поэтическую форму на русском языке.
- Что вы понимаете под лирикой?
- Личные, самоотверженные, внутренние чувства, что вдохновляют и становятся интересны во всем мире.
- Что важнее для поэзии: слово, ритм, рифма, или мысль?
- Не имеет значения «что», а имеет «как».
- Необходимая сущность поэзии?
- Да.
- Как вы пишете?
- Я пишу быстро, работаю долго.
- Ваше вдохновение ограничено?
- Плодотворно в тени и в течение дня.
- Ваша жена принимает участие в вашем творчестве?
- Да. Она чувствительна, дает хорошие советы, и имеет превосходный вкус.
- Таким образом, она первый редактор ваших стихов?
- Да.
- Каковы ваши пожелания?
- Жить и работать спокойно.
- Вы когда-нибудь в вашей жизни была работа?
- Не понимаю вашего вопроса.
- Видите ли, Крклец поэт, а также секретарь Белградской биржи.
- Я понял. Я ловец рыбы!
- Означает ли это, что ваша работа приносит вдохновение?
- Да, я написал стихи об удочке.

- На эту удочку он ловит желанных женщин — добавляет г-жа Фелисса.
- Сколько весила самая большая рыба, которую вы поймали?
- Восемь фунтов.
- Какова ваша лучшая песня?
- Я написал более двадцати книг стихов. Я хотел бы отсечь из них стихи для двух книг, а остальное сжечь на костре.

Письмо Игоря Северянина

Из Словении нами было получено письмо от известного русского поэта Игоря Северянина, в данное время гастролирующего за границей:

«Из Тойла (постоянное местожительство поэта) мы с женой уехали первого марта, следовательно, путешествуем уже ровно 4 1/2 месяца. Почти никому ничего не писал, только теперь, обосновавшись здесь на лето, начинаю переключаться. Живем мы здесь с 21 июня. Замок старинный, принадлежит роду австрийских графов Герберштейн. Замку 600 лет, и в нем 126 комнат. Из окна нашей комнаты чудесный вид на холмистые поля буковые, леса, горы, речку, протекающую перед окнами. Вдалеке синеют Альпы (70 километров). От Марибора, пограничного с Австрией города, 18 километров от Вены 5 часов езды, от Италии тоже. От Белграда 12 часов езды в скором поезде. Два месца мы прожили в Румынии: 5 недель в Кишиневе, 3 недели в Аккермане, 4 — в Бухаресте. 11 мая приехали в Белград, где и провели месяц. Ездили и к Адриатике: 3 дня в Дубровнике. Из Далмации попали в Боснию: 8 дней в Сараеве. Вечера дал в Варшаве, Кишиневе, Аккермане, Бухаресте, Балграде и Сараеве. Очень много интересного произошло в этом путешествии. Куда поедет отсюда, еще сами не знаем точно. Может быть в Болгарию, может быть обратно Румынию. В Аккермане, Бухаресте и Кишиневе просят выступить еще раз. Написал в пути около 20 стихотворений. Когда мы были в Аккермане, побывали и на Черном море, в Бургасе. Оттуда до Одессы рукой подать... (Россия).

Здесь шли все время дожди, а теперь установилась такая духота, что выйти днем из комнаты невозможно. Гуляем или в шесть утра или в десять вечера. Мечтаю о милом севере. Привет старой Нарве!»

«Старый Нарвский листок», 20 июля 1933 года, без подписи.

Игор Северјанин

Уз час читања његових дела на радиу у недељу у 3 децембра у 19 ч

— Косовска 53, први спрат десно. Добио сам адресу и кренуо да наћем Игора Северјанина. Пријвљујем се, али пре него што сам добио одговор, излази из собе у претсобље песник. У зимском капуту, полази од куће, али пристаје ипак да ми каже неколико речи.

Висок, мушког, северњачког лика песник је с тајао, очекујући питања. Да ли је то стајње било израз словенског прабичаја поштовања госта, или знак да «неколико речи», за које сам молио, треба заиста да остану «неколико речи», а не дуг разговор?

Питам га о Словеначкој, где је провео лето, али још није питање завршено, а Игор Васшљевић даје одговоре, кратке, суве, скоро као «личне податке» на суду.

— Марибор. Замак Храстовица, четири и по месеца.

О свом предавању у Руском Дому говори истим начином, стенографски, лапидарно.

— Да, имао сам предавање. Двадесет другог. Наслов је био «Пут к вечним ружама». Руска поезија почетком XX века.

Питам га да ми каже нешто о Финској, где живи. (Нека ми опросте људи са Балтика, али ту сам погрешно био информисан, или сам био заборавио).

Песник, са малим осмехом којму једва приметно развучи краје ее усана, исправља грешку.

— Не, не живим ја у Финској, ми смо сада стално настањени у Естонији... Естланд — додаје брзо објашњавају. — Естонија је јужно од Финског залива, а Финскаје на северо-истоку, на полуострву.

Ја му захваљујем на објашњењу. Интервју почиње да губи од своје сувопарности. Кад се неко насмеје, или макар насмеши, он престаје бити сув, јер осмех разбија лед.

— Када је почео да пише?

— Кад ми је било девет година.

Ово он каже просто и лако, као кад неког питају кад је пошао у основну школу, а он одговори да је у седмој.

— Да што ви говорите! — чудим се ја.

— Па ипак је тако. Први радови су ми штампани 95 године. Било ми је 17—18 година.

Ту се мало замисли, пред очима му је, можда, онај број журналау коме је његова песма — првенац, коју је читао по сто пута, па ипак није веровао да је заиста његова песма, рођена, штампана. Затим додаје, враћајући се опет на суви, званични тон:

— Сада ми је 47 година.

Његова лице, обријано, јаких црта и дубоких бор, мрко, па ипак пријатељско, не одаје му године. Могао би имати 38 или 54.

Питам га да ми каже нешто о Буњину, који је недавно добио Нобелову награду. Он мало размишља. Најзад:

— Што-ж, — прост, јасен, академичан, холоден ...

Иза његових лећа његов пријатељ не може да одоли сердцу јуначкоме, — ма да он није предмет интервјуа — и додаје још један придев, не много ласкав.

Игор Васиљевић исправља ова ј испад уз смешак и слегање раменима:

— Но, то се не би могло рећи...— затим наставља: — Свакако, треба поздравити то, што је један Рус добио награду. Први из руске литературе...

— Али, познато је да је Толстој требао добити награду и да је ствар била готова, а да је Лав Николајевић сам то осујетио јер је дознао ј раније.

О овоме Игор Северјанин има своје засебно мишљење. Према њему, то је измишљено, (па ипак, Толстој је то сам доцније помињао својм писмима).

— Каква је ваша лична лектира? Коју књижевност претпостављате?

— Модерну, савремену. Волим Шмелјева, Рошчина, Зајцева...

— А наша литература?

Ово питање добија други одговор, дипломатски:

— Из ваше књижевности преводио сам Дучића, десет песама, Крклеца, Милићевића. — Затим додаје, реципрочно: — Мене су преводили на ваш језик Бадалић, Тарановски (много), Кршић...

Интервју је завршен, устао сам да поћем, али Игор Васиљевић додаје још на разстанку:

— Писао сам о вашем мору. О Јадрану.

Госпоћа Северјанин тада налази у једном коферу малу свещицу песама, коју ми даје:

— Вот вам, на воспоменије...

«Радио Београд», Белград, 27 новембра 1933 года, копия в архиве составителя. Интервью предваряло выступление поэта в эфире белградского радио. Возможно, было записано на грампластинку. Поэт привез запись в Эстонию, но в 1935 году она была утрачена.

Йован Дучич (1876-1943) — сербский поэт, основоположник югославянского символизма. Игорь-Северянин перевел стихотворения Дучича «Вино из Дубровника», «Мадригал из дубровника», «Инок из Дубровника» (опубликованы в сборнике «Адриатика»).

Ниже приведен подстрочный перевод с сербского:

Игорь Северяин

<будет> читать свои стихи на радио в воскресенье, 3 декабря в 19 ч.

— 53, Косовска, первый этаж направо. Я получил адрес и пошел к Игорю Северянину. <Постучал>, но прежде чем я получил ответ, из номера в коридор вышел поэт. Одетый в зимнее пальто, все же подходит ко мне сказать несколько слов.

Высокий мужчина, северного облика поэт, стоя ожидал вопросов. Разве стоя <это> обычай уважения словенских гостей, или признак того, что «несколько слов», о которых я просил, на самом деле «несколько слов», а не длинный разговор?

Я спрашиваю его о Словении, где он провел лето, но еще не закончил вопрос, а Игорь Васильевич <уже> отвечает, коротко, сухо, почти как <сообщает> «личную информацию» в суде.

— Марибор. Замок Храстовец, четыре с половиной месяца.

Про свою лекцию в Русском доме говорит так же, стенографически, немногословно.

— Да, у меня была лекция. Двадцать вторая. Название «Путь к вечным розам». Русская поэзия начала XX века.

Я прошу его рассказать мне что-нибудь о Финляндии, где он живет. (Прошу прощения у людей с Балтийского моря, но был неправильно проинформирован.)

Поэт, с небольшой улыбкой, едва заметной на губах, поправляет.

— Нет, я не живу в Финляндии, мы сейчас живем в Эстонии ... Эстланд — <он> быстро добавляет объяснение. — Эстония находится к югу от Финского залива, а Финляндия на северо-востоке, на полуострове.

Я благодарю его за объяснение. Интервью начало терять свою суховатость. Когда человек смеется или даже улыбается, он перестает быть сухим, улыбка разбивает лед.

— Когда вы начали писать?

— Когда мне было девять лет.

Это он говорит, просто и легко, так как на вопрос <о том>, когда он пошел в школу, и он сказал, что в семь лет.

— Да что вы говорите! — интересно.

— Тем не менее, так есть. Первую работу напечатал в 95 году <правильно: 1905>. Мне было 17-18 лет.

Вот некоторые идеи, перед ним, пожалуй, одним из которых является журнал с его стихотворением — первенцем, которое он читал по сто раз, но не верят, что это действительно его напечатанные стихи. Затем он добавляет, возвращаясь снова к сухому, официальному тону:

Игорь-Северянин в замке Храстовец. 1933.

— Теперь мне 47 лет.

У него бритое загорелое лицо, сильные линии и глубокие морщины, <выражение лица> дружелюбное. Ему может быть 38 или 54.

Я прошу его рассказать мне что-нибудь о Бунине, который недавно получил Нобелевскую премию. Он немного подумал. Наконец:

— Что ж, — прост, ясен, академичен, холоден...

Его друг за линзами <очков> не может удержать юношеского сердца, — однако он не подложит интервью — и добавляет еще немного лестного <про Бунина>.

Игорь Васильевич, исправляя собой <в интервью>, с улыбкой и пожал плечами:

— Нет, речь не об этом... — а потом продолжает: — Конечно, можно только приветствовать, что <Бунин> русский. Первый из русской литературы...

— Но, как известно, Толстой должен получить награду, и что дело было закончено, и что Лев Николаевич сам <осујетно> выяснили ранее.

Об этом Игорь Северянин имеет свое особое мнение. По его словам, он был изобретен (впрочем, Толстой сам позже собственноручно <записал> в дневник).

— Что вы читаете? Какой литературе <отдаете> предпочтение?

— Новейшую, современную. Я люблю Шмелева, Рощина, Зайцева...

— А наша литература?

Этот вопрос получает дипломатичный ответ:

— Из вашей литературы я переводил Дучича, десять стихотворений, Крклеца, Милишевича. — Затем он добавляет, <о> взаимности: — Я был переведен на ваш язык Бадаличем, Тарановским (много), Кршичем ...

Интервью закончено, я встал, чтобы уйти, но Игорь Васильевич добавляет на прощанье:

— Я писал о вашем море. О Ядрене.

Госпожа Северянин достает из небольшого чемоданчика сборник стихов, который подает мне:

— Вот вам на память...

Игорь Северянинъ въ София

Пристигналь е въ София известниять руски поеть Игорь Северянинъ. Днесъ той ще чете лекция на тема «Пжтъть к къмь вЪунитЪ рози» (руската поезия отъ началото на ХХ вѣкъ).

Въ срѣда въ Славянского д-во ще има вечерь, на поезията. Северянинъ ще чете стихове посветени на България.

Отъ София той ще замине за Кишеневъ, кждето ще редактира, сп. «Златенъ пѣтель», въ което ще сътрудничать: Купринъ, Балмонтъ, Теффи, Бунинъ. и др.

«Зора», 20 декабря 1933 года. Лекция «Путь к вечным розам» и поэзоконцерт в зале Славянского общества состоялись 20 декабря 1933 года. Упомянут издававшийся в Кишиневе журнал «Золотой петушок», издававшийся при участии Игоря-Северянина в Кишиневе, редактор Леонид Евицкий издание завершилось на третьем номере.

Igor Severianine á Sofia

— Le poète russe Igor Severianine, se trouvant depuis quelques jours á Sofia, a fait hier une conference en russe sur le thème: La voie des roses éternelles.

Lamercredi 20 décembre M. Severianine récitera, dans la salle de la Socièté slave, quelques-unes de ses poésies consacrées á la Bulgarie.

De Sofia, notre diistinguè hôte partira pour Kichinev où il rédigera la revue russe «Соq d'or»

Вырезка из болгарской газеты 1933 года в личном архиве Игоря-Северянина. Упомянут поэзоконцерт 20 декабря 1933 года в Софии в салоне «Славянская беседа». Упомянут журнал «Золотой петушок»

Петр Пильский

Странствующий рыцарь

30-летие литературной деятельности Игоря Северянина

«Повсеградно оэкранен» — «В златополдень» —
«В женоклубе» — Случай в кафе Робина — Свежий воздух —
Все тот же — Впечатлительность и глаза.

Все вдруг даже ахнули: так это было неожиданно. Вдруг появляется молодой человек и говорит:

«Я повсеградно оэкранен,
Я повсесердно утвержден!»

Очень пугала самонадеянность, но и слова тоже были страшны. Некоторые даже заявили, что с неба упали совсем непозволительные новшества, и русский язык окончательно поруган, — слава Богу! — что не окончательно погублен.

Нечего говорить: дерзость пугала, но почему такое содрогание вызывали слова? Будто мы их никогда не знали? Почему нельзя произносить: «оэкранен», «офрачился»? Ведь Жуковский не боялся говорить: «обезмышить», влюбленный в Наталью Гончарову Пушкин прекрасно выразился о себе: «Я огончарован».

В те годы Игорь Северянин славился, как выдумщик небывалой, сверхмодной изысканности. У него были «среброспинные коляски», «моторный лимузин», и день поэта проходил в самых утонченных забавах, самых кокетливых развлечениях:

Я в комфортабельной карете на эллипсических рессорах.
Люблю заехать в златополдень на чашку чая в женоклуб.

Я сам помню случай, когда потребовали «мороженое из сирени». Этот пышный заказ был сделан в Одессе, — в кафе Робина. Тогда Россию объезжали и с эстрады читали свои произведения Федор Сологуб и Игорь Северянин, им сопутствовала жена Сологуба, А.Н.Чеботаревская. Шутки ради она и потребовала в тот вечер это знаменитое и никогда не существовавшее мороженое. Конечно, его не было ни в одном меню, — оно фигурировало только в стихах Игоря Северянина.

Официант выслушал заказ и почтительно ответил:
— Все вышло!

Ничего другого сказать он не мог: в каждом приличном кафе, как и в каждом большом магазине, никогда не скажут «нет», а всегда: «было», будто по завету Надсона: «Не говори с тоской: — «их нет», но с благодарностью — «были».

Давно нет прежнего Петербурга, закончились его изломы и надломы, Северянин стал постоянным жителем милой тойловской глуши, проклял цивилизацию — а заодно и всю культуру, — подружился с тишиной, —

Он сник, услад столичных демон,
Боль причинивший не одну...
Я платье свежее надену!
Я свежим воздухом вздохну!

Изменилось многое, но не все, — неизменным остался сам Игорь Северянин. Общение с природой, с озерами, уединением не вытравили у него веры в себя. Попрежнему он упрям, настойчив и самонадеян. Этот человек остепенился во многом, — он остался все тем же расточительным фабрикантом или творцом словесных новшеств.

В сущности, это не только не страшно, но даже очень благотельно. Язык должен развиваться, обрастать новыми приставками, суффиксами, цвести смелыми произрастаниями из старых корней. У Северянина оскомина от шаблонов, — как это должно быть понятно каждому пишущему! Надо изменять словарь, — иначе можно возненавидеть всю эту старую словесную рухлядь. Северянин говорит не «детский», а «детий», не «орлиный», а «орлий», не «культуртрегер», а «культор», любит «крыльчатая души» в своем верном и неизменном пристрастии к приставке «о» выражается даже: «Оплотен дух».

Сейчас вышла последняя книжка его стихов «Рояль Леандра» (Бухарест, 1935), и тут я нашел глагол «обрандась»: это — от ибсеновского героя Брандта. Если б стихотворная строка сама не разъяснила, пришлось разгадывать, что значит «обрандась». Вообще наш слух, наш вкус к слову не всегда мирится с дарами Северянина, и, все-таки, в каждой его книге чувствуется личность. Кажется, что Северянин пишет свои стихи сразу набело, тут же отдает их в печать, — не исправляет, не совершенствует, публикует их, как Бог на душу положил. В этом искренняя, хотя и греховная самоуверенность.

Но как бы не расценивать отдельных строф, отдельных песен, у Северянина свой собственный голос. Этого поэта угадаешь по каким-нибудь трем-четырем строкам, — больше не надо, — ценная черта. Это и есть настоящая литературная сила.

В этом единственное право быть и жить в литературе, считаться писателем, с честью носить это прекрасное звание.

Северянина нельзя смешать ни с кем другим. Он - сам. Правда, у него совсем мало «точек зрения». Это определение следует пояснить. Северянин не поворачивает предмета разными сторонами. Его взгляд ловит одну грань, примечает какую-нибудь одну особенность, эту черту обобщает, от нее слепнет, от нее гложет, и уже не ищет ничего больше в этом предмете, — ни в озере, ни в человеке, ни в море, ни в полемизирующем враге. Северянин — впечатлитель. Его глаз схватывает и тотчас же останавливается.

Последние годы Северянин много разъезжает, устраивает свои вечера в Польше, Югославии, Чехословакии, Болгарии, Париже. В этих скитаниях он представляется странствующим рыцарем: хламида, гордость и песни.

Когда-то я о нем писал: «Если даже иногда он кажется босым, то за плечами у него плащ». Носить эту эффектную наружность умеет не всякий. Сейчас он спешенный воин, но это — воин.

За 30 лет литературной работы Игорь Северянин много написал, много издал. Такого количества книг нет ни у кого из поэтов. Вместе с дореволюционными выпусками, цифра сборников Игоря Северянина достигает внушительной цифры, — их 25. Но и это не все, потому что до сих пор не вышли и покоятся в рукописях, напр., «Литавры солнца», «Предцветение», переводы стихов эстонской поэтессы Марии Ундер, затем «Взор неизмеримый», «Расказы в ямбах», статьи об искусстве — «Спутники солнца», еще и еще. Плодovitость необычайна. Игорь Северянин неутомим.

Пусть не все страницы этих книг заслуживают вашей похвалы — несомненно два вывода. Первый: в лице Игоря Северянина мы видим и чувствуем настоящего поэта. Второй вывод: это многописание Северянина свидетельствует о том, что только здесь его единственное жизненное призвание. Это можно сказать не обо всех.

Для других литература — только случайность. В их экипаже она скачет пристяжной, — коренником несет эту упряжку иная сила. Какая? Во всяком случае, не литературная.

*«Сегодня», 28 января,
1935 года.*

Пильский Петр Моисеевич (1879-1941) — литературный и театральный критик, журналист, прозаик. В 1917 — соредактор А.И.Куприна в газете «Свободная Россия» (Петроград). В 1921 году прибыл в Эстонию.

Сотрудничал в газетах «Последние известия» (Ревель) и «Сегодня» (Рига). Жена Е.С.Кузнецова — актриса в труппе Русского театра в Ревеле.

С 1926 года Пильский в Риге — ведущий литературного отдела газеты «Сегодня». Использовал псевдонимы Роланд, П.Т.Роний, Петропий, Ленция, П.Шуйский, Петрополитанус, Петр Пустынник, ТРБ, Книголюб, Евлампий Кондаков, Стило и другие. После обыска и изъятия

советскими властями личного архива в мае 1940 года получил инсульт и паралич.

Скончался 12 декабря 1941 года в Риге. В публикации использована фотография П.Пильского.

— Ъ. (Петр Пильский)

Тойлаский отшельник

Завтра, 1 февраля — 30-летний юбилей

Поэтической деятельности Игоря Северянина.

Поэт-индивидуалист. — Основатель русского футуризма. —

Разрыв с футуристами. — Уход в одиночество. —

Любовь к «тринадцатой». — Пацифизм».

Завтра 1 февраля исполнится 30 лет творческой деятельности Игоря Северянина. Этот день поэт проведет у себя дома в кругу своих близких друзей, выехавших из Таллинна и Нарвы в Тойла.

И к концу тридцатилетней плодотворной и интенсивной поэтической деятельности Игорь Северянин продолжает оставаться и для русской критики и для русской публики почти неразрешимой загадкой: одни считают его исключительно лириком *par excellence*, другие ироником, третьи сатириком, четвертые пацифистом, пятые патриотом, шестые космополитом.

Словом, сколько критиков — столько мнений и никто окончательно не уверен в своей правоте; все только предполагают и гадают, и никто в точности ничего о Северянине не знает, кроме одной совершенно бесспорной очевидности, что в лице его мы имеем дело с большим несомненным талантом.

О творчестве поэта высказались в свое время почти все видные критики. О его стихах написано неисчислимое количество статей и рецензий. Если бы их собрать все вместе, получилось бы не меньше двадцати увесистых томов. Кто только не писал об Игоре Северянине! Мы, например, знаем о нем мнения Валерия Брюсова, Александра Амфитеатрова, Бальмонта, Блока, Гумилева, Изабеллы Гриневской, Теффи, Григория Петрова, Корнея Чуковского, Д.Луначарского, И.Ясинского, Зинаиды Гиппиус, Д.Мережковского, Федора Сологуба, Власа Дорошевича, Д.Измайлова, Сергея и Александра Яблоновских и «несть их числа». Одни бранили его, другие восхваляли, но все единодушно сходились на том, что у автора выдающегося одарения, наличие исключительной изобразительности его пера и певучая песенность стихов.

По примеру Маринетти в Италии, Игорь Северянин явился первым провозгласителем футуризма в России. Было это в 1911 году в Петербурге. В отличие от футуризма итальянского футуризм русский назывался «эго-футуризмом» и ставил себе основной задачей — самоутверждение личности художника. Вскоре в Москве возник «кубо-футуризм», во главе встали Вл.Маяковский, Велимир Хлебников, А.Крученых и братья Бурлюки.

Между «эго» и «кубо» был сонм различий. Достаточно хотя бы указать на самое главное: «кубисты» раскрашивали свои лица, малюя на них балерин и аэропланы, золотили носы и выступали публично в шелковых кофтах, муаровых красных фраках и зеленых бархатных жилетах, между тем, как петербургская фракция, т.е. «эгисты» не только не позволяли себе ничего подобного, но всячески ожесточенно боролись с причудами и скандальными особенностями москвичей.

На этой почве происходили схватки и в печати и на диспутах. Не раз пытался Игорь Северянин «объединить необъединимое», сотрудничать и выступать с Маяковским и другими «кубистами», ставя, прежде всего, непременным условием полнейшее воздержание от всяких экстравагантностей. Москвичи соглашались, происходили совместные выступления в Крыму и других городах России, «кубисты держали себя вначале прилично и выступали в обыкновенных общественных костюмах, но вскоре они не выдерживали требований от них приличий, разнуздывались и брались за свои излюбленные приемы, после чего Северянин резко рвал с ними. И снова русский футуризм раскалывался на две враждующие между собою группировки.

Северянину страстно хотелось, чтобы русский футуризм, зачинателем которого являлся он самолично, был единым полновесным и, главное — осмысленным, ибо как истинный художник, как поэт Божьей милостью он подходил к искусству всегда серьезно и благоговейно. К сожалению «молодчики» из Москвы были заняты заданиями иного порядка и, не обладая недюжинными способностями, не относясь к художественному слову свято, мало заботились о целях и путях искусства, предпочитая «бум» и полные кассы, глубинным поискам и бескорыстному служению музам. Утвердив свою независимую личность, Северянин заявил печатно о прекращении эго-футуризма... за ненадобностью, ибо некому, очевидно, было уже более самоутверждаться.

Внимание к Северянину было уже привлечено в достаточной степени, его книги стали расходиться десятками изданий, его вечера по всей России собирали полные залы восторженной и экспансивной молодежи, ему подражали, его превозносили, с ним считались; но многие, очень многие не могли простить его новаторства, его вызова и презрения к отсталости, косности и рутинности, ненавидели жгуче и неистово.

Так или иначе, для Игоря Северянина началась живая пора кипучей деятельности, все разгоравшаяся и вовлекавшая в свой круг новых и новых приверженцев и врагов. Русская молодежь буквально носила поэта на руках, и все его выступления были сплошным триумфом.

Но грянула революция и все смела и исковеркала. Поэт предпочел отказаться от общения с человечеством, отвернувшись от чистого искусства и погрузившись в «презренную прозу». Поэт удалился в приморскую эстонскую глушь...

Игорь Северянин, на наш взгляд, — вне партий, вне направлений, вне тенденций. Он — поэт-вселенец. Всякие рамки для него узки и противны его сущности. Он ярчайший индивидуалист, протестант. Он «не с этими и не с теми». Он сам по себе. Он типичный пантеист, и недаром Тютчев — его из-

любленный поэт: в этих двух русских поэтах есть черты ближайшего родства. Конечно, Северянин — лирик, но его лиризм часто с налетом едкой иронии.

Органический дефект Северянина — его юношеское безвкусице — с годами, проведенными в глуши в мудрой я трезвой обстановки окончательно преодолен им; последние книги его («Классические розы», «Медальоны», «Адриатика» Рояль Леандра) — лучшее тому доказательство. Стилистика его предельно изысканна. Краткость и сжатость доведены до совершенства. Его стихи легко запоминаются, темы разнообразны и общечеловечны. Городские изломы и надрывы изжиты и раз навсегда оставлены: природа вытеснила все нездоровое из его творчества.

Любовь во всех своих проявлениях является краеугольным камнем его поэзии: любовь к миру, любовь к людям, любовь к женщинам, в особенности, не существующей, невозможной, плоти не принявшей женщине. Любовь к извечной — блоковской — «незнакомке». Любовь к извечной — уже типично северянинской — «тринадцатой». Эта тема любви — поистине трагический лейтмотив творчества Игоря Северянина.

Начиная с 1914 г., Северянин, в первый месяц Мировой войны сгорая ее приветствовавший, резко изменил свою точку зрения, и пристыженный явной своей ошибкой, стал писать стихи против кровопролития, против члoвеконенавистничества. С тех пор он постоянно верен себе и ни разу не поднял своего голоса, за ненавистную ему войну. Если бы он вздумал издать книгу своих пацифистских стихов, он была бы весьма объемистой...

Думал ли Игорь Северянин, что свой XXX-летний юбилей будет встречать в занесенной снегом рыбацкой деревушке на берегу Балтийского моря? В день его юбилея будет немало работы телеграфу в Тойла. Отовсюду по телеграфным проводам пробегут слова любви и приветствий в скромный домик; Игоря-Северянина.

Петр Пильский (— Ъ). «Тойлаский отшельник», «Сегодня», № 27, четверг 31 января, 1935. В личном архиве поэта в Литературном музее в Тарту.

Петроний (Петр Пильский)

Первая любовь Игоря Северянина

— «Приеду в воскресенье!»

Но Северянина нет и в воскресенье, нет и в понедельник. Что такое? Наконец, приезжает в четверг, и объясняет; «Задержали всякие формальности». Но формальности — формальностями, а он за эти дни успел из Гунгербурга прокатиться в Тарту и уже, наконец, попал в Ригу.

Очень странно! Человек почти безвыездно живет то в красавице — Тойле, то в пустынном зимой курорте Гунгербурге, — живет так в продолжение 14 лет, и вдруг — путешествия, поездка, Таллинн. Тарту, Латвия... В чем дело?

Оказывается, сюда, в Ригу, Игорь Северянин приехал не только почитать своих друзей, — между прочим, фильмового режиссера Александра Русейкиса, но еще и с серьезной целью. Игорь Северянин за эти годы перевел эстонских поэтов, числом чуть ли не сорок, — например таких, как Виснапу — теперь задумал перевести в стихах поэтов Латвии — Скалбе, Аспазию. Поэтому, главным образом, он и стал нашим сегодняшним гостем.

Северянин мало меняется. Я не улавливаю у него даже легкого серебра седины: счастливек! Поэт, он теперь не хочет писать стихов. Они остаются у него в душе, их напевы звучать в его ушах, он носить их под сердцем, но не печатает:

— Не для кого! Читатель стихов вымер. Я делаю моим стихам аборты.

И в Тойле, и в Гунгербурге Игорь Северянин занимается любимым своим делом, — рыболовством. У него есть и собственная лодка, — он назвал ее «Дриной», — в память о юге, о Боснии, где несколько лет тому назад он проводил время в белом замке Словении, в его 126 комнатах. Я ему писал тогда: «Одному человеку нужны 2-3 комнаты. Кто же гоняет волков в остальных 123?»

Из Гунгербурга в столицу Эстонии он выезжает редко, — раза два в год, а последнее его посещение было связано с приездом И.А.Бунина. Ему на банкете Игорь Северянин сказал короткую, но примечательную речь: «Поэты ненавидят друг друга. Я — исключение, потому, что вас, Иван Алексеевич, я люблю».

Игорь Северянин больше всего сейчас переписывается с художником Рерихом и получает от него письма о судьбах Мира, о современности, о грядущих годах и трагедиях. Рерих мрачно смотрит вперед. В этой здоровой, но однообразной жизни на курорте зимой у Иг. Северянина случаются неожиданные встречи, судьба посылает ему иногда тревожные и счастливые сюрпризы.

Вот, прошел слух, что он собирается в СССР:

— Это правда?

Иг. Северянин объясняет, и я выслушиваю романтическую и романтическую историю. Вдруг он получает письмо от женщины по имени Злата. Она пишет ему из Берлина. Это, оказывается, его первая любовь. Она говорила о том, что живет в Выборге, что было бы хорошо увидаться после стольких лет разлуки, что, может быть, недурно совершить это путешествие вдвоем:

— Конечно, — говорить Иг. Северянин, — я Женичке тотчас же ответил...

— Как Женичке? Ведь, она — Злата?

— О, Злата это — ее поэтическое имя. В жизни и для всех остальных она — Евгения.

И вот Северянин отправляется с женой встретить свою первую любовь. Он волнуется. Автобус останавливается. Игорь Северянин просит жену подойти и встретить «Злату»:

— Вот, выйдет старая женщина, — может быть, даже с палочкой, — тогда, значит, это и есть Злата.

Жена пошла, внимательно оглядела всех старух и престарелых, по Злате не было. Ни одна из них не была похожа на описание, сделанное Северяниным. И он стоявший в отдалении, отправился домой. Уже подходит, к своему крыльцу, как увидел стоявший автомобиль. Что такое? Из него вышла изящная женщина в чудесной шляпе, очень

нарядная, с пылающим румянцем на лице, с ярко красными губами в, улыбаясь, весело упрекнула:

— Стыдно не встретить старого друга! А я простояла у автобуса чуть ли не 10 минут!

Современные женщины не знают старости, и это чудо им приносят не только гигиенические условия современной жизни, но еще и мастера возвращать молодость, — косметические кабинеты, макияж, — теперь и краски нужны не только художнику.

Злата пожила в Гунгербурге уехала, и снова настали тишина и зимние дни. У Игоря Северянина квартира в 4 комнаты:

— Что же такая квартира стоит?

— А стоит она ровным счетом 7 крон в месяц, т.е. около 10 латов.

По притоку Наровы, носящему красивое имя «Россонь». Игорь Северянин совершает большие путешествия, а у себя в Гунгербурге свел знакомство со всеми местными жителями — с плотниками, с сапожниками, с каменщиками — простыми людьми:

— Они очень любят стихи и понимают поэзию! С ними мне никогда не бывает скучно.

С годами Игорь Северянин чуть-чуть поуспокоился. Смесь, я достаю его книгу сонетов «Медальонь» и читаю ему его авто-характеристику. Игорь Северянин там пишет про себя:

Он тем хорош, что он совсем не то,
Что думает о нем толпа пустая,
Стихов принципиально не читая,
Раз нет в них ананасов и авто.

Фокстротт, кинематограф и Лого —
Вот, вот куда людская мчится стая:
А между тем душа его простая,
Как день весны. Но это знает кто?

Сейчас Игорь Северянин переводит литовскую поэтессу Саломею Нерис, получившую премию в 5000 лит, — неутомимый переводчик: пожалеем, что своим собственным стихам он делает «аборт».

Петроний (П.Пильский). «Первая любовь Игоря Северянина», Рига «Сегодня», № 282, 1940, в архиве составителя. В оформлении статьи использован фрагмент фотографии Евгении Гуцан — Златы (копия в архиве составителя).

Aleksei Rannit

Igor Severjanin

16. mal 1887 — 1937

Ajal, mil eesti luule Underi-Adamsi-Talviku-AIveri j.t. eestvedamisel on seadnud endale lipukirjaks Schilleri unustet sõnu:

Was unsterblich im Gesang soll leben, muss im Leben untergehen, on hea meenutada üht suurt lüürikut, kõige ehtsamat liiki romantilist luuletajat — Igor Severjaninit, kes 16. mail pühitses oma 50. sünnipäeva.

Igor Sererjaniniga kordub sama lugu mis Oskar Lutsugagi, ei taha kuidagiviisi uskuda, et ta saab alles 50-aastaseks, — on tunne, nagu peaks ta olema hulga vanem, liiga palju on ta kirjutanud, liiga palju on temast juba ammust ajast kuulnud.

I.Severjanin omab teenitult kuulsa nime vene kirjanduslikes ringes. Ja meilgi Eestis tema värsid ja tema suurepäraseid tõlkes eesti luuletajaist on teinud teda silmapaistvaks ja armastatuks.

I.Severjanini kunstiline looming oma valitud osas — see on muusika samal määral kui luulegi, võib-olla isegi enam muusika. Oma ekstravagantseid poeese (nagu ta ise nimetab oma luuletusi) ta tõesti l a u l a b, väljendudes õrnade värvega, joonte muustriga, täis õrna kompositsiooni. Vaatamata rütmika teataval määral koketeerivale toonile ja neologismide rohkusele, on mõningad tema luuletusist nii helisevad ja meloodilised, et isegi kõige lihtsama lugemisega saavutatakse nende juures musikaalset harmooniat. Tema värsside graatsiline, meelesööbiv paindumus on igale vähegi vastuvõtlikule lugejale oma erakordses tundeentsuses — haarav ja südamesse tungiv. Kuigi I.Severjanini luuletusi on tõlgitud saksa, prantsuse, inglise, esperanto, rumeenia, gruusia, bulgaaria, serbia, läti, väga palju poola ja tänamatult vähe eesti — keele, on nad siiski raskelt tõlgitavad oma musikaalsuse tõttu, mida võib tõlkes paremal juhul jäljendada, kuid edasi anda on võimatu.

Igor Severjanin sündis 16. mail 1887. aastal Peterburis ohvitseri ja Kurski kubermangu mõisnike peamehe tütre pojana. Oma lapsepõlve veetis ta Novgorodi kubermangus, Suda jõe ääres ja hariduse sai Cherepovetsi realkoolis, mille juhatajast on talle jäänudki ellu parimad mälestused. Kirjanduses debüteeris ta laiemalt aastal 1913, kus ilmus tema esimene suurem luuletuskogu «Kõuekeev pokaal», mis lühikese ajaga kannatas välja kümme trükki, tekitades suuri laineid ja tuues Severjaninile ülevenemaalise kuulsuse. Tema debüüdiile sai osaks ka arvustuses suur edu — kirglikud ülistused ja ka kirglikud mahategemised

Tema kirjanduslikuks ristiisaks oli luuletaja E.Fofanov, talle andsid kohe teatava tunnustuse sellised vene luulesuurkujud nagu V.Brjusov, N.Gumilev, F.Sologub j.t.

Olgugi et I. Severjaninilt ilmus hiljemalt tänaseni tervelt 32 luuletuskogu (üldtiraazhiga ligi 200.000), jääb siiski «Kõuekeev pokaal» ületamatuks tema toodangus. I. Severjanin sai eriti populaarseks kirjanduslike esinemiste kaudu, — tema loomingu õhtuid ja kontserte on olnud üle kolmesaja, neil on ta esinenud peagu kõigis Euroopa ja Euroopa-Venemaa suuremates keskustes. Paljudele ta luuletusile on loonud viisi heliloojad S. Rahmaninov, A. Arhangel'ski, Maljavin j. t.

I. Severjanini loomingu üldhinnang on tihti väga erinev. Leo Tolstoi, jugenud ta esimesi värsskatsetusi, on ahastuses käed kokku pannud ja hüüdnud: «Mu Jumal, kuhu on läinud vene luule!», hiljem aga Severjaninit tunnustas isegi rahvusvahelise kuulsusega kriitik Brandes ja paljud teised, ning meilgi Henrik Visnapuu nimetas teda uueks Pushkiniks.

Eestigi lugejaskond ja kirjanduslikud ringid tuletavad erilise tänu-meelega meele Igor Severjaninit, seda intiimseimat lüürikut, kes suurema osa oma elust on veetnud Eestis — Toila mererannas, «ankurdudes» — A. Adsoni sõnade järele — sinna mingi Byroni kangelasena ning on osutanud suurimat tähelepanu ja armastust Eestile ja meie luulele. Tõlketeostena eesti luuletajaist on talt ilmunud H. Visnapuu «Amores» (Moskva 1927), M. Underi «Eelõitseng» (1937) ja ulatuslik antoloogia eesti luulest: „Eesti poeedid“ (1928), milles on eriti meisterlikult tõlgitud meie vanemad lüürikut. Praegu on tal käsil uuema aja eesti luule antoloogia koostamine alates V. Adamsist ja Hendrik Adamsonist. I. Severjanin on ka oma originaalluuletusis pühendanud palju ruumi Eestile ja mõned ta kogudest on kirjutet eesti motiivile — nagu «Pühajõgi» ja «Fee Ei-ole». Mitmel välisturneel mööda Euroopat on ta lugenud loenguid eesti luulest ja oma tõlkeid eesti luuletajaist I. Severjanin on ka meisterlik deklamaator, — varemalt ta isegi kandis oma luuletusi ette pooleldi lauldes, praegu aga loeb neid askeetliku lihtsusega. I. Severjanini mõju eesti luules — noorema ea Visnapuu, Adamsi ja selle kaudu Sangagi juures on salgamatu.

Inimesena kõigiti sõbralik ja väga sümpaatne on Igor Severjanin leidnud eestigi kirjanikkonnas palju sõpru — eriti vist Henrik Visnapuu näol, millest August Allegi laulab:

Olen Visnapuu — Igorille truu.

I. Severjanini eriliseks nõrkuseks on kalapäük, millesse on ta kiindunud mitte vähema kirega kui luulessegi, nii et ta õigusega võis nende ridade kirjutajale kirjutada mõne päeva eest: „Igasugune juubel on tühine suuremõdulise õnge läinud kala ees!..“

16. 5. 37.

Вырезка из непоименованного эстонского источника 1937 года в домашнем архиве Игоря-Северянина, копия в архиве автора.

Алексис Раннит (Алексей Константинович Долгошев, *Aleksis Rannit*, 1914 Калласте — 1985, Нью-Хейвен, США) — эстонский поэт, искусствовед, критик. В 1940 году женился на литовской оперной певице Гражине Матулайтите, переехал в Каунасе, где до 1941 года работал переводчиком в Государственном театре драмы, а затем до 1944 года библиотекарем Центральной государственной библиотеки Литовской Республики. В 1944 году эмигрировал в Германию, в 1953 году переехал в США, где в 1954-1960 годах работал в Публичной библиотеке Нью-Йорка.

А.Раннит. «В оконном переплете». Перевод и предисловие Игоря-Северянина. Том XXIX. Таллинн, Изд. Академического Союза Объединенных искусств, 1938, без объявления тиража, 25 экз. отпечатаны на рисовальной бумаге Рлапит и снабжены ручными оттисками оригинальных гравюр Карин Лутс, на обложке рисунок Пауля Лийвака., инициал к предисловию, заставка и концовка работы К.Лутс. Портрет и факсимиле Алексиса Раннита взято из книги «В оконном переплете».

А. Rannit. «Via Dolorosa». Авторизованный перевод с эстонского Игоря-Северянина. Том XXXI. Стокгольм, «Северные огни», 1940, тираж 700 экз., с портретом А.Раннита работы Бориса Линде, на обложке репродукция с картины

Н.Чурляниса «Соната моря. Финал», в тексте репродукции с картин «Созвездие девы», «Рех», «Вечер».

Igor Severjanini juubel

2. veebruaril pihitseb luuletaja oma 35 a. tegevust kirjandusepollul.

Igor Severjanin Vene ego-futuristide eestvedajaid. Populaarne kõikjal slaavi. maades. Meil seda eriti kakskümmnd aastat tagasi, mil Severjanin kor-raldas oma luuletuste. ettekandeõhtuid nii Tartus kui ka Tallin-nas. Need õhtud tõid kokku toleaeagseid suuri kirjandusharrastajate ringkondi, sest peale kõige muu Severjanin on ka haruldane ettekandja. Oma laule ta luges pooleldi lauldes oma võimsa, maheda baritoniga. Teame pealegi, ka Henrik Visnapuu luuletajana oli Severjanini austajaid ja me võime kõnelda isegi viimase äratusist Visnapuu noorusea luules.

See kõik oli kakskümmend aastat tagasi. Eesti publik on viimasel ajal nagu unustusse jätnud oma kunagise lem-miku; 1920. aastal näiteks abiturientid erandi-tult võisid peast tsiteerida Severjanini musikaalseid, rütmilisi ja kauneid värse. Igor Severjanin aga püsib endiselt loovana oma kuulsuses nii paljudes maades.

Severjanin, kuigi venelane, on jäänud Eestile truuks. Ta elas Toilas kauemat aega, ja siis asus Narva-Jõesu. Abiellus eestlannaga ja andus oma võitmatule kire-le — kalastamisele. Virumaa, Viru rannik, inspireerivad teda laulma. Eritl palju ees-tiainelisi värse leidub ta järgmistes luuletuskogudes: «Klassikalised roosid», (Bel-grad, 1934) ja lõpuks terve kogu luuletusi «Pühajõgi» (Tartu, 1919) on pühendatud Eestile. Severjaninit võime täie õigusega pidada Viru ranniku laulikuks. See on, mis Severjaninit seob meiega, meie maa ja loodusega. Sellepärast on ta ka meile nii omane ja lähedane.

Kuid peale selle Severjantnil on suurl teeneid eesti luule tõlkijana vene keele. Üle neljakümne meie luuletaja laulu leiame tõlgituna ta koguteoses «Eesti poeedid» (Tartu, 1937), ja siis järgnevad rea meie luuletuskogude tõlked: M. Un-deri «Eelõitseng» (Tallinn, 1937), H. Visnapuu «Amores» (Moskva, 1922) ja «Käoorvik» (Narva, 1939) ning lõpuks A. Ranniti «Akna raamistuses» (1938) ja «Via dolorosa» (Stokholm, 1940).

Severjanin kaaslasena on vaimukas jutustaja ning innukas kaasalõõja, sõja-kate aegade erak-patsifist, kes sõjavakke võtmisel Maailmasõja ajal deklareeris sõjaväekomisjonis kindlalt: «Mina ei sõdi põhimõtteliselt». Ja ei sõdinudki Igor Severjanin — on meil vene vähemusrahvuse ereda kultuursusega esindaja. Maale, kus ta elanud, on ta osutanud kauneid teeneid; maa, kus ta elab, võib temale olla uhke.

«Юбилей Игоря-Северянина», врезка из непоименованного эстонского источника 1940 года в архиве Игоря-Северянина.

Использована семейная фотография Игоря Васильевича и Фелиссы Михайловны Лотаревых работы Евгения Финка (Рига, октябрь 1930). Местонахождение оригинала не установлено.

Алексис Раннит

Новый Игорь Северянин

К 35-летию литературной деятельности

Не знаю, какими словами можно говорить о поэзии, но если она тревожит из года в год и изо дня в день, от нее можно <...> хоть литературой, критическим этюдом.

Как поэт, Игорь Северянин, конечно, был влюблен в жизнь, и он караулил ее везде, за каждым углом своей мысли, на перекрестках, на эстрадах своих бурных выступлений, караулил с тоской настоящего влюбленного. Но жизнь неумолима, и когда красота начнет потряхивать перед ней розовыми туниками, прятать голову в «ананасы в шампанском», — жизнь только так полоснет ножом, и уже чахнет, изнемогает красота и рассеивается, как болотный туман. Для красоты, желающей во что бы то ни стало утолить нашу любовь, нашу разодранную душу, для красоты, действительно серьезной и гордой, непременно гордой, как королева, есть только одна возможность — смирение. Но этому как раз и не хотел верить молодой Северянин. Он вздумал, что красота может быть соблазном, может быть фавориткой и любовницей, и он писал все эти стихи, повторяющиеся тысячами уст, как «Это было у моря и многие другие».

До 1913 г. Из-под пера Северянина вышло 32 брошюры стихов. Но вот выходит в свет его знаменитый «Громокипящий кубок» с предисловием Федора Сологуба. Эта книга расходуется быстро в 10-ти изданиях и приносит Игорю Северянину всероссийское имя. Николай Гумилев пишет по поводу «Громокипящего кубка»: «Новый Аттила врывается на материк нашей поэзии, он силен, смел и талантлив». С небывалым бешеным успехом шли книги Северянина. Только за неполных 2 года разошлось больше 25.000 экземпляров его сборников: «Громокипящий кубок», «Златолира», «Ананасы в шампанском», «Виктория Регия», «Поэзоантракт». В 1915 году эти книги выходят снова и расходятся в 45.000 экземплярах: таких тиражей Россия не знала, это было головокружительно. О Северянине стали писать поэты — Бальмонт, Блок, Брюсов, Бунин, Гиппиус, Городецкий, Шагинян, о нем заговорили в печати Мережковский, Лев Толстой, Амфитеатров, Лунчарский, Дорошевич, Эрен-

бург — всех не перечислишь, и тогда же вышла книга «Критика о творчестве Игоря Северянина».

До наших дней вышло в свете 35 книг стихов Игоря Северянина с общим тиражом в 200.000 экземпляров. Этого поэта многократно перевели на французский, английский, испанский, особенно много на польский, еврейский, чешский, болгарский, румынский, сербский, хорватский, латышский, эстонский, эсперанто и грузинский языки (Имеются стихотворения Игоря Северянина, переведенные на литовский язык. Ред.). Стихи Игоря Северянина положили на музыку Рахманинов, Архангельский, Прокофьев, Багряновский и мн. др. Известны его портреты - работы Сорина, Шухаева, а также замечательный рисунок углем работы Владимира Маяковского. Влияние Игоря Северянина на иностранную литературу неоспоримо, — стоит вспомнить хотя бы известного польского поэта Казимира Вежинского. Печатался Игорь Северянин во всех журналах, во всех газетах, во всех альманахах, слава не жалела своих щедрот, для него она была расточительнейшим мотом. Еще в 1918 году — уже в разгаре революции — Северянин собирает в зале политехнического музея в Москве 2000 слушателей и тогда же эти слушатели избирают его «королем поэзии».

О, он полюбил свой успех, он изнемогал от этой любви, он совсем по-детски, романтически влюбился в свою славу. Он твердит о своей любви, надоедает этой любовью, хвастается ею. —

Я — гений Игорь Северянин своей любовью упоен.

Но... я хочу Вам теперь рассказать о новом Игоре Северянине, о котором Вы знаете меньше всего, но который является самым полноценным. Это есть Северянин последних 15 лет. Обладатель неиссякаемой певучей силы (и в этом отношении сравним и с Блоком и с Бальмонтом), носитель духа веселого и легкокрылого, охотно дерзающего и не задумывающегося о своих поражениях, словом, кудрявый русский певец, он, наконец, нашел путь для определения своих верных возможностей, известные нормы, дающие право строгого таланта. Правда, благодаря этому потерялся прежний образ Игоря Северянина, образ перебирателя гитарных струн, но он добился в своих произведениях прочности и красоты, достижимых только при соединении трех условий: глубокого бессознательного порыва, строгого его осознания и могучей воли при его воплощении.

Это новые книги Игоря Северянина, вышедшие в зарубежье — «Классические розы» (Belgrad, 31), «Адриатика» (Narva, 32) и «Медальоны» (Belgrad, 34), на которые я хочу обратить внимание литовского читателя, чтобы он мог скорректировать свое прежнее понятие о Игоре Северянине. В этих книгах — законы и предметы реального мира вдруг становятся на место прежних, насквозь пронизанных мечтою, в исполнение которой он прежде верил. Но сила жизни и любовь в нем так сильна, что он начинает любить свое сиротство, постигает красоту боли и смерти. И о грусти пишутся им теперь такие прекрасные строки:

необходим душе моей, как слава,
изгиб ее осеннего плеча.

Людам, которым суждено дойти до такого превращения, или людям, обладающим кошачьей памятью, привязывающейся ко всем пройденным этапам духа, новые книги Игоря Северянина покажутся волнующими и дорогими. Северянин, наконец, заговорил своим подлинным и, в то же время, художественно-убедительным языком:

Слёзы мертвых ночей

Однажды осенью, совсем монастырскою осенью,
Когда в грустнеющей и шопотной просини вод
Успокоение, плыла она в лодке по озеру,
Был день Успения, и нежное в нем торжество.

О, слёзы женские! Всё озеро вами настроено,
Из глаз монашеских накаплено до берегов.
Оно наслёзено, — в нем просто воды нет ни дюйма.
Оно наплакано монахинями глубоко.

И этой девушкой, что плавала грустно по озеру,
Весло опущено не в воду, а в слёзы всех тех,
Кто жизнь оплакивал всю жизнь — и весною и осенью, —
кто в ночи мертвые о грешной вздыхал суете...

Я хочу закончить этот очерк словами Петра Пильского, — самым проникновенным и верным, что за последние годы написано о Северяnine: «Он — поэт в лучшем и полном смысле этого слова, поэт в своих книгах, в своих чувствованиях мира, в своих днях и всей жизни. Он ее приемлет только преображенной, отдав себя ее существующим и несуществующим прельщениям. Игорь Северянин — личность и самостоятельность. Если иногда он может казаться даже босым, то за плечами у него плащ. Носить эту эффектную ненужность умеет не всякий. Сейчас он, — волею судеб, — спешенный воин. Но это — воин».

Tallinn.

По сведениям Павла Лавринца автограф статьи хранится в фонде писателя и журналиста Юозаса Кялюотиса (1902 - 1983) в Рукописном отделе Литовской национальной библиотеки им. М. Мажвидаса (РО ЛНБ). На литовском языке: Aleksis Rannit. Naujas Igoris Severianinas (minint 35 metų jo literatūrinio darbo sukaktį) // Naujoji Romuva. 1940. Nr. 12-13. Раннит цитирует стихотворение 1929 года «Слезы мертвых ночей» из сборника «Классические розы».

Сегодня — чествование Игоря Северянина в Таллинне

В Таллинне сегодня, в зале клуба Черноголовых состоится торжественный вечер чествования известного поэта и переводчика Игоря Северянина по случаю его 35-летней литературной деятельности.

Вступительное слово скажет эстонский поэт Валмар Адамс. Декламировать стихи Северянина будут на эстонском языке, в переводах Виснапу и Раннита, известный драматически артист театра «Эстония» Гуго Лаур и артист Рабочего театра» В.Гутман. Прочтут стихи Северянина М.Шнейдер-Брайар — по-испански, а на эсперанто А. Йытер.

Выступит на этом вечере и сам юбиляр Игорь Северянин будет читать свои новые стихи и переводы с эстонского.

Затем пойдет концертное отделение.

Примадонна театра «Эстония» Милви Лайд исполнит, между прочим, песню на слова Северянина «Виктория Регия» на музыку С.Прохорова. Солист «Эстании» Воотеле Вейкат споет «Поэзу об Эстонии», — музыка на нее специально для этого вечера написана эстонским композитором проф. Адо Ведро. Участвует в этом вечере юбилейного чествования Северянина и лучший эстонский пианист Бруно Лукк, как и многие другие деятели эстонской литературы и музыки.

К этому празднеству исполнил портрет Игоря Северянина известный молодой художник Б.Линде.

«Сегодня», № 73, 14 марта, 1940. Газета в архиве составителя.

Юбилей Игоря Северянина.

К 35-тилетию литературной деятельности поэта.

14 марта в Таллинне (Ревель) в зале Клуба Черноголовых собрались многочисленные почитатели и друзья Игоря Северянина, чтобы чествовать его по случаю 35-летия литературной деятельности. Среди переполнившей зал публики находились многочисленные видные представители русской и эстонской обществности.

Торжество открыл речью русский национальный секретарь С.М.Шиллинг, отметивший, что Игорь Северянин и теперь собирает огромные аудитории. Это свидетельствует, что его творчество до сих пор находится в состоянии расцвета.

Эстонский поэт Вальмар Адамс сравнил Игоря Северянина с современным Руссо, зовущим назад к природе. Всем, кому дороги природа и мир, — дорога и поэзия Игоря Северянина.

Эстонский поэт Алексис Раннит сделал обзор жизни и творчества Игоря Северянина. Он закончил свою речь словами:

«Эстонский народ гордится тем, что крупный русский поэт Игорь Северянин живет в Эстонии».

Затем состоялось музыкально-литературное отделение, в котором выступили лучшие артисты и музыканты Эстонии. Во втором отделении свои стихи читал сам Игорь Северянин. Нескончаемыми аплодисментами публика заставила читать его около часа.

В заключение был оглашен длинный ряд поздравлений и приветствий, среди них — много из-за границы.

От имени президента Эстонии К.Пятса юбиляру был передан денежный подарок в 500 эст. крон.

Помещаем здесь новое стихотворение поэта-юбиляра, присланное им на днях «Рубежу».

Песня о цветах

О подснежниках синеньких,
Первых вешних цветах,
Песню сердце ты выкинь-ка,
Чтоб звучала в устах!

О бокальчатых ландышах,
Ожемчуживших мох,
В юность давнюю канувших,
Вновь струящих свой вздох.

О фиалочках северных,
Лиловатых слегка,
Запах чей неуверенный
Пьем на скате леска.
О жасмине, клубникою
Полыхающем нам
В мая ночь светлоликую
По окрестным садам.

И о бархатном ирисе,
Чья окраска чиста, —
Песню, сердце, ты выброси
Нам скорей на уста!

Эстония.

«Рубеж. Еженедельный литературно-художественный журнал», 4 мая 1940, Харбин. Подшивка в архиве составителя. В 1940 году журнал опубликовал очерк Игоря-Северянина «Трагический соловей» (о певице Евгении Мравининой); стихотворения «Теперь», «Последняя любовь», «Роковая разобщенность». Портрет Игоря-Северянина работы Бориса Линде (Boris Linde, 1940), иллюстрировавший сообщение в журнале «Рубеж», использован в оформлении обложки

После торжественного обеда в честь юбиляра 16 марта 1940 года в Таллинне (слева направо): Дмитрий Шумаков, Вальмар Адамс, Алексис Раннит, Игорь-Северянин, Георг Фейшнер, Юрий Шумаков, В.Стойнов.

От составителя

На первый взгляд подбор статей в настоящем сборнике может показаться случайным, однако, это выборка из тех материалов, которые попали в поле зрения составителя за достаточно длительный период времени. В любом случае сборник содержит и поныне труднодоступные материалы, относящиеся к жизни и творчеству Игоря-Северянина за период с 1910 по 1941 годы, т.е. охватывает практически весь период его активной творческой деятельности.

Для публикации отобраны рецензии на отдельные сборники стихов и концертная хроника, малоизвестные исследователям. В концертной (гастрольной) хронике предпочтение отдавалось материалам, в которых содержится прямая речь поэта или интервью с ним.

В некоторых случаях приводятся подстрочные переводы с французского, сербского, сербо-хорватского и словенского языков, позволяющие получить представление о содержании оригиналов. Подстрочные переводы ни на что не претендуют и составитель просит относиться к ним снисходительно. Известную сложность при публикации таких оригиналов представляют изменившаяся орфография и упрощенный современный алфавит. К сожалению, составитель не располагает материальными возможностями для редакции и художественного перевода подобных текстов, поэтому задача состояла в том, чтобы сделать их доступными для исследователей и читателей.

Таким образом Вы держите в руках полиязычное издание вполне в духе третьего тысячелетия. (Смайлик.)

* * *

Составитель благодарит работников Российского государственного архива литературы и искусства, с которыми его связывает многолетнее сотрудничество.

Особая благодарность Эстонскому литературному музею в Тарту и лично Сирье Олеск.

Автор необычайно признателен ныне покойной племяннице поэта Нине Георгиевне Аршас.

Отдельное спасибо Якову Новосельскому и Jevdja Alexander Jevdjevic за редактуру текстов на эстонском и сербском языках.

Михаил Петров.

Февраль, 2017 года, Таллинн.

Оглавление

- 3 Колье принцессы.
4 Электрические стихи (2).
5 К.М.Фофанов. После Голгофы.
5 Сергей Борисов. Громокипящий кубок.
6 Илья Игнатов. Литературные отголоски.
8 В.Шершеневич. Игорь Северянин. Златолира
8 Вечер Игоря Северянина
11 Д.Тальников. Недоразумение в стихах.
25 Бронислава Рундт. Шантеклер.
28 Александр Журин. Ананасы в шампанском.
29 А.Ожигов. Ананасы в шампанском.
36 Александр Журин. Victoria Regia.
37 Эд.Мюллер. Открытое письмо Северянину
38 H.Visnapuu. Igor Severjäänin.
47 Г.Тарасов. Театр. Поэзовечер.
47 И. Наживин. Конец.
52 Ник. Негорев. Ветер с Моря.
57 Сергей Шаршун. Песни усталости.
62 К.Ригин. Поэзовечер.
64 Концерт «Villa mon geros».
64 А.Панин. Вечер Северянина.
66 Д.В. «Менестрель».
67 Владимир Шатров. Поэзо-вечер.
67 Анна Воробьева. Поэзоконцерты Северянина.
68 Игорь Северянин.
69 Северянин в Варшаве.
70 Ярослав Воинов. Привет Северянину.
72 Яровой. На новый путь.
77 Виктор Ирецкий. Игорь Северянин.
80 Георгий Адамович. Литературные беседы.
81 Б.К. Роса оранжевого часа. Колокола собора чувств.
82 Игорь Северянин в Праге.
82 Г.Коренев. Еще раз о тоске Игоря Северянина.
83 Виктор Ховин. Силуэты современных писателей.
87 Игорь Северянин в Юрьеве
87 Северянин выступает в Риге.
90 Выступление в «Тагоне».
91 Л.К-н. У Игоря Северянина. Из блокнота интервьюера.
92 Николай Истомин. Беседа.
93 Oskar Urgert. Eesti luulet vene keeles.

- 97 Ст. Владимиров. Гунгербург. Концерт Игоря Северянина.
- 98 Игор Северјанин, ноћу код «Три шешира»
- 101 Р.Д. Разговор са Игором Северјанином и песникињом Фелисом Крут
- 108 З. Вече Игоря Северјанина.
- 111 Николай Рыбинский. Преображенный поэт.
- 112 Le rêve vécu.
- 116 Fri. Večr Igorja V. Severjanina
- 121 Н.Рыбинский. Едва не погиб Игорь Северянин.
- 122 Игорь Северянин о своей поездке в Югославию и Париж
- 123 Сергей Нальянч. В литературном содружестве
- 124 Леонид Гомолицкий. Концерт Игоря Северянина
- 127 Отъезд Игоря Северянина
- 127 Игорь Северянин на Балканах
- 129 Р.Э. Концерт мужского хора.
- 129 П.Пильский. Ни ананасов ни шампанского
- 131 Георгий Адамович. Классические розы.
- 134 Как работает Игорь Северянин.
- 135 Георгий Соргонин. «Адриатическая бирюза».
- 137 Леонид Гомолицкий. Игорь Северянин «Адриатика».
- 138 Петр Пильский. Дорожная тетрадь поэта.
- 140 Владимир Мончинский. Игорь Северянин в Кишиневе.
- 142 Прощальный вечер Игоря Северянина.
- 143 Владимир Мончинский. Догорели огни.
- 143 К-ћ. Необичан интервју са необичним књижевником
- 149 Письмо Игоря Северянина
- 150 М.М. Игор Северјанин
- 154 Игорь Северянинъ въ София
- 154 Igor Severianine á Sofia
- 155 Петр Пильский. Странствующий рыцарь.
- 158 Петр Пильский. Тойлаский отшельник.
- 160 Петр Пильский. Первая любовь Северянина.
- 163 Aleksei Rannit. Igor Severjanin.
- 166 J.P. Igor Severjanini juubel.
- 167 Алексис Раннит. Новый Игорь Северянин.
- 170 Сегодня чествование Северянина.
- 170 Юбилей Игоря Северянина.
- 173 М.Петров. От составителя.

